

ВЫШШГОРОД

1-2'2009

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Издается с марта 1994
Выходит 6 раз в год**

**ТАЛЛИНН • ЭСТОНИЯ
2009**

ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

**МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ФОНДА KULTUURKAPITAL

Ирина БЕЛОБРОВЦЕВА • Майму БЕРГ
Арво ВАЛТОН • Тийу ВАЛЬМ
Рейн ВЕЙДЕМАНН • Лариса ВОЛЬПЕРТ
Людмила ГАНС • Екатерина ГЕНИЕВА
Лола ЗВОНАРЕВА • Тээт КАЛЛАС
Любовь КИСЕЛЕВА • Михаил ЛОТМАН
Александр МЕЛИХОВ • Юхан СИЛЛАСТЕ
• Юло ТУУЛИК •

Благодарим Министерство культуры, Национальную библиотеку Эстонии, Центральную Нарвскую библиотеку за участие в организации нашей совместной с Библиотекой-фондом "Русское Зарубежье" (Москва) выставки "Архипелаг ГУЛАГ: эстонский остров"
Признательны также фонду Kultuurkapital за поддержку издания романа Майму Берг "Я любила русского" (Таллинн, VE 2009)

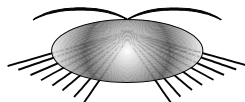
©
Журнал «Вышгород» № 1-2, 2009

©
Оформление В. Станишевского

©
Компьютерная графика О. Костанди

©
Название журнала - «Вышгород» - Ю. Зотова

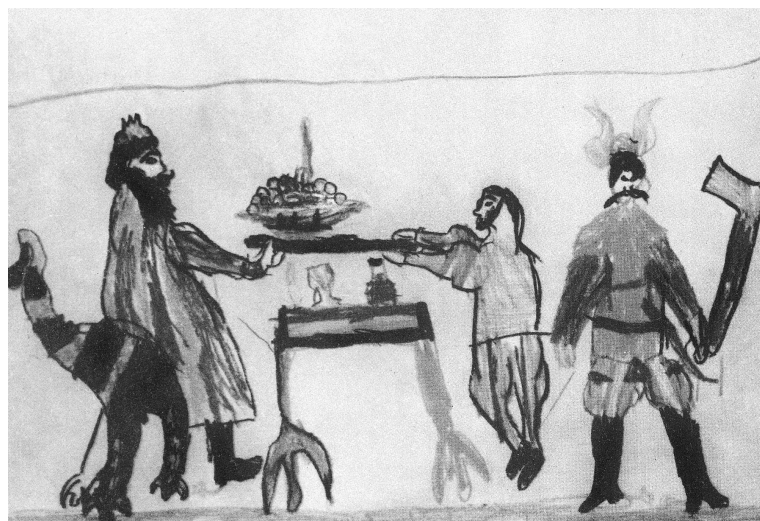
©
Е.А. Керсновская. Оазис в аду. (Наследники: И.М. Чапковский)

Не такая уж редкость встретить писателей, которые могут писать, лишь отталкиваясь от идей, утвержденных кем-то другим, скорее обеспокоенных отрицанием их, чем изобретением своих собственных, более обоснованных. И этим они не добиваются ничего, кроме молчаливого утверждения, что этот другой и есть настоящая цельная личность, а они сами - просто осколки мертвой материи, приговоренной вечно притягиваться к энергетическому центру.

Хосе Ортега-и-Гассет
“Пио Бароха: Анатомия рассеянной души”
Перевод с испанского - Игорь Пешков
Москва, “Лабиринт” 2008, с. 133

ЯАН
КРОСС
ТЕНЬ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

По данным общественной организации “Мементо” и Государственной комиссии по исследованию репрессивной политики оккупации, в Эстонии, население которой составляет 1,5 миллиона человек, жертвами коммунистического режима стали 150 000 человек. Расстрелянные, сосланные, умершие в лагерях, бежавшие за рубеж. В руки советской власти попали 48 членов бывшего правительства. Спаслись из них только трое.

Уничтожено - 26 млн книг стоимостью в 4 млрд современных эстонских крон. И т.д., и т.д., и т.д. Не буду перечислять все эти объективные факты, а сразу перейду на субъективный уровень. И буду говорить в первую очередь не об историко-политических составах преступлений в международно- или политико-криминальном смысле, а об установках, которые благоприятствовали рождению политической преступности. И прежде всего говорить об установках в том плане, в котором с ними столкнулся я. И позвольте мне к подбору фактического материала подойти, так сказать, односторонне, а смягчающие обстоятельства оставить адвокатам.

Яан Кросс (1920-2007) - классик эстонской литературы, несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию. Прозаик и поэт. Самый известный роман “Императорский безумец” (1978, перевод на русский - 1985) издавался огромными тиражами. Но мало кто знал (и критики не упоминали об этом), что Яан Кросс - один из репрессированных эстонских писателей. Он окончил юридический факультет Тартуского университета (1944). В период немецкой оккупации арестован как член Национального Комитета, борovéhoся за независимость Эстонии (хотя им не был), а после прихода Красной Армии - органами НКВД (по тому же обвинению). В 1946-54 был в лагере в Коми АССР (угольная шахта), на поселении в Красноярском крае. Эта тема проходит через поздние произведения писателя, начиная с конца 80-х, и духомные воспоминания “Дорогие спутники” (2003, 2008), на русский язык еще не переведенные. Впервые по-русски новеллы, связанные с депортацией и лагерной жизнью (“Поминальная речь по хозяину Кузуку”, “Князь”, “Свадебное путешествие”), напечатаны в журнале “Вышгород” и вошли в сборник “Открытие мира” (VE, Таллинн 2006).

Доклад, прочитанный на международной конференции “Преступления коммунизма” 14 июня 2000 года. Teataja nr. 3-4, 2001.

В ноябре 1989 года Центральный Комитет Коммунистической партии тогдашнего Советского Союза опубликовал направленную в адрес Балтийских республик угрозу - или как иначе назвать этот текст? Цитирую.

Дело зашло слишком далеко. Народам Прибалтики угрожает серьезная опасность. Люди должны знать, в какую пропасть толкают их националистически настроенные руководители. Потому что если им удастся достичь своей цели, результаты для народов могут быть катастрофическими. Даже существование их может оказаться под вопросом.*

И это был не лепет, рожденный наркотическим опьянением, а послание на самом авторитетном государственном уровне: если вы не откажетесь от своих требований полной государственной независимости, дойдет до того, что танки раздавят вас, а те, кто выживут, будут репрессированы. Это заявлено не во времена Сталина и Берии, а через 30 с лишним лет.

Через некоторое время в тогдашней Западной Германии мне задали вопрос: Как было воспринято такое послание? Вызвало ли оно страх? Я постарался быть честным и ответил: Страх - нет, а вот подавленность - надолго. Да, на несколько месяцев. И сегодня я могу добавить, что подавленность эта до сих пор не совсем прошла. Если так обласканный на Западе главный либерал Советского Союза Горбачев в отношении нашего стремления к свободе опустил до таких сталинистских тонов - на что нам надеяться, чего ждать с Востока?

Мои друзья на Западе спросили: А как случилось, что это не вызвало страха? Я ответил: Боженька мой, да мы исторически к этому привыкли. Да. Более чем четыреста лет назад, весной 1570 года, герцог Магнус, которого Великий князь Московский Иван IV, названный Грозным, назначил правителем Ливонии, во главе войск своего господина направлялся окружить и завоевать город Таллинн. С дороги он отправил вошедшее в историю послание Таллиннскому магистрату. Цитирую.

Если теперь город Таллинн по-доброму сам покорится нашей и наших потомков власти, он не только не лишится своих прежних привилегий, но будет ему на земле и в иных местах хорошая, доходная и вечная польза и добавятся богатые привилегии... Если же Таллинн хочет урона, потерь, гибели, кровопролития и убийств, пусть город знает, что царь и Великий князь (т.е. Иван Грозный - Я.К.) задействует всю свою царскую власть и войска, чтобы Таллинн разрушить и разграбить и захватить в вечное рабство и унижение... А что лживые души распространяли слухи, буд-

* Цитируется (как и в дальнейшем) в свободном пересказе с эстонского, - Ред.

то война ведется из-за наживы Великому князю, то это вранье и обман, от которого мы хотим народ Таллинна предостеречь и за что в скором времени лгуны заплатят своей кровью. И если все наши христианские предостережения не помогут, мы хотим накануне страшного несчастья перед милостивым Господом и всем христианским людом оправдаться...

И действительно, они всегда умели перед всем миром оправдаться. Только дьяки Ивана IV выражались более живописно, чем недавние секретари Центрального Комитета. Установка же на завоевание была одна и та же. И потомкам было на что опереться в деятельности предков.

Фельдмаршал Меншиков, военачальник Великого оконщика Петра Первого, в 1702 году и позже отчитывался царю о своей деятельности. Цитирую по работе венгерского академика Пала Хунфалви.

Скота и эстонцев взяли в плен множество. Корова теперь идет за три алтына, овца за две деньги, дитя за деньги, ребенок постарше за гривну, за алтын можно получить четырех.

Весь Тартуский уезд разорен и пуст. Захватили 140 немцев. Сколько было эстонцев, не могу сказать, казаки это дело решили между собой. Я не стал забирать у них пленных, чтобы не остудить их пыл.

Что можно было захватить - офицеров, барабанщиков, солдат, пасторов, лекарей, мельников, кузнецов, портных, граждан, слуг, вдов, крестьянок, больших и маленьких девок - брали с собой.

Или еще:

У меня есть, чем тебе понравиться, - Всесильный Господь и Пресвятая Богородица твое желание исполнили. На всей вражеской земле от Таллинна до Риги все прах, кроме Таллинна и Пярну и некоторых поместий на морском берегу. Города и поселки остались лишь на карте.

Или еще:

Эстонцев получили в этом году несколько меньше, чем в прошлом, но на каждого приходится один беглец. Кто остался, тех разбили, оказавших сопротивление зарубили.

А что произошло через 238 лет? Все это знают - но хочу напомнить один, по-моему, яркий момент.

В 1940 году в Москве Народным комиссариатом обороны Советского Союза был издан "Краткий военный русско-эстонский разговорник". Не знаю, издавался ли подобный русско-немецкий разговорник в медовые месяцы Гитлера-Сталина. Эстонский, во всяком случае, имеется. Если он появился в первой половине года, это свидетельствует о подготовке агрессии против тогда еще не-

зависимого государства, сверхнейтрального в отношении Советского Союза. Если же он опубликован после рокового 6 августа 1940 года, т.е. после нашего т.н. добровольного присоединения к СССР, - это говорит о подготовке агрессии против союзной республики. Не будем здесь анализировать, какое из направлений более преступно. Но примем во внимание, что с первой страницы этой книжечки текст в принципе однотипен:

Говорите правду! Вы должны знать! Вы должны были слышать! Вы должны были видеть! Вы не говорите правду! Стой! Сдавайся! Слезай с коня! Руки вверх! Ложись! Замолчи! Будешь шуметь, убью!

Я хорошо помню одного высокопоставленного сотрудника прокуратуры времен Вышинского. В начале 1950-х годов мы вместе были на поселении в Центральной Сибири, однако свое должностное отношение к вопросу Балтийских стран он сохранил неизменным. Кратко изложу его точку зрения.

Эта ваша т.н. Освободительная война - 1918-1920 - была ничем иным как вооруженным восстанием, контрреволюционным восстанием против Советской власти. Восстанием, которое было особенно опасно потому, что ему удалось на пару десятков лет стабилизироваться. Ясно, что руководство таким восстанием следовало при первой же необходимости уничтожить. А солидарную с ним часть общества рассеять в отдаленных районах Советского Союза - в пустынях, в тундре, в степи. Что и произошло, а при необходимости будет происходить и в дальнейшем - всегда.

Мой опыт показывает, что подобное отношение к нам в России встречается чаще, чем мы думаем - и гораздо чаще, чем считают на Западе.

Точно такова же ситуация и с пониманием (разумеется, наследие сталинизма) того, каким в действительности явилось т.н. объединение Балтийских стран с Советским Союзом в 1940 году, было ли это аннексией, завоеванием, оккупацией - или то, что случилось, все же добровольным присоединением. Я приведу один из тысячи подобных ему примеров. Не потому, что он глубже остальных по смыслу. Только потому, что он так привычно поверхностен: **что мы считаем нужным утверждать, то мы и утверждаем.** А слова эти принадлежат правоведа и даже академику.

26 мая 1990 года русский академик Кудрявцев дал пространное интервью газете "Uusi Suomi", в котором высказал убеждение, что присоединение Балтийских стран к Советскому Союзу было совершенно законно. В силу обстоятельств именно я должен был ему ответить. Сделал это через неделю в той же самой газете.

Я писал: Если в истории и встречаются случаи, когда в отношении таких присоединений можно употребить слово “законность”, то это означает, что в строй присоединяемой страны, прежде всего в ее Конституцию, соответствующее изменение должно быть внесено в предусмотренном этой Конституцией порядке.

Конечно, в Эстонии в 1940 году ничего подобного не происходило. Предусмотренного для таких случаев референдума не проводилось. Общее заседание обеих палат парламента не созывалось. Государственный совет попросту был распущен. Разумеется, в спешке и по-топорному делались попытки придать происходившему как бы черты законности и заретушировать голое насилие. Ведь Государственное собрание не имело полномочий принимать решения о смене государственного строя и отказе от независимости. Оно не смогло бы сделать это даже в том случае, если бы было избрано законным путем. Выборы (к тому же под нажимом танков и дивизий аннексирующей стороны) законными не были еще и в том смысле, что не соблюдались предусмотренные законом о выборах сроки. Было монополизировано определяющее положение коммунистического блока - кандидатов оппозиции выдвигать не разрешалось, фальсифицировались результаты выборов, о чем свидетельствовал запрет проверки их законным путем. И наконец, обманутыми оказались как избиратели, так и избранники: в избирательной программе не было ни слова о предстоящем присоединении к Советскому Союзу и об отказе от независимости - за это действительно голосовало бы минимальное количество избирателей. Но как только прошли выборы, Государственному собранию было приказано голосовать за отказ от независимости и за присоединение.

Между прочим, почему я говорю об этом так подробно? Потому что среди преступлений коммунизма (и прежде всего сталинизма) против эстонского народа аннексия 1940 года имеет прямо-таки значение ключевого преступления. Она открыла дорогу и наложила свою печать на все, что затем последовало. В связи с этим несколько слов о семи связанных с этим преступлением личностях.

Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп. Два первых - главные злодеи своего времени, двое других - их первые помощники. Но кроме четырех ведущих фигур, в каждой из Балтийских стран действовал свой посланник Москвы - главный режиссер событий. В Литве - ближайший человек Берии Деканозов, которого во времена Хрущева Советская власть, пытаясь обелить себя, сама расстреля-

ла. В Латвии постановщиком событий был пресловутый Вышинский, которого мир помнил как главного обвинителя на безумных процессах второй половины 1930-х годов, направленных против “врагов народа”. Эстонским Вышинским стал Жданов, центральная фигура сталинской преступной политики в области культуры, которого мир знает по пьесе Давида Пошналла “Мастер-класс” как основного мучителя (наряду со Сталиным) Шостаковича и Прокофьева. Непосредственный участник все еще не установленного количества убийств. Это настолько одиозная фигура, что как Петербургский университет, так и город Мариуполь, по их просьбе, уже давно освобождены от его позорного имени.

Но почему я опять так подробно говорю об этом? Потому что всякие наследники Сталина до сих пор считают формально юридически законным тот балаган, который устроил Жданов в Эстонии в 1940 году! Десять лет назад это утверждал академик Кудрявцев, а на прошлой неделе - Юрий Скуратов! И вряд ли они единственные жертвы своей непонятливости.

25 мая этого года газета “Eesti Päevaleht” опубликовала длинное интервью Астрид Кандле с недавно отправленным в отставку главным прокурором России Юрием Скуратовым. Текст интервью кончается так:

Вопрос журналистки: *Вы упомянули, что кроме Армении, где был проведен соответствующий референдум, все другие республики покинули Союз незаконно. А разве был законен пакт Молотова-Риббентропа?*

Очевидно, Скуратов еще хорошо помнил анекдот из серии вопросов Армянскому радио (из Вашингтона спрашивают: За сколько месячных зарплат советский рабочий может купить себе автомобиль? Помолчав, Ереван отвечает: Зато у вас негров линчуют). На вопрос о законности пакта Молотова-Риббентропа господин Скуратов ответил (полагаю, не помешкав): *Зато вступление Эстонии в Союз в 1940 году было формально юридически законно. И продолжил: То, что вы покинули Союз незаконно, может еще сыграть свою роковую роль.*

Здесь спрошу я: Какому закону мы должны были следовать? Очевидно, Конституции Советского Союза. Но почему? Если Советский Союз тогда же развалился? И если наше “вступление” в Союз, с нашей и всего мира точки зрения, было незаконным?

Скуратов продолжил: *Пройдет время, Россия снова станет великой державой. Начнется новый передел мира и найдутся силы как в Эстонии, так и в России, которые скажут, что Эстония покинула Союз незаконно. И закончил, заявив: В этом смысле вы живете на mine.*

Вряд ли можно назвать особенно конструктивным данное заявление. Скорее, это был небольшой психо-террористический эксперимент. Но страха он у нас действительно не вызвал. Как уже ранее сказано, мы привыкли к этому исторически. Кроме того, нам представляется текущий политический момент именно в противоположном смысле перспективным: новое руководство России достаточно разумно, чтобы понять, насколько уместно снять напряжение в отношениях с Балтийскими странами по-европейски - просто освободиться от остатков сталинского наследия. Конечно, это руководство лучше нас знает свои возможности и невозможности. И если оно не делает необходимые шаги, значит, оно еще не может себе их позволить. Жаль, нам остается ждать и надеяться на лучшее.

*Перевела с эстонского
Татьяна НИКИТИНА*

...Он был широкоплеч, широколоб, борода пугачёвская /.../ Вокруг него собирались часто, о металлургии рассуждал он меньше, а литавровым басом разъяснял, что Сталин - такой же пёс, как Иван Грозный: “стреляй! души! не оглядывайся!”, что Горький - слюняй и трепач, оправдатель палачей. Я восхищался этим Лебедевым: как будто весь русский народ воплотился передо мною в одно кряжистое туловище с этой умной головой, с этими руками и ногами пахаря. Он столько уже обдумал! - я учился у него понимать мир!..

**А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ.
Москва, Вагриус 2008, т. 1, с. 235-236.**

Ксения Яковлевна с мужем и сыном. Последняя фотография перед арестом В.В. Заркевича. 1940.

КСЕНИЯ ШАХОВСКАЯ ЗАРКЕВИЧ

ЗАЧЕМ?
ЗА ЧТО?
КУДА?

I. ...НАС ПУСТЯТ ПОД ОТКОС

Воспоминания Ксении Яковлевны Заркевич, записанные, очевидно, в 1980-е годы под впечатлением дневника учительницы Веры Васильевны Соловской "Прыжок в неизвестность", с которой они ехали в ссылку в одном вагоне и некоторое время жили в Бандарке вместе.

Июнь 1941-го года.

14 VI утром Печерский вокзал, вернее не вокзал, а эшелон товарных вагонов на третьем пути.

Жара, приоткрытые двери и возбужденные лица людей - женщины, дети.

15 VI все еще Печеры, только все больше прицепленных вагонов, все больше прибывающих людей. Кругом все оцеплено охраной.

15 VI 6 часов вечера, с грохотом задвигается на засов дверь, лязг колес, и тронулись в неизвестность.

Зачем, за что, куда?

Шаховские-Заркевичи. В 1919 семья Якова Шаховского эмигрировала в Эстонию. Жили в Печерах.

Яков Михайлович Шаховской (1876-1942), агроном по образованию, до 1919 был директором с.-х. училища в Крестах (Псков), арестован в октябре 1940, выслан в Узбекистан и умер 3 февраля 1942 от истощения.

Константин Яковлевич Шаховской (1905-1972) окончил в 1925 Печерскую гимназию. В 1935 - Печерскую духовную семинарию. В 1937 женился на Елизавете Петровне Нестеровой и в том же году рукоположен в священники. Служил в селе Сенно. В 1939 окончил богословский факультет Варшавского университета. В 1941-42 работал в Псковской области в Миссии, восстанавливал разрушенные и закрытые церкви. Арестован 27 марта 1945, 28 июля осужден Ленинградским военным трибуналом по статье 58.1. сроком на 10 лет и к 5 годам лишения прав гражданства. Заключение отбывал в Коми АССР в ИТЛ Инты и Абези. Освобожден 27 ноября 1954. Отбывал ссылку в Колпашевском районе Томской области. 13 марта 1956 снят с учета спецпоселения. 3 мая 1955 назначен священником в Тогур Колпашевского района, 9 августа 1956 - в Троицкую церковь г. Томска, в марте 1965 - в г. Канск. С 20 января 1969 по 1970 - священник в селе Ямы. Реабилитирован 7 декабря 2001 прокуратурой Псковской области.

Как часто видела эти товарные вагоны, какими безразличными они были, а теперь это наш дом и, вместо груза и скота, мы и наши дети. Наш вагон, вероятно, служил для перевозки скота, об этом свидетельствуют следы помета на стенах. На 2-ух концах нары широкие в 3 яруса, в середине нары в 2 яруса и посередине, ближе к стене дыра - "туалет". Наш дом, а жильцы? С одной стороны на нижних нарах 3 одиночки, 2 учительницы (Каракулько Е., Соловская В.) и жена местного торговца (Федулова А.) уже в преклонных летах. На втором ярусе учительница Хиия с 2-мя детьми (Виктор, Борис) 10-12 лет. На верхнем беременная жена рабочего завода Семенова с двумя детьми 4-8 лет. На средних нарах учительница (Заркевич) с сыном (Андрей) 1 г. и старушка мать (Нагель) с дочерью студенткой (Эрика). Над ними учительница (Собачкина М.) с двумя детьми (Надя, Арсений) 8-12 лет. С другой стороны на нижних нарах 3 одиночки. Очень старая, чудесный человек, жена купца (Шембурская Е.), бухгалтер (Госс) и кухарка из ресторана (Полуторнова). Над ними беременная женщина (Карт Л.) с годовалым ребенком, жена констабеля, а еще выше учительница истории гимназии (Лейтма Т.), беременная и с дочерью 12 лет (Лиия). Сбоку мать (Малоховская) с сыном. Едем.

16 VI понедельник 9 ч. вечера, Псков.

17 VI вторник 5 ч. вечера, Бологое и первый обед из 3-ех блюд: кипяток, хлеб, пшенная каша.

18 VI Среда, 12 ч. Волго-Рыбинск, в 6 ч. вечера Ярославль.

19 четверг. Город, похожий на город Буй. В 9 часов город Галич (по реке и холмам). Ст. Жарье. Напротив остановился эшелон, двери не открывают, ходит тип с дубинкой. На момент к зарешеченному окну приникло мужское лицо и молниеносный удар дубинкой по гнущейся сетке-решетке. Мы не боимся, а они? Нас не бьют пока.

Ксения Яковлевна Шаховская (1909-2007) окончила в 1928 Печерскую гимназию, в 1932 Таллинский педагогический институт, работала сельской учительницей. В 1939 вышла замуж за Владимира Владимировича Заркевича. 15 июня 1940 с годовалым сыном Андреем вывезена в Нарым - село Бандарка, Каргасокский район. В августе 1955 освобождена из колхоза и переезжает с сыном к брату К. Я. Шаховскому в Тогур, затем в Томск. В январе 1957 снята с учета спецпереселения. В 1972 переезжает к сыну в Канев; с 1981 живет в Тарту (Эстония) у племянницы Татьяны Константиновны Шаховской. Реабилитирована в 1988.

Владимир Владимирович Заркевич (1909-1941) окончил Таллинский политехнический институт, работал инженером-машинистом. Арестован с братом Сергеем 21 июля 1940, расстреляны 1 февраля 1941.

Сергей Владимирович Заркевич (1907-1941), владелец книжной фирмы "Русская книга", которую он унаследовал от отца Алексея Константиновича Байова (1871-1935), активного деятеля эмигрантского Воинского союза.

Отец Елизаветы Петровны Нестеровой-Шаховской Петр Владимирович Нестеров, естествоиспытатель, учитель Печерской гимназии, расстрелян вместе с другими заключенными (200 человек) в Тартуской тюрьме 8 июля 1941.

20 пятница, весь день в стоянках по дороге в Киров. Кипяток и хлеб ежедневно, реже похожее на кашу или похлебка.

21 (суббота). Едем и едем. 1 час дня, нестерпимо душно. Станция Яр, где-то останавливаемся, обычно на голом месте. Раскрываются двери и ходят вдоль вагонов солдаты с ружьем. Останавливаем одного и неожиданно для него суем одного из годовалых мальчишек на руки : "Ребенку нужен воздух". В растерянности некоторое время топчется с ребенком, а когда передает обратно, то суем ему второго малыша - ничего, привыкает и носит.

22 Убыть, Кез, разъезд Обва, еле тянемся, в 7 вечера Пермь.

23 (понед.) Все дальше и дальше, разъезд Кунчук, Лек, Вогулка.

24 Ст. Подвольная. Хромник. В 12 ч. Екатеринбург (Свердловск) и до утра стоим в нем. В 3 часа ночи дали обед.

25 Ползем дальше, остановка в поле.

26 четверг. В 2 часа фабр. город Курган. В нашем вагоне есть карты, пытаем судьбу. Бедные ребята, им хочется двигаться, есть. У малыша понос. Задний вагон с медсестрами, принесли закрепляющее. Даем вперемежку хлеб с кипятком и укрепляющее. Спасает связка кренделей, сунутая родными, и коляска, в которой чувствуют себя дома 2 малыша.

27 пятница. Рано утром Петропавловск, значит, махнули к югу. Разъезд Кара-Гуча. Глиняные мазанки, экипажи - плетеные корзинки на колесах, иногда волю. Вдоль полотна акации, больше березы и пихты. Разъезд Полурино. Останавливаемся против эшелона товарняка с солдатами. Война! Вдоль ходит патруль, двери перегорожены перекладной, у нас тоже перекладина и двери открыты, иначе можно задохнуться. Передние солдаты поют, а внизу у ног спрашивают "кто мы?" Кричат: "Война с немцами". Понимаем, поют для отвлечения внимания. Показывают на ручные наши часы и кричат - спрячьте, отберут. Разговор больше мимикой. Говорят, если водой повезут - то Нарым. Впервые знакомимся с этим словом, и тогда показывают, кто крест на пальцах, кто петлю на шее. И жутко, и смешно, а главное, непонятно. Кричим: "Каюк?" Отвечают - берегите ребят. Все время мешает патруль. Наивно пытаемся дать домашние адреса, если случайно попадут, чтобы дали знать. А кто же наш враг? Кому мы враги?

Хлопают задвигающиеся двери, и нас отвозят подальше в поле, а мы ликуем, война! Скоро повезут обратно! 5 ч. вечера, подъезжаем к Омску. Ст. Мариновка, Лузина, нас кормят, каша не съедобна, сплошные затхлые комки манны. Что съедобно(!) (очевидно, пропущено слово "съедаем"), выбрасываем остальное в дыру.

Неожиданно видим, как кто-то под вагоном подбирает выкинутое. Замираем, и становится жутко, эта действительность касается нас пока еще слегка.

28 суббота. С вечера до утра простояли у Омска. Утром заперли и потянулись дальше, кто-то пустил слух, что нас пустят под откос. Поля, березы, мазанки, кто-то ходит по крышам вагона - "отцепляют"... Страха нет. Кто-то думает за нас, а в нас какое-то оупение, поближе прижимаем детей. Ловлю себя на том, что подтыкаю со всех сторон одеяло, чтобы не так было ребенку больно, когда полетим. Глупо, а все же делаю. Ночь проходит без крушения, а днем все легче. Ст. Густафьево, Кормиловка, сейчас Калачинская, городок Татарск, ст. Чаки, озеро Карачи.

29 воскресенье, ст. Карагад. 160 км от Новосибирска. Высадка. Впервые увидели сколько нас, приблизительно 1000 человек.

Высадили под вечер в сарай для хлеба у элеватора. Разместились на полу кучками. Всюду слышен плач детей, просят пить. У женщины с грудным ребенком нет молока. Темно, принесли фонарь летучую мышь, повесили на слеге. Жуткая картина. Принесли 2 ведра воды. Надо что-то делать. Нашелся примус. Вылили керосин из фонаря и в полной темноте почему-то полусшепотом стали договариваться варить, вытряхивая все крошки и крупинки, чтобы как-то успокоить детей. Внезапно раскрылась дверь, и вошел кто-то в колонках с охранником и так неприемлемо громко заорал что-то вроде "прекратить", тут ум у нас отсутствовал, мы были вне разума, что нами руководило? Они испугались - вся наша бесформенная масса поднялась, сплошной стеной в полнейшем молчании двинулась на них. Мы шли, а они пятились к дверям, и беспомощно метался в их руках электрический фонарик. Спinoй выскочили они из дверей и захлопнули на засов. Что было бы, если бы не ушли? Мы их разорвали бы на части! Что это было? Кто же мы? Кто они?

И опять шепот и молчаливая согласная забота о ребятах, ни слез, ни жалоб. Только внутри что-то дрожало, и было мало воздуха.

30-го кормили супом, рядом были кошары, где в клетушках для овец разместился еще эшелон таких же, прибывший за день до нас. Им лучше, есть остатки соломы от овец, есть перегородки, все же хоть и овечий, но уют. Выпустили к озеру, вернее пруду, моемся, стираем, и вода на глазах густеет. Первые вши, их появление как-то оскорбительно и унизительно. Дети рады воздуху и неподвижной земле.

Только сейчас видишь, какими тоненькими стали их шейки, прозрачные личики и затуманенные глазенки. Чьи же вы враги, козявки наши?!

Утром дали подписку о невыезде на 20 лет.

В 5 вечера неожиданно подъезжают подводы, вызывают поименно и распределяют по совхозам - Первомайский, Барановка, Голубовка, Утянка. Вещи, дети, старики умещаются на 3 дробинах, по 2 лошади в такой телеге, остальные пешком. После дождя грязь, а земля черная, жирная, видно плодородная. Район больше степной, с перелесками, идти около 40 км. Жаль, что разбили наш вагон, появились новые люди.

Ночь застала в лесу, возницы мрачные, не разговаривают, как-то странно на нас посматривают, вздыхают. Остановились покормить лошадей. Развели костер. Кто нарисует картинку? Кто может описать, о чем думалось? Разговоров нет, тоже полусшепот, кормим ребят. Золото наши ребята, они не капризничают и в них исчезла живость. Треск костра, неясные силуэты да шум леса. И вдруг: "А Розочка умерла!" Молодая еврейка с трехмесячным ребенком тихо поднимается и протягивает маленький сверток - кому? Чьи-то руки берут ребенка, кто-то бережно поддерживает падающую женщину. И опять тишина и молчаливая без сговора работа. Кто-то завертывает ребенка, кто-то роет яму, а наши возчики спешно запрягают лошадей, в испуге глядя на нас. Верно, привыкли к плачу, а у нас его нет. Все внутри мгновенно закипело, сгорело и застыло. И опять скрип колес, а мы идем босиком по мягкой грязи, держась за края телег. Кто ответит за эти безымянные могилки? Нельзя простить, нельзя забыть.

31-го совхоз Утянка, дошли к 4-ем утра.

(На этом запись обрывается)

Справка-Характеристика
Дана настоящая
Заркевич и Полутор-
новой в том, что
они действительно
прошли инструктаж при
Каргасокской МРС по
плетению морд. данные тов.
могут плести морды и да-
вать инструктаж дру-
гим колхозникам.

13/VI 1942. Справка-характеристика.

Дана настоящая Заркевич и Полуторновой в том, что они действительно прошли инструктаж при Каргасокской МРС по плетению морд (орудия лова - Т.Ш.). Данные тов. могут плести морды и давать инструктаж другим колхозникам.

II. ГОСПОДИ, НЕ ДАЙ ГОЛОДА

Дневник сельской учительницы Веры Васильевны СОЛОВСКОЙ

Слепой мечте упрямо верь

[1941 год]

14 - утром Будовиж-Лисья

2 ч. дня - Печерский вокзал.

15-ое - воскресенье, Печерск. вокзал.

16-ое понед. В 9 часов вечера. Псков поздно вечером.

17-ое (вторник) в 5 час. Бологое. Обед из трех блюд.

18-ое (среда) 12 часов Волга - Рыбинск. В 6 ч. веч. Ярославль.

19-го (четверг) В 6 утра город, похожий на город Буй. В 9 часов город Галич (на реке и холмах). Ст. Жарья. Эшелоны.

20-го (пятница) Весь день в стоянках по дороге в Киров.

21 (суббота) Едем и едем. Сейчас 1 час дня - станция Яр. Душно. Убыть - Пушлези. Кез (Заемез).

22 (воскресенье) Утро. Разъезд Обва. Еле тянемся. В 7 веч. Пермь.

23 (понедельн.) Все дальше и дальше. Разъезд Кунчук, Лек, Вогулка.

24 вт. Ст. Подволошная, Хромпик. В 12 ч. Екатеринбург - (Свердловск) и до утра след. дня в нем стоим.

25 (ср.) Ползем дальше.

26 (четв.) в 2 часа фабричн. город Курган. В.М. нашла карты. Пытаем судьбу. В.Н. взяла на себя крест: ходит за водой по ночам, моет и прибирает.

27 (пятн.) Рано утром Петропавловск. Значит, махнули к югу. Разъезд Кара-Гуча. Глиняные мазанки, экипаж - плетеная корзинка на колесах, иногда волы. Вдоль полотна акация, большие березы, пихты. Разъезд Помурино. 5 часов. Подъезжаем к Омску. Ст. Мариановка, Лузино.

28 (суббота) С вечера до утра простояли в Омске. Утром с закрытыми дверями потянулись дальше. Поля, березы, мазанки, домишко со ставнями. Ст. Густафьево, Кормиловка, сейчас Калачинская. Городок Татарск, ст. Чаны, озеро Карачи.

29 (воскр.) Высадились из вагонов в сарай на ст. Карагат в 160 км от Новосибирска.

30 понед. Ночевали на полу в сарае, вечером выехали в совхоз "Первомайский" и его фермы: Черняевка, Голубовка и Барановка. Ехали всю ночь и в 5 утра приехали в Барановку.

1 VII О впечатлении умолчу. Поместились в "школе", выспались, сходили вечером в баню, и сразу же выяснилось, что на другой день идем обратно грузиться в эшелоны.

Оригинал находится у Татьяны Константиновны Шаховской в Тарту. Перепечатывается с кюппрами.

2 VII в 8 час. утра выехали и в 3 ч. приехали. Сейчас пьем чай в том же сарае. Бывает порой жутко, но как интересно сквозь жуть.

3 VII Часть уехала куда-то. Мы почти все остались и еще раз ночуем здесь.

4 VII Еще день сидим. Кажется, завтра едем.

5 VII (суб.) Думали сидеть еще, но неожиданно в 2 часа подали эшелон. Сидим в вагонах в ожидании двинуться в том же направлении в неизвестную даль.

6 VII (воскресенье) Ехали из Каргата к Новосибирску. Ночь в вагоне. Утром в 4 в Новосибирске выгрузились, на пристани к вечеру подали пароход "Киров".

7 VII (понед.) Прём на пароходу по Оби на север.

8 VII (вторн.) Мотаемся все дальше. Больна Лиля - дизентерия.

9 (среда) Пльвем и пльвем.

10 (четверг) Утром встали в Каргаске. Высадили литовцев и 8 вагонов наших. Мы остались и пльвем еще 300 - 400 км.

11 (пятница) Утром пришли в конечный пункт Александрово. Здесь высадили часть (6 вагонов) в 2 баржи и часть, еще 6 вагонов, на пристань под дождь. Высаживались целый день. Сейчас идем обратно 140 км в Ново-Никольск. В Ал[ександ]рове оставили в больнице Лилю Кард. Кругом дёрвьёя наполовину в воде. Небывалый год, говорят. Вода поднимается здесь на 12 метров.

Все перепуталось. Оказывается сегодня пятница и сегодня 11 VII. Утром пришли в Ново-Николаевск, высадили очень маленькую часть - нигде нас не принимают. Идем дальше к Каргаску. К нашему вагону примкнули Захарова, Зверева и Хоменко.

12 (суббота) Вчера в 9 часов вечера пришли в Каргасок. Все высадились в 2 баржи. Мы пльвем обратно на 8 км. Пришли утром в 5 в колхоз имени Сталина. Разбрелись по комнатушкам и сидим. Впечатление немного иное, чем от Первомайского с[овхо]за.

13 (воскресенье) Ходим в лес за грибами - подосиновиками, кот. здесь груздями зовутся. Набрали мало.

14 (понед.) Вздумали с Евг. Вл. (Евгения Владимировна Каракулько) стирать одеяла и постельники. Стирала в реке. Вода оказалась теплой и действительно хорошо отстирывающей. Как только кончили, начало все тело болеть. Поднялась температура и началась дизентерия. Темпер. 38,8.

15 (вторн.) Лежу и бегаю в "красный уголок".

16 (среда) Опять в числах путаница. Каждый день идет дождь. Положение наше бамбуковое.

17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24. Все дни как один. Я встала через три дня. Ходим с Евг. Вл. (Е. В. Каракулько) на работу. Кс. Як. (Ксения Яковлевна Заркевич) дома. Андрюша бо-

леет. Три дня рубили березовые сучья для жилья скоту. Вчера пололи турнепс.

25 VII Сегодня ушла Кс. Як., а я с Андрюшей. Сегодня опять полют.

26 "Дни бегут, печали умножая". Резали веники.

27 Все то же. Веники и веники.

28 Вышло распоряжение переехать в другую квартиру.

29, 30, 31. 31-го переехала на новую квартиру. Дом, видно, холодный и протекает, где может. Ни крючка, ни замка. Вечером проверяли паспорта.

[Август 1941]

1-ое, 2-ое. Ездим за несколько килом. На лодке.

3, 4, 5. Силос приготавливаем 2 дня.

6, 7. Потом косить начали. Все махали косами, как заправду. Покоса, в сущности, нет, только траву портим. Утомляет не работа, а езда на лодке.

8, 9. Ездим туда же на силос, но как только выезжаем, начинается дождь. Так было эти два дня. Ехали туда, мокли, стояли в вонючей избушке пастуха, мерзли и ехали назад. На полдороге погода прояснялась и светило солнце.

10 воскресенье. Сегодня отдыхаем. В лес не пошли.

Не писала целую вечность. Сегодня уже 2-ое сентября. Дни идут. Трудодней не считаю. Сколько раз была на покосе - не помню. В общем, осточертела езда туда, т.ч. старалась отлынивать. В результате всех поездок, когда сидишь, ноет под лопаткой, словно гвоздь вбит. От езды на покос отвертелись, стали ходить на лен.

2-ое, сегодня была до обеда на льне. Сейчас иду с Верой и Ниной В[оробьевыми] за клюквой. Завтра идем в Каргасок. Из этого дома придется выбирать, куда - неизвестно.

9-го ходили в Каргасок. Каждый шаг подтверждает, как страшно здесь жить. Погоды стоят солнечные. Утром туман и холодно, днем жарко. Несколько дней назад два дня подряд были заморозки по утрам. Окончательно смерзли огурцы, тыквы и картофельная ботва. Сегодня ушли тягать лен Кс. Як. и Е. Вл. (Каракулько). Я иду с обеда.

Видели в Каргаске пароход Карла Марла с зарешеченными окнами, охраняемый сворой НКВД.

4-ое сентября. Умер Краковец. Умер в ночь. В шалаше на покосе. Ан. Петр. пришла его будить и нашла мертвым. Жаль старика...

5. Рядом с нами в сарае молотим лен. Адски глупое и ненужное занятие.

6. До полудня молотили лен. После обеда ходили в лес с Кс. Як. за грибами.

7. Сегодня опять молотим. Народа прибывает на молотьбу льна.

8. 9. Молотим. Как в клубе заседаем - сплетничаем и ссоримся.

10. 11. 12. 13. 14.

15. 16. Начали копать картофель.

17 Мои именины. Копаем картофель.

18-ое Видели чудесное северное сияние.

19-ое Копаем картофель. Вечером вдруг выясняется, что я записана собирать орехи у пихтового завода. Дали 800 гр. хлеба, кило овсяной крупы и 250 гр. сахара.

20-ое, 21, 22. Ходим на орехи. Надя Собачкина, Ванда Руд. Антон, Войман. Орехов мало и много съедено гнусом: т.е. кедровкой и бурундуками. Ходить по болоту. Ноги мокры.

2 д. идет дождь - не пошли на орехи.

24-го Дождь еще сильнее. Хотелось сходить, чтобы отвя-заться от орехов, но дождь не пускает. Сидим дома.

25 IX Дождь и дождь. На улице грязища. Летает даже мокрыми хлопьями снег. Сидим все дома.

14 X Давно не пишу. Все это время "копаем картофель", вернее тянем волынку и убиваем время. 10-го закупили 350 кило картофеля на зимовку. Рассчитали по 1,5 ведра на неделю на всех. Вряд ли выйдет. Сегодня значит 14-ое. По-кров. За ночь все покрыто снегом.

3. XI Опять не пишу. Уже ноябрь. Вчера ходили в Карга-сок. До сих пор стоит тепло. Кое-когда бывают морозцы и по реке плывут льдинки, но все это пока легко. Т.к. на весь район нет градусника, то сколько градусов не ведаешь. Тос-ки целое море.

11. XI Легкий мороз. Тихо. 8-го стал Васюган.

12 XI Мороз чуть крепче.

13. XI Мороз (говорят) 20°.

14 XI Мороз 27°. Будто бы в Каргаске, да и здесь в "мо-локанке" есть градусник.

15 XI Мороз, приблизительно, 15°. Пока довольно тихо, т.ч. сносно, и в бараке "у нас" тепло.

16 XI Воскресенье. Тихо. Мороз пр. 20°.

17 XI Мороз с ветром.

18 XI Мороз чуть легче, но есть ветер.

19 XI Ветер стих, но зато сильнее мороз. Вероятно за 20°. Прибавили хлеба - дают 700 гр. Интересно, надолго ли?

1 декабря. Сегодня легкий морозец и тихо. Погода чудес-ная. Давно не пишу. Привезли "4 воза" дров, говорят, мож-но было за 2 раза привезти. Все время стояли морозы чуть ниже или выше 20°.

30 Канун кануна Нового года, т.ч. я не пишу целый месяц. Было 4 дня больших морозов до 50°, а последние дни "теп-ло", вернее нет 10° и тихо. Часто бывают солнечные дни. Солнце было вчера и сегодня. Надо писать чаще о погоде.

31-ое Целый день пробегала со стряпней. Мороз до 20°. Вечером встречали Новый год.

1942 г.

(купюра)

5. III. Весь февраль ничего не писала. Все идет по-старому, хлеб только на убыль, с 700 гр. перешли на 600 гр. , через неск. дней на 400 гр., а потом сразу на 200 гр. И теперь уже больше 2 недель сидим на 200 гр. Последние 3-4 дня стоит мороз, а так в феврале были уже теплые солнечные погоды.

(купюра)

14 мая Опять месяц целый не пишу. Тепло, погоды хорошие. Завтра Вознесенье. Ходим в лес. Тайгу чистим для корчевки. Пока нет мошки, можно даже загорать. Подвигается туго. Начали сеять и, кажется, еще не кончили. Сперва посеянная рожь начинает всходить. Погоды хорошие, прошел дождь, и зазеленели березки.

(купюра)

9-ое августа. Числа с 1-го начались прохладные вечера и холодные росы утром и вечером. Были за ягодами, 30, 31-го и 1-го вернулись. Отдохнула, сходила на покос и 5 опять выехали. Первый раз ночевали в пос. Киндал, а второй - под открытым небом. Сделали шалаши, но комары выжили и не дали спать даже вокруг костра. Т.ч. две ночи без сна. Ноги передраны о кусты до опухоли. Я влипаю - попадаю в бригады по заготовке. Будто бы едем еще раз.

14-е Числа с 9-го вдруг стало холодно, дожди и ветер. Пахнет настоящей осенью, т.ч. тоска давит. За ягодами, пожалуй, больше не попадем.

15-го Как раз и выехали. Вернулись 19-го. Погоды дрянь. Все время дожди. Хорошо, что не очень сильные. Ночевали под стогом, а потом на старом месте у озера. Костер горит день и ночь. Собираем ягоды, мокнем, сохнем, снова мокнем. Чистим ягоды. Ночью поворачиваешь к костру по очереди то спину, то живот. Болят сегодня концы ребер.

Полька Баркова -

"Господи, прости, не буду хвостиком трясти,

Лягу на солому, хвостик на сторóну"

17-ое. Вторые именины мои здесь и сегодня без хлеба. Вспоминаешь ты сегодня меня или тебя нет уже. Где найти слова, которыми тебя вымолить. (Купюра)

29 октября. Сегодня не могу больше вообще и в частности раздавила стекло в твоих часах. Господи, как-нибудь бы умолить.

29 ноября. Как раз через месяц. Все еще стоит тепло. Не было ни одного мороза настоящего. Снегу мало. Несколько раз стаивал. Все по-старому - работаем в мастерской и сидим без хлеба.

8-ое декабря. Все еще стоит тепло. Пару дней не работаем. Хлеба все еще нет. Сегодня реву - оторвался и потерялся твой образок. Спаси и сохрани.

15-ое дек. Мастерская не работает. Сидим дома. Хлеба нет. Третьего дня морозец порядочный, солнце вчера - теплее, сегодня вовсе мелкий дождик и пасмурно.

20. Вчера и сегодня адский мороз. 46-48°.

[1943]

8 янв. Мороз простоял пару дней, потом опять пошли хорошие погоды с легкими морозцами.

Сегодня 8-ое января и опять мороз здоровый. Прошел Сочельник и первый день Рождества с елкой у Кс. Я. Петька Б. и Вовка Ч. славил Христа. Сегодня светит солнце. Хлеба все нет.

17 января. Мороз три дня. Сегодня 54°.

22 I 43-го. Все еще адский мороз. Один день было около 59°. Андрей [Заркевич] начинает говорить букву "р". Слоги "ра" "ро" выходят, "ре" и "ри" не удаются. Вставляет всюду "р" и "ш", говорит "мирый" - милый.

28-ое января. Мороз длился до 25-го. А теперь уже сносно. Несколько дней тому назад всех нас исключили из колхоза. Сегодня послала открытку тете Леле.

2 II. Опять третий день лютые морозы.

11. II. Числа с 5-го легкий мороз и солнечные дни. Стекла на солнце оттаивают. С 8-го начали работать на рыбалке и получаем по 400 гр. хлеба.

(Купюра)

11-ое марта. Сегодня опять ветры и метель. Посадила сегодня в ящик помидоры. Скажи, когда твое рождение - вчера или завтра? Господи, услышь нас и пусть ты жив.

14-ое Сегодня чудная погода. Тепло и солнце, так и тянет куда-то вдаль. Как будто нет больше Янимяги, но Леля об этом не знает. Где же моими жалкими словами тебя вымолить, когда гибнут такие молодые и здоровые.

22. Помидоры начали всходить с 17 числа. 20-го ходили с Кс. Я. в Каргасок и вернулись. 4-ый день стоит мороз в 30-40°. Не дожидаться конца им, пора теплу быть. На солнышке капель.

26-го. Морозы чуть полегчали, вчера и сегодня сильный ветер. Е. В. [Каракулько] получила письмо от Голубова - она тоже овдовела. Мы начали просто-напросто голодать. С работой в МРС и, следовательно, с хлебом кончилось. Картошки тоже на 2 дня. Муки на месяц понемногу.

4-ое апр. До 1-го бушевали метели и с морозом, теперь солнце и тает на солнце. Пересадила помидоры.

11 апреля. Кругом дома вода. Снег почти весь стаял. К душевному прискорбию должна признаться, что сегодня стукнуло мне 42 года. Думаешь ты о мне или вообще боль-

ше не думаешь ни о чем?! Неужели ты можешь выжить каким-нибудь чудом?

18-ое Вербное Воскресенье. Вчера посадила второй раз помидоры. За последние пять дней согнало весь снег. Бежит только ручеек из леса. И стоят удивительно теплые дни. Вчера шел дождь. Жаль, что нет градусника, тепло удивительное.

23-го целый день идет дождь. К вечеру переходит в снег и ночью все покрывает снегом. Днем стаяло.

25-ое. Хоть и по здешнему, а сегодня - Христос Воскресе! Жив ли ты? И где Миша? Жива ли мама? Я хочу, молю, чтобы она меня дождалась.

30-го посадила 1/2 гр. морковь и грядку гороху.

3-е мая. Посадила батун. Целый и каждый день идет дождь, уже неск. дней. Дождь с громом и грозой.

[Вторая тетрадь]

ДАЛЬШЕ ПО ТЕЧЕНИЮ

1943 год

4 мая. 30-го апр. Кс. Я. [Заркевич] узнала в Карг[аске] о том, что ея муж с братом разстреляны. (Купюра)

1-го июня сажали колхозн. картофель.

2. Пахали с Кс. Я. свой огород. День был солнечный. Сысоев докончил. Вечером посадили кусок. Начался ливень.

3. Опять дождь и дождь. Все залило. По грядкам прошли быки.

4-го июня Погода дрянь. Страшный холод. Вылезают тыквы. Жаль, если померзнут.

5-ое Поправила стоптан. скотом гряды. Пока помидоры живы. Сегодня ветер потише и светит солнце, т.ч. не так холодно.

Дивны дела. Солнце закатывается в 11 ч. ночи. День страшно длинный. Как тут все это получается, не понять.

6 и 7. У меня адский ишиас. Хоть бы не долго. Сегодня холодно.

8, 9 и 10. Каждый день дождь и холод. Тыквы не всходят, видно, погибли. Картоф. нельзя сажать. С утра до ночи гоняем с гряд коров. Я пропадаю с ишиасом, нельзя ступить на ногу.

(Купюра)

17-го июня Дождя почти не было. Е. В. (Евгения Владимировна Каракулько) и Кс. Я. посадили кусок картофеля. Я валяюсь и бешусь от боли.

18-го Посадила снова тыквы и часть помидор. Еще кусок картофеля. Сегодня обошлось без дождя. Солнце светит. Третьего дня, вчера и сегодня Кс. Я. сажает брюкву и капусту. Третья морковь всходить начинает.

21-ое Вчера и сегодня жаркие погоды. Помидоры выса-

жены все. Выходят тыквы. Теперь, если начнет расти, то пойдет быстро. Я чувствую себя уже лучше, сегодня больше двигалась, полола, рыхлила. Цветет первый горошек.

22-го День жаркий, чуть было не собрался к вечеру дождь. Кс. Я. Пошла "бродить" с дедом Скрипченко. Привезла 12 рыб: 4 чебака и 8 щучек. Рыхлим картофель.

23-го досадили картофель в своем огороде.

24-го июня посадили картофель на "хуторе" на участке К. Я.

25-го посадили картофель на моем участке. На огороде рыхлим картофель. Погода жаркая, солнечная, натягивает к вечеру дождь, да не может собраться.

4-е [июля] Всего посажено 42 помидора и 32 тыквы.

(Купюра)

5-ое сентября. Тыкв собрала 16 штук. Остальные растут пока. По утрам холодные росы, но днем на солнышке тепло. Мороза еще не было. С 1-го попала в ясли. Прихожу в ужас и не соглашусь. Сегодня уезжают наши в Колпашево - Тея Денисовна [учительница], Маргоша [учительница Маргарита Васильевна Зверева], Мар. Онуфр. [учительница Мария Онуфриевна Боровская].

6, 7-ое Первый белый иней, но очень сильный. Тыквы и огурцы обморозило - почернели.

8-ое Начали копать картофель. Копают больше Кс. Я. и Е. Вл., я никак не могу вырваться. С 6-ти утра толчешься до темноты. Местами хороший картофель, местами мелочь и очень мало. Хватит ли на год? Помидоры краснеют на печке, с удовольствием едим каждый день.

19-ое сентября. Втянулась как-то, хожу в ясли каждый день. Получили муку ржаную, по 75 гр. на трудодень, т.ч. "хлеба нема", едим кашки. Картофель копаем, подвигается медленно. Погоды ничего еще. С утра холод, днем отдает, мороза нет.

9-ое октября. Давно не пишу. Погоды до сих пор были ничего, без дождей и мороза. Картофель, благодаря героиству Евг. Влад., выкопана к 1-му окт. Накопали 120 ведер, не считая съеденной. Моркови 13 ведер (без съеденной), свеклы ведра три. Я выкопала не больше 3 вед. картофеля, вырвешься из яслей на пару часов и не знаешь, за что схватиться. Сегодня выпало малость снежку, ветер, но мороза нет. Вчера уехало еще трое наших в Тогур. Остается нас совсем мало. Работы дома выше головы и нет запаса дров. Меня замучили нарывы на ногах. Спаси и сохрани.

22-ое окт. Сегодня здоровый мороз и с ветром. Выживем ли мы зиму одни в нашем бараке?

21-ое ноября. Не пишу целый месяц. Были 2-3 дня здоровые морозы, а теперь стоят хорошие погоды. М.б. 5^о мороза. Я все еще в яслях, хотя дребедень и придирки мед. персонала начинаются. Найдено, что грязь в яслях, что ребята

грязные и вшивые. Вшей-то, правда, хватает, набираюсь все время.

Всего нынче получили муки:

Овсяной (из прошлогодней на нынешние трудодни)

Ржаной - 27 кг по 75 гр.

Пшеничной - 23 кг с овсом смешанной по 70 гр.

Пшеничной - 14 по 40 гр.

Пшеничной - 50 кг (с вычетом этих 14 кг) по 140 гр.

В январе 19,9 кг, остались должны 1,8

Всего было 580 трудодн., у меня 227.

Получила 100 р. деньгами, потом еще 100 р.

10-е декабря. Дни мчатся "печалями умножая". Из Тогура пишут, что наши голодают. Погоды удивительно теплые, больших морозов нет. Хоть бы дольше сократило бы зиму.

15-го Первый настоящий мороз. Но без ветра, к вечеру стала погода мягче. 17-го морозец с ветром, т.ч. холоднее. 18-го тоже мороз с ветром. Заносы.

22-ое Сегодня поворот - солнце на лето, зима на мороз. Как ты, бывало, следил за этим поворотом за солнцем, высчитывал, когда вернется тепло. Господи, если бы можно было тебя молить бесконечно. Сегодня южный ветер и тепло. Совершенно не заметила, как месяц назад поправился мой нервус ишиатикус и я больше не хромаю и могу пробегать, не приседая.

27-ое дек. Вчера ходили заготавливать дрова - был выходной. Погода была теплая. Сегодня еще теплее, идет снег с утра.

[1944]

1-ое января 1944-го года.

Новый год, снова новый год и високосный. Господи, услыши молитву мою. Погода вчера и сегодня теплая, легкий морозец и идет снегопад. Каждый день светит солнце.

7-ое. Первый день Рождества по ст.(!)ст. Погоды хорошие, морозец легкий и без ветра. Третьего дня спорили с Кс. Я. о Анд[рее]. Она говорит, что я придираюсь к нему, что, конечно, очень верно, но... таких все же не часто увидишь. Она говорит, что ему не проснуться, потому он ночью мочится, хотя и говорит. А я ей напомнила, как он летом на зло в штаны писал и какал, а ведь ему в мае 4 года. 4-го подшила валенки веревками. Отмечаю, чтобы знать, долго ли простоят веревки.

14-ое Новый Год. Ты всегда жил по ст. стилю.

15-го Мороз, но тихо. Солнце и окошки оттаивают.

20-ое Было два дня морозных, а сегодня опять мягче.

4-ое февраля. 24-го закрылись ясли, т.к. нет смысла кормить двух няnek. Сижу дома и вяжу, но мало успеваю, т.к. вода, дрова и пр. Сегодня привезли два воза навозу. За это время с 20 по 4 февр. было пара дней морозных, а так на

удивление теплая зима. Сегодня мягкая погода, солнце и капает с крыш. (Купюра)

16 [июля] шила бредель, назначил Павлов на покос варить. Поехала 17-го, пробыла три дня, а 19-го вечером распоряжение с вещами в Каргасок. А сегодня 21-го я уже иду с Воробьевыми на пароход в Новосибирск на военный завод. Дивны дела Твои, Господи. Что-то готовит нам это путешествие, боюсь голода, а без этого не обойдется. Вот оставила все и огород с картошкой, морковкой и редькой. Бедная Кс. Я., ей будет трудно одной с дровами и сыном. Когда-то мы встретимся.

24-ое июля. Сейчас остановились в Томске. Все идем. Безумно боюсь предстоящего голода и думаю с болью, досадой, завистью о картофеле, кот. они начнут подкапывать на днях и дальше все больше. Господи, не дай голода.

27-ое Утром на пристани украли чемоданчик с бельем и платьем. Теперь уже дальше некуда.

15-ое август. Теперь уже больше нечего. Нет ни погоды, ни солнца, ни огорода - ничего, и лучше бумагу не тратить.

25-го. Сегодня весь барак остригли наголо. Меня тошнит от собственного вида.

“Рабочая тетрадь” (5х7) и поздравительная пасхальная открытка (9х5) на бересте. 1942. Нарым. Из архива Т.К. Шаховской.

Последняя встреча Солженицына с Арнольдом Сузи летом 67-го.

ВНЕ ОЦЕНОК ТРЕТЬИХ ЛИЦ

Я буду рассматривать события только до конца 1968 года. Прошу учитывать это современного читателя, слышавшего об Александре Исаевиче Солженицыне нечто такое, благодаря чему мое описание может показаться ему невероятным или сознательно приукрашенным. Я попытаюсь говорить о Солженицыне так, как его чувствовал и видел Арнольд Сузи и каким его тогда знала я. 80-летнего человека новые отношения и скитания, несомненно, изменили. Я воочию не видела писателя и не говорила с ним после 1971 года, и у меня нет права судить о нем на основании оценок третьих лиц.

Впервые я услышала имя А.И. Солженицына от отца, Арнольда Сузи, в 1954 году в Сибири, в Хакасии, куда мы были высланы в 49-ом. Отец, после тяжелого несчастного случая на лагерных работах (через него перекаатилось бревно, в результате: инсульт, перелом ребер и ключицы; лишь камень, оказавшийся у его головы, на который накатилось бревно, спас от верной смерти) как инвалид непригодный к труду, получил от КГБ разрешение на поселение в двухстах километрах южнее лагеря у своей семьи - умирать. Отец по прибытии, действительно, был плох: худой, изможденный, на лице гримаса острой боли, шаг неровен. Он был уверен, что умрет, а потому счастлив еще раз увидеться с нами. Наша радость по поводу его возвращения была, конечно, безгранична. Испокон веков известно, что в любви заключена чудодейственная сила, а ее у нас - хватало. Простая сибирская, почти постная, пища - свои овощи и фрукты, молоко, ржаной хлеб - стала восстанавливать отцу силы. Постепенно вернулся и присущий только ему юмор, и прежний ясный, внимательный теплый взгляд.

Хели Сузи - дочь Арнольда Сузи, друга Александра Исаевича, с которым он попал в одну камеру на Лубянке в 1945 году. С 1963 по 1968 переписывались и встречались в Эстонии. Дочь Хели и сын Арно были первыми помощниками А.И. в его работе на хуторе над главной книгой XX века. Хели Сузи окончила Тартуский университет (1962), филолог, 42 года преподавала немецкий язык в Консерватории и Музыкальной Академии, одновременно в конце 70-х - в Теологическом Институте в Таллинне. Со всей семьей была в ссылке в Сибири, вернулась в Эстонию в 1957 году.

Несколько месяцев спустя он взял в руки свою “Виолетту”, итальянский трофейный аккордеон, купленный у покорителей Европы, и начал играть в местном клубе: три километра туда и три обратно, иногда два раза в день. Скоро разговоры о смерти прекратились. Отцу было отпущено не покидать нас 15 лет. Ему предстояло в этой жизни еще многое сделать.

О суровой лагерной доле он особенно не рассказывал, а если и говорил, то по делу, как бы со стороны, иногда в качестве черного юмора. Но слушатель с воображением мог угадать пережитые им отчаяние, унижения и свидания с глазу на глаз со смертью. Гораздо охотнее он рассказывал о своих необычайно интересных солагерниках; их было много и все самые разные. Тут же, в начале разговора о днях, проведенных в 1945 в Лубянской тюрьме, он назвал молодого капитана-артиллериста. “Если этот парень выживет, то мы еще о нем услышим”, - предсказывал он. Капитаном-артиллеристом и был Александр Солженицын.

Эти двое, встретившиеся за памятником Дзержинскому на Лубянке, были совершенно разными людьми. Один - юрист, общественный деятель Эстонии, демократ и патриот, доброволец Освободительной войны, строитель независимой Эстонии, в 1944 году министр правительства Улуотса-Тийфа, жизнь которого была жестоко искалечена советской репрессивной властью.* Второй - русский, считающий эту власть своей, сформировавшийся в эпоху марксистского промывания мозгов, у которого тем не менее глубоко в подкорке был заложен необычный дар видения настоящих вечных ценностей и умение отличать правду ото лжи с непреодолимым желанием эту правду обнажать. Его большая начитанность, абсолютная память и этот особый шарм, отражающий неординарный творческий дух, очаровали отца так же сильно, как русского обаяли мудрость, уравновешенность Арнольда Сузи, его умение подать свои взгляды логично и убедительно, равно основательное знание истории и культуры России, а также, видимо, воспитанный западно-европейской демократией широкий кругозор без непремennого стремления переубедить противную сторону. Во всяком случае, благодаря двухмесячному проживанию в одной камере и пространным беседам с прогулками по тюремной крыше, они крепко запомнили друг друга. Да

---

* “Я охотно вникаю в их роковую историю: между двумя молотами, тевтонским и славянским, издревле брошенная маленькая эстонская наковаленка. Опускали на неё в черёд удары с востока и с запада - и не было видно этому чередованию конца <...> И ударили по Эстонии ещё и в сороковом году, и в сорок первом, и в сорок четвёртом, и одних сыновей брала советская армия, других немецкая, а третьи бежали в лес. И пожилые таллинские интеллигенты толковали, что вот вырваться бы им из заклётого колеса, отделиться как-нибудь и жить самим по себе (ну, и предположительно будет у них премьер-министром, скажем, Тийф, а министром народного просвещения, скажем, Сузи)”. - Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М., ИНКОМ НВ, 1991, с. 153. Из 5-й главы о лубянской камере, где Солженицын и Сузи провели вместе несколько месяцев. - Прим. ред.

так, что после долгих лагерных лет попытались при первой возможности найти своего сокамерника и вновь встретиться. Как же такое стало возможным?

Мы не раз обсуждали с отцом эту тему. Может быть, восстановив эти размышления, мне удастся сделать понятнее особые духовные отношения между этими двумя людьми из разных миров.

Человеку дано познать лишь те явления, которые поддерживаются чувственным личным опытом. Даже самое тонкое, изощренное воображение не дает возможности серьезно понять человеку, стоящему в стороне от жестоко организованной системы насилия, что такое постоянные, годами длящиеся голод, холод, забитый нарами вонючий барак, недосыпание, многочасовые этапы на лесные работы при 30-40-градусном морозе, непомерной тяжести бревна, камни, глина и пр. и потеря сил под их спудом, пинки конвоя или обморожение, равно как ночные допросы, угрозы в случае сопротивления отправить в лагерь членов семьи, прямые и скрытые пытки - короче, все то, что составляет каждодневное лагерное существование, унесшее в уготованную могилу десятки миллионов людей. Но обычный человек не способен (не хочет, не в силах), услышав о громадном числе жертв, осознать, что это миллионы отдельных людей, каждый из которых умер своей особой смертью, что с каждым одновременно погиб уникальный мир с последней мыслью о далеких матери, сыне, сестре. В каком-то смысле такое ограничение предохраняет нас от безумия и позволяет жить обычной жизнью. Если мы все же попытаемся это мысленно пережить, то наше воображение наткнется на одновременно существующую обратную сторону: пока человек дышал, в нем почти всегда жило нетленное "Я". Вне или над обреченным на смерть бранным телом парит бессмертный человеческий дух, свободный и неустанно проявляющий себя: поет с соседом по нарам родные песни, пишет стихи, мастерит самодельным ножом шахматные фигурки или рассуждает о стилях классической музыки либо о деталях национального костюма. Кто не пережил того ужаса и одновременно присутствия иного начала и скажет, что в таком случае там было не так уж страшно, тот не понимает всей парадоксальности человеческого существа, и непоправимо обречен быть поверхностным в утверждении кажущихся истин, в основном ограниченных либо полностью ошибочных.

Эта короткая вставка, возможно, поможет понять объединившую этих двух самородков субстанцию, которая стала более преемственной, значимой, правдивой, нежели то, что их разъединяло.

В воспоминаниях Арнольда Сузи читаем:

"Мы были вчетвером в полутемной тесной чердачной камере, когда под звон ключей открылась дверь и пятым вошел

один военный, подтянутый молодой человек в офицерской шинели со споротыми знаками различия, в сапогах и фуражке. (...) Сразу начались расспросы: кто такой, откуда прибыл, за что арестован. Он назвал себя. Оказалось, офицер-артиллерист, арестован на фронте, раньше был учителем математики в Ростове. Больше не раскрыл рта, был крайне не словоохотлив. Скоро сам начал донимать вопросами: кто мы такие, долго ли сидим, как кормят, как часто вызывают на допрос и т.д. Постоянно был настороже, будто ожидая нападения, готовый постоять за себя.

Через пару дней нас перевели на несколько этажей ниже в 53-ю камеру. ...Состав сокамерников изменился. Солженицын остался с нами, помнится, до конца мая (1945)...

У меня сложились с ним довольно близкие отношения, хотя по мировоззрению мы отличались едва ли не диаметрально. Но различия во взглядах не мешали ему относиться к другому человеку с искренним дружелюбием и уважением. Он лишь воздерживался от контактов и был очевидно враждебен к стукачу (камеры) и к одному дельцу-спекулянту. Как-то заметил, что ему не нравятся люди, живущие только для себя и своего кармана, у которых нет никакой общественной идеи или интереса. "Вы мне запомнились с первой встречи, - сказал он мне 18 лет спустя в Тарту, - потому что любили порядок и были строги. Прервали оживленный разговор, сказав, что теперь пора спать: возможно, мол, кого-то из нас вызовут на допрос, завтра тоже день. И все, действительно, отправились спать".

Усмотрев во мне продукт иной системы, нежели тот, с которым ему приходилось сталкиваться ранее, он начал расспрашивать меня о делах в мире, о жизни во время немецкой оккупации и пр. (...) Вспыхнули с первобытной силой его природные пылкость и любознательность. Его интересовало все - жизнь на Западе, тамошнее политическое и государственное устройство, особенно в Америке и Англии, парламенты и их деятельность, жизнь партий и т.д. Он выслушивал чрезвычайно внимательно, но все это усваивалось им в переработанном с точки зрения марксизма-ленинизма виде, пропущенном через его критическое сито. (...) Человечество развивается, думал он, неуклонно по пути к коммунизму, предначертанному Марксом, потому что капитализм достиг пика в лице империализма и приближается к гибели...

Он читал наизусть соответствующую теорию, неминуемо подводя к войне между Америкой и Англией.

Я сказал, что не верю в возможность такого столкновения и что ни мы ни последующие поколения не увидят этой войны. (...) Скорее всего, отношения между этими двумя странами улучшатся.

Он внимательно выслушивал мои суждения, отыскивая подтверждения истине, которая, казалось, уже была найдена.

Поэтому не пускался в принципиальные споры, (...) иногда прерывая живую беседу словами: “Больше мы не говорим, далее наши убеждения расходятся настолько, что мы не пойдем друг друга”. (...) И я тоже не жаждал принципиального спора, поскольку ничто не было мне более чуждым, чем стремление обратить его или кого-либо еще в свою веру. (...) Но было увлекательно, словно бы очнувшись ото сна, вдохновенно рассуждать о таких, ушедших в прошлое, проблемах с умным человеком в мертвящей атмосфере этого мертвого дома.

Он был очень рад узнать, что я бывший ученик историко-филологического факультета Петроградского университета и готов хоть сейчас помочь ему с грамматикой латинского языка. Мы повторили латинские спряжения и склонения, сидя на нарах своей камеры, а также прогуливаясь по крыше седьмого этажа, куда нас ежедневно выводил надзиратель. (Для сравнения можно прочитать в “Архипелаге ГУЛАГ” историю о встрече двух миров. - Х.С.).

Он исчез из моей жизни на многие годы, пока вдруг в последние месяцы 1962-го его имя сразу стало известно во всем Союзе в связи с повестью “Один день Ивана Денисовича”. (...) Биографическая справка об авторе убедила меня, что речь идет о моем сокамернике по Лубянской тюрьме. Я послал ему письмо через Союз Писателей. Уже через неделю получил ответ, в котором (...) он сообщал, что уже этим летом собирается посетить Эстонию”.

По своей скромности Арнольд Сузи не говорит здесь об охватившей писателя радости при получении письма, а также о том, что А.И.С. в 58-ом ездил разыскивать его в Эстонию и пытался получить о нем какие-либо сведения. Ответ из Москвы звучал так:

Дорогой-дорогой мой Арнольд Юханович!

Как же я рад Вашему письму, пришедшему десять минут назад! Я давно ждал его, я так и рассчитывал, что Вы должны откликнуться (на публикацию “Ивана Денисовича”). - Х.С.).

Я не только всегда помнил Вас, но и старался узнать о Вас. ...Летом 1958 г. мы с женой немного ездили по Эстонии (...) я осведомлялся о Вас в таллинском справочном бюро. (...) Немедленно же напишите мне: как Ваше здоровье? с вами ли Ваша семья?”

Из воспоминаний Арнольда Сузи:

Итак, он прибыл в Тарту 10 июля 1963 года. (...) Встретились они утром того же дня в гостинице “Парк”. Его первыми словами были: “Арнольд Юханович, я теперь совершенно другой человек”. Встреча была несказанно сердечной, с объятиями, как между старыми друзьями, которые нашли друг друга после долгой разлуки. Со времени последнего свидания про-

шло 18 лет, (...) он был по-прежнему оживлен, разговорчив и всем интересовался.

Мы с братом Арно перед первой встречей были настроены довольно скептически. Что можно ожидать от марксиста? Я приехала из Таллинна, когда они уже сидели за столом. Отец пошел открывать дверь. - Ну, как он? - спросила я. - Свой в доску, - ответил отец, от переживаний его глаза лучились теплым светом.

Это первое знакомство с большим писателем и мыслителем глубоко запало в память. Слушаешь его и чудится, словно перед тобой фонтан или фейерверк, настолько интенсивной была его аура. Тем не менее в нем не было кокетства. Собственная личность была для него значимой лишь как инструмент, который должен быть в рабочем состоянии и при самой высокой нагрузке.

В Эстонии он чувствовал себя в полной безопасности, будто находясь за пределами досягаемости КГБ. Эта иллюзия сохранялась у него до конца, несмотря на наши попытки его отрезвить. "Я не встретил ни одного плохого эстонца, со мной здесь ничего не случится!" Он рассказывал о недавнем голодном бунте в Новочеркасске и его кровавом усмирении (не так давно в России крутили о нем фильм), о настроениях в России, будущем ее и Эстонии, о своих планах и встречах, о замысле "Архипелага ГУЛАГ" и многом другом. Было невероятно и удивительно видеть и слышать здесь, в семье, пострадавшей от русских, именно русского, говорящего с нами в унисон, сочувствующего нашим стремлениям к независимости, находящегося на одной волне с нашими политическими убеждениями.

Он стал близким, своим человеком, другом, между нами было безграничное доверие.

А.И.С. полюбил Эстонию уже в 58 году при первом посещении. Со времен *нашествия* прошло чуть больше 20 лет. Еще остались не выселенные семьи хуторян, сопротивление колхозам сохранило в деревне многих людей *эстонского времени*, уцелела и хуторская атмосфера; короткая "оттепель" вернула к жизни прежние ценности. Тонкое восприятие писателя уловило это как чудо. Изменчивый природный пейзаж Эстонии очаровал его, он хвалил повсеместные чистоту и порядок (от которых, с нашей точки зрения, не многое осталось). У него было твердое намерение купить себе в Эстонии хутор, чтобы трудиться и писать в благостном покое. Половину времени он хотел жить в России, половину - здесь. Лето 1964 он провел на одном хуторе около озера Вериярве. Там он подарил нам экземпляр почти законченного романа "В круге первом". Еще его очаровали столовые в маленьких городках и поселках, предлагавшие ассортимент простых дешевых и вкусных блюд; не мог он, в недавнем прошлом хлебавший

тюремную баланду, нахвалиться и нашими молочными продуктами. Ему казалось невероятным, что бидоны с молоком, стоявшие на самодельных платформах у обочин сельских дорог,* никто не воровал. “У вас только 20 лет советская власть. Если бы она была здесь 50 лет, то вы бы не узнали ни свой страны, ни своего народа”, - были его грустные пророческие слова.

Наша семья была не единственной, считавшей А.И.С. своим (и которую он считал своей). Друг и сокамерник Георг Тэнно познакомил его с Лембиту Аасало, попавшим в свое время в лагерь за участие в организации школьников. У его семьи был хутор Раэ в Рапламаа, где А.И. позже хранил изначальную рукопись “Архипелага”, пока она в целях безопасности не была переправлена на наш хутор Лятте в Пылвамаа и спрятана в амбаре в подпол.

Но тогда еще своего хутора не было, и надо было найти тихое место в сельской глуши, где в зимние месяцы, не привлекая внимания, он мог писать свое великое произведение. Им стал хутор Марты Порт в Тартумаа на берегу речки Амме, где поселились мои родители после возвращения из Сибири, поскольку власти запретили им проживание в Таллинне и Тарту. Госпожа Порт решила помогать возвращенцам из Сибири, которым было некуда идти. Для этого она использовала широкий круг знакомств и помогла очень многим; моим родителям она предложила две прекрасные комнаты в частном доме. Копли-Мярди стал “маленьким укывищем” писателя, так он назвал его в своих воспоминаниях. От соседей дом отделяла высокая живая изгородь, вокруг возвышались вековые деревья, за ними ширились поля, леса и протекала река. Малочисленные сельчане знали, что там живет ученый, который пишет диссертацию и нуждается в покое. В то время у эстонцев не было привычки совать нос в частную жизнь других людей, да и излишняя болтливость не почиталась. А.И. составил небольшой русско-эстонский словарь-разговорник, чтобы на эстонском языке спросить в магазине хлеб и что-нибудь еще. Упражнялся в произношении. Само собой разумеющимся он считал, планируя жить в Эстонии, выучить эстонский язык.

Так за сугробами рождалась книга, которая должна была потрясти некоторые основы и разбудить ленивых. Он стучал на машинке 10-12 часов, иногда слушал БиБиСи, пока на электроплитке готовилась какая-нибудь простая еда; когда запланированное число страниц было написано, кололись и приносились в дом дрова, совершались лыжные прогулки по берегу реки.

---

* Устойчивая деталь сельского пейзажа Эстонии советского периода. Молоко оставлялось мелкими производителями, хуторянами, и предназначалось для сдачи на молокозаводы. Объезжая хозяйства по известному маршруту, молоко забирал молоковоз. - Прим. переводчика.

Т-1
1/10 ред

1

Часть I - Родники-Тыршлы

Глава I - Арест.

Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда согласно
идет самалезы, прибыть каратели, грешить посуда - но никто ~~не~~ ~~своих~~ ~~наде~~
пис на них не указывает места назначения. И билетные пассажиры и аэро-
ты Селтуриса и Интуриса будут изумлены, если вы спросите у них куда
блестит. Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных
его островков они не знают, не слышали. ++

~~Те, кто едут Архипелага в ожидании, терза бесконечной. А те, кто
сказали и едут куда, как мы с вами, гитавел, га варфенки пред
ти непременно и единственной целью ареста
Арест - это физическое уничтожение, предостережения на одно. По Архипел
и кривые линии нашей жизни мы властно несемся или несемся редким
мимо ~~каждого~~ ~~забора~~, ~~забор~~ - тиним деревенных ~~тиним~~ ~~деревенных~~
дубов, кипарисов, дубовых, кипарисов. Мы не ~~подумываем~~ ~~за~~ ~~ним~~,
ни глазом, ни ~~ушью~~ ~~мы~~ не пытаемся за ~~эти~~ ~~заборы~~, а ~~важно~~
и ~~начинается~~ ~~снова~~ ~~Гулал~~, ~~совсем~~ ~~равно~~, ~~в~~ ~~два~~ ~~двух~~ ~~двух~~ ~~от~~ ~~нас~~. И ~~еще~~
мы не ~~замечаем~~ ~~вдаль~~ ~~всего~~ ~~нашего~~ ~~жизненного~~ ~~пути~~. В ~~этих~~ ~~заборах~~ ~~не~~
мы ~~все~~ ~~эти~~ ~~капитал~~ ~~представлены~~ ~~для~~ ~~нас~~! - но ~~они~~ ~~не~~ ~~открываются~~, ~~мы~~
их не замечаем. Тонким ~~английским~~, ~~зависимо~~, ~~революционным~~ или ~~великими~~
надеждой и ~~защитами~~ мы несемся вперед, и ~~вдруг~~ ~~останавливается~~ ~~эти~~
ство ~~ракавал~~ ~~адма~~ и ~~зависит~~ ~~делами~~ ~~туркских~~ ~~пути~~, ~~не~~ ~~привычных~~ ~~и~~
тотузу, но ~~схватывает~~ ~~уменьшает~~ ~~нас~~ ~~за~~ ~~ногу~~, ~~за~~ ~~руку~~, ~~за~~ ~~воротник~~, ~~за~~ ~~шаг~~
куз, ~~за~~ ~~ухо~~ - ~~вдвигивают~~, ~~как~~ ~~чужб~~, и ~~капитул~~ ~~га~~ ~~нами~~, ~~капитул~~ ~~в~~ ~~на~~
шу ~~жизнь~~, ~~заполоняются~~ ~~насекады~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

~~Видеть арест это начало всей судьбы. Это физическое уничтожение
отрешение души. Это не просто физическое уничтожение, уничтожение
и ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~свободны~~ ~~и~~ ~~мы~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~идем~~ ~~за~~ ~~арестом~~.~~

3

/.../

В 1966 отцу исполнилось 70 лет. За праздничным столом, подводя итоги своей жизни, он помимо прочего сказал, что был счастливым человеком: ему повезло участвовать в создании независимого Эстонского государства и в строительстве Эстонской Республики, у него такая семья и такие дети; благодаря тому, что в 1944 в Пуйсе не пришли лодки, он может теперь умереть на родине и покоемся в родной земле. В случае успешного побега он не встретил бы Солженицына. Дружбу этого человека и возможность помогать ему в создании “Архипелага ГУЛАГ” он считал одним из самых больших подарков судьбы (и это после 16 лет лагерей смерти и выселения, существования год за годом на 39-рублевую месячную пенсию, которая была для него, всю жизнь трудившегося не покладая рук, унижительной).

Последний раз друзья встретились в Копли-Мярди летом 1967 года. Это лето стало последним для отца; он ушел из жизни 29 мая 1968 года. Они часами анализировали возможный ход развития событий и вытекающие отсюда задачи. У А.И.С. сохранялись иллюзии в отношении Западных стран, которых, по его мнению, прошлое должно было чему-нибудь научить, и они теперь готовы противостоять каждому проявлению деспотизма в любой точке мира (отсюда и его горечь в 70-х в Америке). Это выглядит сейчас наивным, но без энергии, исходящей от иллюзий (вспомним Освободительную войну), в мире не создаются устойчивые ценности, а только цинизм и нигилизм.

Дождливой осенью 1968 А.И.С. еще раз ступил на эстонскую землю, чтобы у могил Арнольда Сузи и Георга Тэнно проститься с ними. Я узнала, что в день похорон отца, на русскую Троицу, микрофильм с текстом “Архипелага ГУЛАГ” отправился на Запад. Я показала ему посмертную фотографию отца. Писатель долго смотрел на его лицо, словно прикоснувшись к вечному покою, и тихо произнес: “Так умирают пророки”.

С тех пор на пару лет наши непосредственные связи прервались.

В сентябре-октябре 1971 года меня отправили на курсы повышения квалификации при Московском университете. Мой тамошний руководитель-профессор не пожелал говорить со мной по-немецки, таким образом, предоставив мне возможность самостоятельно повышать свой уровень и, соответственно, самой распределять свое время и ходить, куда захочется. В основном я глотала немецкую литературу на Таганке.

С этими неделями в Москве связаны и последние мои личные встречи с Александром Исаевичем. Один раз в комнатке вдовы Георга Тэнно в коммунальной квартире, где мы ни о каких серьезных вещах не говорили, потому что и у стен могли

“Укрывище”.

На хуторе Копли-Мярд. 1967.

быть уши. В тот период А.С. остановился во владениях своего друга Ростроповича в Подмоскowie, примерно в часе езды на электричке, где расположились дачи знаменитостей. Как-то вечером я туда поехала. У Ростроповичей там было несколько построек, в одной из которых, самой маленькой, обставленной прекрасной антикварной мебелью, проживал А.С. Во владения входили и гараж на 3-4 машины, и жутко высокое строение, размеры которого позволяли вместить праздничную процессию будущей “Аиды” в полном объеме. (“Вольности Стивы”, - с добродушной усмешкой прокомментировал А.С., с его точки зрения явно несвоевременные амбиции друга.) Под навесом одиноко устремился к небу 4-5-метровый резной шкаф эпохи Николая I. Дом был настолько вместителен, что у меня оказалась уютная комната, в которой я ночь напролет читала материалы еще не ведомые остальному миру. И весь следующий день, пока А.С. был на крестинах своего первенца, ушел на рукописи и другое захватывающее чтение, в том числе и главы из книги “Бодался теленок с дубом”. На антикварном столике были свалены сотни писем и открыток, полученные А.С. по случаю присуждения Нобелевской премии. Особенно мне запомнилась одна открытка с изображением химеры собора Парижской Богоматери и текстом: “Напрасно стремитесь заполучить его душу, она теперь под защитой Нобеля”.

На небольшой прогулке по поселку А.С. показывал мне дачи знаменитостей, в основном деятелей искусств, в том числе и Шостаковича. На углу его участка на высоких столбах, словно немая угроза, был установлен таинственный черный ящик. “Техника КГБ, - сообщил мой провожатый. - Отсюда все прослушиваются”.

В доме мы записывали наиболее значимые мысли на бумажках, которые потом сжигали. На серьезные беседы уходили в строение. Сидели там на каких-то ящиках, говоря очень тихо, под противный треск глушилок, несущийся из стоявшего рядом радиоприемника. “Я все обдумал, все возможности. Они или убьют меня, или арестуют, либо вышлют из страны. Во всех трех случаях Советский Союз ожидает катастрофа. На Западе все наготове. Только со мной что-нибудь случится, там опубликуют “Архипелаг ГУЛАГ”. Для этого все подготовлено”. Предметом обсуждения было и будущее Эстонии, наша судьба, неизбежность краха Союза. “Я уеду в Германию или в Швейцарию. Буду присылать вам книги. Мы не потеряем связь, мы найдем возможности ее поддерживать. Хели, верьте, все образуется. Мы еще вместе с вами поприветствуем со сцены концертного зала “Эстония” свободный эстонский народ”...

*Перевел с эстонского
Олег КОСТАНДИ*

"НАДО РАБОТАТЬ"

ПЕРЕПИСКА АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА С ЕГО ЭСТОНСКИМИ ДРУЗЬЯМИ-ПОМОЩНИКАМИ

У Хели Сузи, к счастью, сохранились черновики, копии, оригиналы писем. И самое первое, от Арнольда Сузи к А.И., в Союз писателей СССР, почти официальное - после публикации в "Новом мире" № 11 за 1962 год повести "Один день Ивана Денисовича".

“Меня очень интересует, не Вы ли тот самый Солженицын, с которым я был одновременно на Лубянке в 1945 году. Если чувствуете интерес к такого рода прошлому, ответьте...”

В своих воспоминаниях Хели цитирует незамедлительный - от 9.02.63 - ответ “сокамерника”. В 2003 году он опубликован полностью (“Вышгород” № 6: цикл “Письма к Арнольду Сузи”, сс. 34-39).

Повторим исключительно важные заключительные строки:

“Я с самым теплым чувством вспоминал Вас все эти годы. А больше никого из наших однокамерников Вы не встречали следа? Сплошные символы: камера наша была 53-я и именно этот год всех нас повернул к свободе. А сегодня - годовщина моего ареста (18-я), с утра я вспомнил Лубянку - и вдруг пришло Ваше письмо.

Одновременно посылаю Вам бандероль с “Одним днем”, а в письмо вкладываю полдюжины наших снимков Тарту.

В № 1 “Нового мира” еще два моих рассказа.

Обнимаю Вас!

Жду ответа. Ваш СА (подпись)

Рязань, 23. 1-й Касимовский пер 12

Александр Исаевич Солженицын”.

Дружба (письма, встречи, долгие беседы) возобновилась...

9.2.63.

Дорогой-дорогой май
Арнольд Юханович!

Как же я рад вашему письму, пришедшему десять минут назад! Я давно ждал его, я так и рассчитывал, что вы должны административаться.

Я не только всегда помнил вас, но стараясь узнать о вас. В Экибастузе мне один эстонец (финляндец, кажется, Камасте) рассказывал, что вы — в Саласке, признаны инвалидом и там играете в архестре. Летом 1958г. мы с женой немало ездим по Эстонии (Тарту — Таллин — Хаапсалу), в то лето я осведомлялся о вас в таллинском справочном бюро. Сказали мне, что такой не числится. Но одна работница кассовым образом сказала мне, что она слышала, будто вы в Тарту в доме инвалидов. Увы, у меня не оставалось уже времени съездить в Тарту, так мои поиски тогда и обрвались.

И вот — теперь ваше письмо! Немедленно же напишите мне: как вы ~~ваше~~ здоровее? с вами ли ваша семья? правда ли,

23.3.63.

Дорогой Арнольд Юханович!

Всем сердцем сочувствую Вашей невосполнимой потере. Осиротели Вы.

Потерять друга всей жизни - этого ничем не наполнишь.

А жить - приходится...

Я все-таки после первого Вашего письма надеялся на благополучный исход ее болезни - потому что еще 10 лет назад в Ташкенте на себе и на окружающих увидел, как могучи некоторые современные методы (в 1953 году в ссылке я умирал от рака - и в Ташкенте в два последующие года меня поставили на ноги, опухоль сбили и стабилизировали. С тех пор подлечивают химиотерапией).

Я все время собирался отвечать Вам, но так много теперь неожиданных визитов, поездок в Москву и нескончаемой переписки, что ничего не успеваю во время. Простите.

К Вам я обязательно приеду в этом году, но получается так, что, наверно, не весной, а скорее летом. Будете ли Вы летом в Тарту или на какое-нибудь время уедете?

Получил в подарок повесть писателя Сергея Бандарина и думаю - не тот ли это Бондарин, которого я сменил у Вас 23 февраля? Помнится, тот был Николай, а не Сергей? Но я-то его в глаза не видел.

Анатолий Ильич,* наверно, умер: в Москве он не числится, а должен был бы вернуться..."

18.V.63

Дорогой Алесандр Исаевич!

Давно собирался писать Вам, сразу после прочтения Ваших рассказов в январском номере "Нового мира". А теперь это стало необходимостью. Во первых, прочли эти повести и некоторые из моих приятелей и у нас образовалось что-то вроде коллективного мнения относительно них, в общем очень сходное. Во вторых, появился в печати эстонский перевод "Одного дня". И в третьих, last not least, Вас, говорят, за Ваши повести сильно раскритиковали (я сам этих критических статей не читал), и Вам, полагаю, небезынтересно услышать, что думает о Ваших творениях у нас кое-кто из ценителей Вашего таланта. /.../ Очень понравились Ваши рассказы. Сильные и яркие картины. И что подкупает? Это Ваша честность и прямота в обоих рассказах (как и в "Одном дне"). Вы

Анатолий Ильич Фастенко - их сокамерник на Лубянке, бывший политкаторжанин, социал-демократ; обвинялся в терроре и шпионаже в пользу французской и канадской разведок. "Архипелаг ГУЛАГ" (1991), с. 138. - Ред.

не боитесь посмотреть действительности в глаза, не выставляете надуманные фигуры, не хватаетесь за казенные фразы и приемы, набившие оскомину. Пишете (конечно не фотографируете) просто то, что видите, возмущаетесь и передаете читателю свое возмущение тем нехорошим, негодным, что видите в жизни. А тут этим и достигается воспитательный эффект. Котенок хватается за шею и носом суется в то, что напакостил. /.../ (простите грубость сравнения!) Ведь Гоголь двинул общественную мысль с места не “Избранными местами из переписки с друзьями”, а “Ревизором” и “Мертвыми душами”. В этом не казенном, не трафаретном, искреннем, из глубины души идущем подходе к теме особенная, захватывающая прелесть Ваших рассказов. /.../ Где Вы подобрали эти слова? Слышали где-нибудь? Или плод долгих исканий? Или внезапное наитие? Но они удивительны, их не заменишь никакими другими. А впечатление потрясающее: словно волшебством встает перед глазами то ужасное время, когда простое подозрение шло за доказательство (о рассказе “Случай на станции Кочетовка”, переименованной затем по просьбе журнала в “Кречетовку”, чтобы не вызвать ассоциаций с реакционным писателем Кочетовым, - Л.Г.), когда попасть в лапы “тех” означало гибель, “ведь этого не исправишь”! А затем завершая же - “у нас брака не бывает”. Все это сильно... И “Матренин двор” - тоже рассказ, которого не забудешь. Как прекрасно, с каким проникновенным настроением начинается этот рассказ, возвращением куда-нибудь в Россию в 1953 г. /.../ Появился перевод Вашего “Одного дня”, Вы наверно имеете экземплярчик перевода. Одного переводчика, Э. Сарва, я знаю лично, очень серьезный, вдумчивый и добросовестный человек, с художественным чутьем. Говорит, были при переводе горячие споры, что и понятно. Ведь русский текст очень своеобразен, язык необычен, очень точный, суковатый, бьет не в бровь, а в глаз. В каждой строчке чувствуется лагерь, много своеобразных, чисто лагерных оборотов, характерных для этого мира. Все это очень трудно адекватно передать на другом языке. И переводчики бились с проблемой не за страх, а за совесть. В общем перевод приемлем на тройку. Но есть недопустимые искажения, непростительный пересказ своими словами. Например, у Вас - “эти то живут, да на чужой крови”, в переводе - “за счет других”. Утерян нюанс, утеряна острота, а нюанс тоже относится к содержанию, к эссенциалам мысли. Деталей, нюансов нельзя упускать. Рихард Вагнер, прощаясь со своими оркестрантами в Риге, оставил им “завещание”, написанное мелом на доске: “Маленькие ноты, господа, малень-

кие ноты! Большие приходят сами!” /.../ Вставлены “неприличные” слова там, где Вами оставлен пробел... Получилось некоторое огрубление текста... /.../ А в общем, как я сказал, на тройку. Не будь этих погрешностей можно было бы и четверку поставить. Повесть Ваша у нас очень популярна, куда ни зайдешь, везде на столе экземпляр п/еревода/. Не нравится мне, что заглавие переведено “Один день из жизни Ивана Денисовича”. Опять оттенок другой. Но это мелочь. /.../ Приезжайте, сообщите заблаговременно по адресу: Тарту, ул. Ваба д. № 38 кв. 1. Арно Сузи (это мой сын). /.../ Нисколько не буду в обиде, если не ответите на эти писания. Писал я не для того, чтобы втянуть Вас в переписку, а потому, что почувствовал потребность. А писанины у Вас сейчас и так хоть отбавляй...

Ваш Арнольд Сузи

20.5.63

Дорогой мой
Арнольд Юханович!

...Эстонское издательство прислало мне несколько авторских экземпляров перевода “Ив. Ден”. Вероятно, Вы видели это издание. Мне очень интересно будет потом от Вас услышать мнение о качестве перевода.

Сергей Ал-дрович Бандарин ответил мне, что он “не припоминает” соговарищей своих по зиме 44-45 года (я называл Вас и Анатолия Ильича) - так как “старался забыть” (курсив наш - Л.Г.). Прислал он мне две своих книги, но что-то не очень хочется их читать.

Итак, до встречи /.../

P.S. Как-раз пришло Ваше письмо, с интересом прочел его. Вообще-то я ожидал, что перевод будет на пятерку. Жаль. Но тираж поразительный (40 тыс. - Л.Г.). Критика рассказов меня трогает мало, потому что она не касается ни глубины, ни сути, ни художественного строя рассказов. А читательских писем хороших - очень много.

Я надеюсь, что Ваш выезд на хутор не помешает нам встретиться. Я готов посетить Вас и там. Вообще мы торопиться не будем и проживем в Тарту дней несколько.

Ближе к приезду я напишу Вашему сыну.

Крепко-крепко жму руку!

Ваш АС.

1.6.63.

Дорогой Арнольд Юханович!

Я очень виноват перед Вами: я, видимо, неразборчиво написал букву, к-рая изменила весь смысл. Мы собираемся быть у Вас в середине не июня, а июля.

Мы предварительно еще напишем вам из Ленинграда (жалко вот, нет никакого прямого сообщения оттуда в Тарту, придется заехать в Таллин, что ли. А хотелось бы прямо в Тарту)... Еду пока в Москву.

Пожалуйста, не извиняйтесь по поводу крова - ведь в Тарту такие чудесные гостиницы, и всегда есть места.

Крепко жму руку!

До встречи!

Ваш (подпись)

5.7.63.

Дорогой Арнольд Юханович!

Едем в Тарту ночным автобусом в ночь на 10 июля. Устроимся в гостинице (если будут места, то - в Park-Hotel'e), м.б. немного поспим - и в тот же день в первой половине дня я надеюсь быть у Вас.

Думаем пробыть в Тарту не менее трех дней.

Крепко жму руку!

До скорого свидания.

(подпись)

19.12.63.

Дорогой

Арнольд Юханович!

...Я получил и с интересом прочел Ваше письмо. Я благодарю Вас за труд подробного разбора моего рассказа. (Речь идет о повести "Для пользы дела", которая вскоре - вместе с рассказом "Случай на станции Кочетовка" - будет переведена на эстонский язык. - Л.Г.) Сам я ценю его ниже, чем великодушно оценили Вы, но считаю, что общественный резонанс от него получился неплохой. Писем по поводу него больше, чем я ожидал...

14.I.92

Дорогая Хеленька!

Очень-очень мы были рады Вашему письму!

Не менее того я рад, что очерк "Эстонцы"* пришелся Вам по душе - и Вы не обнаружили там никаких искажений. С непременным постоянным теплом вспоминаю то время и всех вас. (Также и я нашел вполне верным Ваше интервью Смолю - хотя сам Смоль довольно глупый: в дальнейших своих отрывках нагородил даже "версий", которые обо мне распространяло КГБ. В общем, ничтожный журналист.)**

* Бодался теленок с дубом. 5-е дополнение. Глава "Эстонцы. "Новый мир" № 11, 1991.

** Хели Сузи принесла нам номер газеты "45-я параллель" - 3(12),91 (где такая выходила? - Л.Г.) с одним из материалов Бориса Смоля "Корни и крона. Штрихи к биографии Александра Исаевича Солженицына".

Конец мира? - нет, я пока не ожидаю. Но что мой народ разорен, обманут, унижен, отчаялся и сам не понимает своего положения - это меня ужасает. Увы, и сам я не могу в том помочь: трижды за минувшие 1 1/2 года печатал в огромных тиражах (17 млн, 18 млн) свои статьи-советы, и все прошло совершенно впустую, как и не было их. Так если я сию минуту бы поехал да выступил бы на двух-трех митингах по 1000 чел. - так еще меньше бы изменилось. Нет, я поеду не так скоро, и, конечно, прежде кончу все нужные мои работы.

Очень я огорчен состоянием здоровья Арно. Шлю ему сердечные пожелания держаться, сколько может, во имя семьи и Эстонии. Обнимаю его крепко.

И Лембиту - огромный привет! Я - по-прежнему верю в его незаурядное будущее. Глубоко огорчаюсь, что и в Эстонии общественная атмосфера не стала чистой. Да, коммунизм и не мог сползти с нашего тела без глубокой порчи народной нравственности. Ох, не дожить нам до хорошего времени - но надо для него работать. /.../

Наташа шлет тебе самый теплый привет.

Обнимаем тебя.

(Подпись)

P.S. В твоём письме очень мило выглядят вкрапления немецких слов. Жалею я, что обронил я немецкий язык, так и не использовал по-настоящему.

21.7.95

Дорогая Хели!

В середине августа мой сын Игнат дает концерт в Таллине. Я дал ему Ваш адрес, предупредил о Лембите - дать Вам билеты на концерт. Но никакого телефона я не знаю. Пока он будет Вас искать - может быть Вы его найдете раньше, через консерваторию.

Мы с Алей очень на месте чувствуем себя в России, но работаем напряженно, выше сил. М.б. Вы иногда видите мои телепередачи по каналу Останкино - они бывают в 21.45, по 15 минут.*

Всего так много, что не обговорить.

Обнимаем Вас!

(Подпись)

4.5.98.

Дорогой Лембит!

Очень рад был Вашему сердечному письму. Получил его только сейчас, не знаю, как оно шло, - но как жаль, что Вы не указали Вашего адреса. Сейчас прошу содейст-

---

* Вскоре это Слово у Солженицына отняли, 15-минутных выступлений под каким-то предлогом лишив.

на д. 21. авг. 95

21.7.95

Дорогая Хелен!

В середине августа мой сын
Иванъ идет концертом в Тамбове.
Я дал ему Ваш адрес, предупреди-
ли о Лемдинг - даю Вам директу
на концерта. Но никакого делегата
я не знаю. Пока вы судите Вас
искали - может быть вы его
найдете там же, через консерва-
торию.

Мы с Аней очень на него
рассчитываем сюда в Россию, но родители
напряженно, выше сил. М.д. Вы
когда видите мой делегатом
по камалу Остапко - они должны
быть в две недели по помещикам
в 21.45, по 15 июня.

Всем пока много, но не одобряю
Одминистра Вас! Саша

вия Хели переслать Вам мой ответ (если и ее-то письмо найдет по прежнему адресу).

Спасибо за перевод Вашей статьи 1989 г.* Много моментов вспомнили - и как прелестно о журавлях.**

Рукопись "Архипелага" - для меня очень ценна, Лембит, она - единственная исходная. Нет, не отдавайте ее в литературный музей! Как бы Вы не оговорили мою prosperity - но все эти литературные хранилища очень жадны, держатся за литературные подлинники. За прошедшие годы моя бывшая жена сдала в несколько мест кой-какие мои рукописи (не спрося меня) - и ничего не могу получить, только копии.

Давайте попробуем так. Может быть в течение нескольких месяцев - ну, скажем до осени, какой-нибудь хорошо известный Вам эстонец, надежный человек, будет ехать в Москву. Тогда, в заклеенном виде, дадите ему пакет "А. Солженицыну - только лично" - и попросите занести в самом центре Москвы в мою "литературную контору".

Там по будним дням с 11 ч. и до 18 ч. всегда находится моя сотрудница Мунира (или кто другой будет ее заменять). Телефон там 229-86-39 (проверить, что - на месте), адрес: Тверская улица 12, строение (корпус) 8, кв. 169. Чтоб легче искать: рядом с подвальной аптекой, а весь район - рядом с известным "Елисеевским магазином", на парадном надо нажать 1,6,9 - и ответ по телефону.

Тогда - и остальные рукописи добавьте, пожалуйста, уж не помню, какие там.

А если до сентября-октября такого случая у Вас не будет - я попрошу кого-нибудь съездить к Вам специально. Где Вы сейчас живете - в Пярну? в Таллинне? Напишите, как Вас искать.

Сейчас, в неизвестное мне время, Ваш министр культуры Яак Аллик (прислал мне пригласительное письмо)

---

* В 1989 году в эстонской газете "Сирп я Васар" - "Реэде" был опубликован очерк Лембиту Аасало "Из Вяндраских лесов в Париж. Кое-что из времен создания "Архипелага ГУЛАГ". У нас в журнале "Вышгород" № 4 - в 1998 в переводе Веры Рубер (Москва). Значит, Л.А. послал перевод еще раньше. - Ред.

** В очерке "Из Вяндраских лесов в Париж" Лембиту Аасало вспоминает, как поздним летом 1966 провожал Солженицына, увозившего с хутора Раэ-Мяэльт часть рукописи "Архипелага", а над "колхозными неунавоженными и невозделанными залежами тянулась прямая и длинная цепь журавлей. /.../ Словно это курсанты военного училища маршировали к поднятию флага. /.../ "...Принимайте парад эстонских журавлей, капитан Солженицын". /.../ Когда в середине семидесятых диктор Би-Би-Си сквозь треск глушителей стал читать первые главы только что опубликованного "Архипелага ГУЛАГ", я отыскал на полке атлас с картой Европы и наложил линейку на линию полета тех осенних журавлей. По ту сторону Пярну она легла на северо-западный край Курамаа, потом шли Борнхольм, Любек и Кёльн, а дальше уж Париж"... - "Вышгород" 4,98, с. 174-5.

хочет устроить в Национальной библиотеке Эстонии выставку нашего Фонда (“Солженицына”), тогда туда поедет Виктор Александрович Москвин, тоже наш сотрудник, директор издательства, - и вот ему бы в руки отдать - это самое надежное. Но я не знаю, как успеет письмо, и Ваши возможности, и когда эта выставка точно будет. (Мало было Вам хлопот с рукописями “Архипелага” в 66м-67м - так вот еще...) Или будет Людмила Ивановна Сараскина, можно и с ней, надежно.

Сам же - в Эстонию, как Вы приглашаете? “Незаметно” - для меня уже невозможно (да и сама поездка уже трудна) - а “заметно” - увы, усложнилась обстановка для моей поездки в Эстонию.

Разумеется, не говорю о пенсионерах КГБ-МВД, которые пожелали, начиная с пенсии, поселиться в Прибалтике. Но сколько невольного люда поехало-послано - в Эстонию, в тот же Кохтла-Ярве. Или почти все население Нарвы. И с первых же минут независимости Эстонии им всем отказано не только в гражданстве /.../ Оглянитесь на всю Европу: во всех странах - нежеланные поселенцы других наций, мир перемешивается - и с этим бороться уже опоздано. Пожив среди эстонцев, вполне понимаю Вашу боязнь за свое сохранение, целостность. Но поверите ли Вы, что такая же опасность нависла и над многомиллионными русскими? - быстро вымираем (средний мужской возраст 57 лет), рождаемость резко упала - и русский грозит вообще исчезнуть с Земли. А уж сколько нахлынуло из азиатских стран - тому меры нет.

Да, Лембит, возвращался я в Россию с надеждой оказать благоприятное влияние на ход дел. И встречал полное сочувствие по всем необъятным провинциям (проехал 27 областей, было 60-70 публичных встреч, даже и до 1500 в аудиториях). Но в центре, в Москве - враждебное неприятие. У нас властвует корыстная олигархия, думающая только о себе, а не о народе. Сняли мои передачи с телевиденья, а на публичные заявления - ноль внимания, как горох об железобетонную стенку. Демократии - то есть, прежде всего реального местного самоуправления, чтобы народ сам направлял свои повседневные потребности, - у нас с 1985 года еще не было ни одного дня. Правительство - так же, как и при большевиках: действует в полной темноте от народа, ничего не объясняя, ни в чем не отчитываясь, произвольно (очень многие - бывшие видные коммунисты и комсомольцы). Коррупция и воровство - безнадежно пропитало весь государственный организм до самого верха. Национальное достояние - расхвачено хищниками под видом “приватизации” (бесплатной) - чтобы “скорей создать ры-

нок”. Треть населения - за чертой бедности, школа - разваливается, юношество - отдано моральному растлению. Наука - разбегается за границу. Да всего не перечислишь.

Ведь вот как у вас замечательно: сохранились прежние документы на владения. А у нас в 1930 разорили 5 миллионов крестьянских семей - и никто из потомков не может доказать своего права ни на дом, ни на кусок земли отобранной.

Да, Лембит, если это письмо успеет и если Вам удобно - узнайте об этой выставке “солженицынского фонда” - м.б. Вы или Хели сумеете там передать рукописи в руки В.А. Москвину. Она, конечно, 2-3 дня продлится - и в министерстве культуры о ней будут знать.

Обнимаю Вас крепко-крепко.

С постоянной памятью о Вашей верности и мужестве Ваш (подпись)

На полях:

А помните, как мы чуть в пруд не упали близ В[аше-го] хутора - по моей вине?*

***

Эта копия письма А. Солженицына Лембиту Аасало сохранилась в архиве Хели Сузи. Само письмо Л. А. приносил с собою в редакцию “Вышгорода” и зачитывал. Наверное, не полностью, но запомнилось - о просьбе Александра Исаевича переслать рукописи. Конечно, просьбу выполнили, отправив бесценный конверт дипломатической почтой.

“Русский зарубежный архив. XX век” - так называлась выставка, развернутая в Национальной Библиотеке Эстонии с 20 мая по 20 июня 1998 года. Эстонский перевод звучал как “Русская литература в изгнании”, углубляя замысел проекта.

Выставка проводилась по программе эстонско-российского культурного сотрудничества совместно с Национальной Библиотекой Эстонии, Эстонским культурным центром “Русская энциклопедия” и Библиотекой-фондом “Русское Зарубежье” (Москва).

В делегации были и Людмила Сараскина - доктор филологических наук, известный достоевед, член жюри

---

* Осень 64-го. Подыскивалось и обустривалось будущее рабочее убежище. “Лембит с женою Эви и с печником-эстонцем должны были ехать на хутор печку перекладывать. Поехали в моей машине, и Тэнно с нами. Весело гнали по шоссе, свернули на слякотную дорогу близ хутора, я не умерил скорости, машина стала вилять, я по не привычке опоздал снять ногу с газа - и понесло машину с обрыва в озерко, и хлопнуться б нам на дно, - да попался под брюхо машины пень срубленного дерева...” - “Теленок”, глава “Эстонцы”.

На фотографии из архива Хели Сузи - Лембиту Аасало.

премии Александра Солженицына, ныне автор его полной биографии (Москва, "Молодая гвардия" 2008), и директор Библиотеки-фонда "Русское Зарубежье" Виктор Москвин. Они тогда привезли книги (более 500 экземпляров), которые остались в качестве "солженицынского" дара в библиотеках Эстонии.

Проект "Русский зарубежный архив. XX век" (выставка и спецвыпуск журнала "Вышгород" 4,98) был осуществлен при поддержке Министерства культуры Эстонии, Фондов Открытой Эстонии и Kultuurkapital'a.

НЕВОЗМОЖНО МОЛЧАТЬ!

Моя мама прочла в 1963 году на эстонском языке первое издание книги Александра Солженицына “Один день Ивана Денисовича” в городе Эльва, на юге Эстонии. И удивилась, когда я ее навестила, что я про эту книгу ничего не знала. Мы с ней часто беседовали о трагедии нашего народа, но что о лагерях уже есть книга - это для меня было ново. В то время мы еще надеялись, что увидим своего отца и мужчин из нашего села. Я прочла эту книгу в том же году чуть позже, когда вернулась в Таллинн.

Изложу судьбу своего села Ново-Эстоновка Краснодарского края, где жили мои родители и где в 1930 году я родилась.

По данным исследователей, в Советском Союзе в 1934 году было зарегистрировано 498 эстонских сел, жили эстонцы и в городах, более 250 000 человек. Большинство занималось сельским хозяйством, в городах - промышленностью. Дети учились в эстонских школах, учителей готовили в Петербурге. В селениях строили школы, клубы, где работали кружки, библиотеки. Жили нормально, кто как мог, по местным условиям.

Но в 20-30-е годы, во времена коллективизации и борьбы с кулаками, в нашем селе пострадали семьи, у которых крыши домов были покрыты жемью, и другие крепкие хозяйства. Пережили аресты, переселения, голод, нищету. На этом история не остановилась. Под руководством ком-

---

Гильда Саббо родилась в Ново-Эстоновке Краснодарского края; в 1938 всех эстонцев-мужчин из села увезли... Росла без отца. В 51-м окончила в Черкесске фельдшерское училище. Год работала в селе Птичье Ставропольского края фельдшером, замещала врача. В Эстонии (с 1952) практиковала в Эльве (под Тарту) и фельдшером, и операционной сестрой, и детским врачом. С 1963 возглавляла в Таллинне в ЦК Красного Креста санитарно-оздоровительный отдел, занималась оргработой, искала пропавших во время войны, составляла списки репрессированных на Северном Кавказе эстонцев. Член общества “Мemento”. Автор книги “Гибель” и семи фоллиантов, сделанных почти вручную, - “Невозможно молчать” (документы, материалы архивов).

мунистической партии и правительства настало новое время - врагов народа, время большого террора, охватившего маленькие и большие народности Советского Союза.

Как сейчас помню ночь 28 июля 1938 года, мне было 8 лет, мы с нетерпением ждали 1 сентября, чтобы начать учиться в школе. У меня был русский "Букварь" и эстонский "Куке аабитс". Один мой дядя, Август Саббо, был преподавателем в начальной эстонской школе, а другой, Артур Гольм, в основной русской школе, рядом, в соседних селах. Но все в одночасье оборвалось.

Южные ночи темные, только звезды мерцают, пока луна не взойдет. Отец утром уехал отвезти колхозное зерно на элеватор, мама пошла на колхозное поле. Поздно вечером мы с ней проснулись от страшного крика и стука в дверь. Это была жена дяди Адольфа Гольма, маминого брата, с трехлетним сыном и двухмесячной дочкой на руках. Она сообщила, что мужа арестовали.

Я осталась с детьми дома, а мама с тетей побежали узнавать, что происходит в селе. Потом приходили к нам женщины и говорили, что мужчин собрали в клубе, они там стоят на коленях, опустив головы. С вечера их вызвали якобы на собрание, отобрали все, что было в карманах, ремни и пуговицы от брюк, шнурки от ботинок. Все это видели женщины, заглядывая в окна. В этот клуб собрали мужчин из двух соседних эстонских сел. До восхода солнца их увезли в районную тюрьму, а на следующую ночь - в город Армавир и поездом отправили на место назначения - в Краснодар, где и заканчиваются их судьбы.

Из арестованных шестеро умерли на допросах, четверых 26 сентября осудили тройкой на 8 и 10 лет, остальных - более 100 человек - приговорили к высшей мере наказания, в том числе одну женщину.

На суд их не вызывали как врагов народа. Расстреляли их в октябре - 4, 7 и 15 числа в городе Краснодаре. Двое умерли в лагере, двое вернулись домой, отбыв свой срок. От них мы узнали под большим секретом, чего они там натерпелись. Один из вернувшихся вскоре при странных обстоятельствах исчез, другого как-то утром нашли на своем дворе мертвым. Свидетелей нет. Сохранились только письма моего дяди, Яна Гольма, двоюродного брата мамы, из Норильского лагеря...

1 сентября дети пошли в школу, и я в первый класс. Учителей арестовали еще раньше, на совещании в марте, и тоже, как оказалось, расстреляли. Преподавание в школе теперь велось только на русском языке. Мы, первоклассники, не знали русского, а наш учитель Кирилл Кириллович не знал эстонского. Чтобы войти в нашу ситуацию, он, думаю, сочувствуя нам, стал сам учить эстонский,

а в играх учил нас русскому языку. На переменах мы не имели права говорить по-эстонски. На празднике 7 ноября мы выступали в клубе перед своими мамами на русском языке. Мне велели декламировать стихотворение из букваря “Анна Ванна бригадир вырастила поросят”^{*} Своего первого учителя мы звали Кир Кирович, он не обижался. Если кому по необходимости нужно было с урока выйти, каждый просил по-своему, а мой родственник Эндель говорил: “дозвольте на двор”. У меня осталась единственная фотография первого класса 1938 года, которую сделал нам Кирилл Кириллович, мы его очень уважали и до сих пор поминаем. Он погиб на фронте.

Так началось мое счастливое школьное детство. В свободное время мы помогали матерям в колхозе на разных работах. Я пасла лошадей, полола в поле, собирала вонючих черепашек с колосьев зерновых культур в бутылку и каждый вечер сдавала их в колхозную контору. С вышек наблюдали за полями, чтобы никто их не поджег. Позже с подружкой Юлиной пахали быками, культивировали лошадыми, молотили зерно на молотилке, которую, по обвинению органов, наши отцы сожгли. Так работали все дети, не только я. Мы воспитывались без отцов, но никто не верил, что они не вернуться. Ни у кого даже в мыслях не было, что их, невинных, расстреляют, но их расстреляли.

Наши матери писали во все инстанции, собирали деньги на адвокатов, ждали, надеялись до 1990 года, когда мне с большим трудом удалось в Краснодаре увидеть дела своих загубленных родственников (36 человек). Прочитала, кто расстрелял моего отца 4 октября 1938 года. Он умер от язвы желудка в 1948 году, как сообщили в официальном свидетельстве о смерти.

И другие семьи также имеют ложные справки о кончине своих близких. Копии не разрешалось снимать, можно было делать только короткие выписки под наблюдением работника НКВД (1990). Прочла документ в деле своего дяди Августа Саббо, как выпытывали у него признания вины (реабилитирован посмертно).

Мне удалось найти с помощью Краснодарского “Мемориала” приблизительно на местном Всесвятском кладбище, где хоронили расстрелянных в 1933, 1936, 1937, 1938 и 1942 годах. По неточным данным, там, за Аэродромной улицей, где сейчас жилой район, убито около 250 000 человек. За городом, на еврейском кладбище, также есть могилы расстрелянных.

Я медик и по своей службе соприкоснулась с человеческими трагедиями многих народов. А детство дало мне

---

^{*} Стихи Агнии Барто “Анна Ванна, наш отряд хочет видеть поросят”... Эту строчку помнит поколение X.C.

Духовой оркестр “Ново-Эстоновского с/с” (20.04.36).

Колхозники эстонского колхоза “Уус-tee” -
“Новая дорога” - на уборке урожая (1936).

главный толчок изучить репрессивную политику прошлого. Побывала в 1976 году на Соловецких островах. Посетила НКВД Краснодар, Ленинграда, Пскова, Новгорода, Крыма, где составляла списки репрессированных. Занималась в архивах Российской Федерации и Эстонии.

На основе доступных мне архивных материалов издала семь книг под названием “Невозможно молчать”, которые передавала и в фонд Александра Солженицына. Надеюсь, эти мои исследования о гонениях (не только эстонцев, но и людей иных национальностей), копии документов, выписки из оригиналов помогут продолжить работу другим историкам и политикам. Ведь масса вещей не выяснена. До сих пор мы не можем найти концы, куда пропали арестованные воины и некоторые члены правительства Эстонии. И еще раньше в Советском Союзе, по сравнению с последней переписью населения, с 20-х по 40-е годы исчезло 100 000 эстонцев. В связи с тем, что многие особые папки в архивах не рассекречены, нельзя точно установить, сколько и в какие годы их не стало.

Известно, что Политбюро в 30-е годы этими вопросами занималось серьезно. Например, вот протокол № 56 от 11 декабря 1937 г. по 21 января 1938 г.

Пункт 76. “О ликвидации национальных районов и сельсоветов”. Пункт 75. “О национальных школах”. “Признать вредными существующие особые национальные школы - финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и другие...”

Или выписка из протокола Политбюро № 57/49 от 31.1.38. Ежову. Пункт 1. “Разрешить Наркомвнудел продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионо-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын как иностранно подданных, так и советских граждан... согласно существующих приказов НКВД СССР”.

Сейчас нет моего села Ново-Эстонки на Кавказе. Заросло все бурьяном и кустарником.

В Ленинградской области в 30-е годы зарегистрировано было более 100 эстонских сел, сейчас ни одного, - бурьян, кусты и лес...

АННЕ-ЛИ
РЕЙМАА

**ОН
ИЗМЕНИЛ
ХОД ИСТОРИИ**

Выставка “Архипелаг ГУЛАГ: Эстонский остров”, открывшаяся в Москве в Библиотеке-фонде “Русское Зарубежье” 12 декабря 2008 года и в марте перенесенная в Национальную библиотеку в Таллинн, проводится в рамках Соглашения в области культуры между Министерством культуры Эстонии и Министерством культуры Российской Федерации, - и в качестве межкультурного диалога, и в качестве своеобразной дипломатической миссии, поскольку именно культура служит самым лучшим мостом между разными странами.

Многие народы пострадали от репрессий в страшные годы сталинизма. И сегодня нас объединяют глубокие дружеские чувства, потому что Александр Солженицын навсегда стал другом эстонского народа и с лихвой разделил те испытания, которые постигли наш народ в те лихие времена.

В маленькой Эстонии за период двух депортаций (1941 и 1949 года) было арестовано и выселено 32 000 человек. Многие из них расстреляны, погибли от холода и невыносимо тяжелых работ, кому-то посчастливилось вернуться из лагерей и ссылок. Среди этих “врагов народа” были не только политические деятели, но и учителя, врачи, писатели, хозяева хуторов (по российской аналогии - кулаки).

Среди арестованных уже после прихода Красной армии в Эстонию в сентябре 1944 года оказался и Арнольд Сузи. Еще во времена немецкой оккупации в Таллинне был нелегально создан Национальный Комитет, который боролся за независимость Эстонии. Немецкие власти преследовали членов Национального Комитета, но как только немцы отступили, было сформировано правительство, возглавляемое

Анне-Ли Реймаа - вице-канцлер по международным связям Министерства культуры Эстонской Республики. Окончила Тартуский университет (1986), историк, магистр философских наук. Работала старшим научным сотрудником в Музее сланцев в городе Кохтла-Ярве, главным специалистом по международным связям в городе Йыхви. В 2005-2007 являлась представителем Союза городов Эстонии в Евросоюзе в Брюсселе.

ТАЛЛИН, журнал ЛООМИНГ

10.11.88

Главному редактору АНДРЕСУ ЛАНГЕМЕТСУ

Уважаемый Андрес Лангеметс !

Ваше письмо от 19.9 я получил только вчера /так долго, вероятно, потому, что оно шло через моё американское издательство, не по прямо адресу; впрочем, это не значит, что прямое письмо прямо из Таллина шло бы быстрее/.

Я охотно и с тёплым чувством даю Вам разрешение печатать по-эстонски первые три главы моего "Архипелага" - разумеется при этом предположите главам - два вступления и два посвящения, которыми открывается первый том.

Однако: эстонский перевод, как я думаю, сделан с первого издания "Архипелага" в 1974 г. Но поэтому он должен быть весь считан и исправлен с окончательной редакцией, которая содержится в моём томе 5 собрания сочинений, изданном в Париже ИМКОЙ-пресс в 1980 г. Я надеюсь, что Вы сможете достать эту книгу.

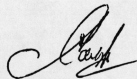
Все права на "Архипелаг ГУЛаг" я передал Русскому Общественному Фонду. Поэтому и гонорары надо перечислять Фонду. Для этого Вы откройте сберегательную книжку в Таллине: если можно - просто на имя Русского Общественного Фонда с правом подписи Натальи Дмитриевны Солженицыной /она - Президент Фонда/; либо, если так нельзя, неудобно - то просто на её имя, желательно с добавкой: - Архипелаг. И больше не хлопочите, когда-нибудь она оформит подпись.

Мои самые добрые пожелания Вам

и Хенно Аражу, жалею, что я с ним не знаком.

Всего доброго.

Aleksandr Solzhenitsyn
Cavendish, VT 05142
USA

Александр Солженицын

Отто Тийфом. Правительство это просуществовало всего три дня - кто-то успел перебраться на Запад, кого-то “взяла” новая власть. Среди арестованных и отправленных в лагерь был и министр просвещения этого недолговечного правительства - Арнольд Сузи.

Так случилось, что в Лубянской тюрьме Александр Солженицын познакомился с юристом, адвокатом, историком Арнольдом Сузи, который до Первой мировой войны учился в Петроградском университете и прекрасно знал русский язык. Они беседовали часами - патриот, молодой советский офицер и знаток западной философии, человек совсем других взглядов. Как настоящие интеллигентные люди, они умели слушать друг друга, и в итоге тесное общение переросло в дружбу. А после всех испытаний в лагерях и ссылках Солженицын и Сузи снова нашли друг друга: их переписка началась в 1963 году. И с того времени жизнь и творчество Солженицына были тесно связаны с Эстонией, где на хуторе Копли-Мярди, что недалеко от Тарту, он в течение нескольких зим писал книгу “Архипелаг Гулаг”. Недавно поступило предложение, которое мы обязательно рассмотрим: открыть на этом хуторе мемориальную доску в честь лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына.

Частым гостем Солженицын бывал и на таллиннской, и на тартуской квартире своих друзей Сузи, которые оказывали ему теплый прием и всестороннюю помощь. В лице Хели Сузи, дочери Арнольда Сузи, мы можем поблагодарить всю эту замечательную знаменитую семью.

Для нас важно также, что еще при советской власти, в 1989 году, “Архипелаг” на территории СССР был впервые опубликован именно на эстонском языке - в журнале “Лооминг” (“Творчество”). А еще раньше (в 1963-м и 1964-м) были изданы повести “Один день Ивана Денисовича” и “Для пользы дела”. Позже полностью переиздавался “Архипелаг Гулаг”, была сразу же переведена “Россия в обвале” (2001). В 1980-е годы, будучи студенткой исторического факультета Тартуского Государственного университета, я впервые прочитала на эстонском языке и “Один день Ивана Денисовича” и “Для пользы дела”. Эти две небольшие книги произвели на меня глубочайшее впечатление. Сюжеты произведений Солженицына, искренность повествования и отраженная в них боль за судьбу своего народа в страшные дни сталинских репрессий заставили меня понять всю трагедию, постигшую как русский народ, так и другие народы, населявшие Советский Союз. Я впервые держала в руках произведения, в которых описывалось то жестокое время, о котором в эстонских семьях лишь изредка, тайком осмеливались заговаривать, и которое вообще не обсуждалось в присутствии детей. Эти книги дали мне представление о творивших-

ся ужасах и несправедливостях, о сталинском режиме, при котором русский народ страдал наравне с другими народами и даже больше. Я узнала истину о каторжном труде и смертниках в сталинских лагерях. Для молодых людей книги Солженицына были настоящей интеллектуальной встряской, истинным свидетельством исторической правды.

Сегодня можно смело утверждать, что Солженицын изменил ход нашей истории. Боль, которая наполняет его произведения, глубоко трогает всех тех, кто пережил сталинские времена. В книгах Солженицына есть незаживающая рана правды, которую он открыл своим соотечественникам и всему миру. В стране не было ни одного человека, который не знал бы про Солженицына, ни одного равнодушного по отношению ко всему, о чем было поведано писателем. Он был для нас символом чести и справедливости, символом стремления к свободе.

Выставка, которую мы привезли в Москву, готовилась не один год. Предысторией этой выставки послужила постоянная рубрика в журнале "Вышгород", которая так и называлась - "Архипелаг ГУЛАГ: эстонский остров".

Позвольте выразить благодарность Библиотеке-фонду "Русское Зарубежье", генеральному директору Виктору Александровичу Москвину, а также Наталье Дмитриевне Солженицыной за предоставленную возможность проведения этой выставки, которая является результатом совместных усилий Москвы и Таллинна.

МАРИНА

КУЧИНСКАЯ

РАТУША

МАТУШКА

1

Ратуша-матушка!
странника прими!
К осени головушку
мутну осени.
Слуху даси радость,
веселие дари.
Не твои на утрене
льются тропари.
Сердце чисто строится,
дух в утробе нов.
Покаянно молятся,
да не слышно слов...

2

Та ночь выбиралась из влажного плена,
и пели цикады в траве, как сирены,
и падали капли отвесно с дерев,
и в небе дремал очарованный лев.
Как будто бы к Богу летела дорога,
и было всего как всегда понемногу,
и легче дышалось, и крепче спалось,
и - как наяву - ничего не сбылось.
Лишь помню - в руках золотую ладью
да листья, осенние листья в раю.

---

* Марина Кучинская (Эспо, Финляндия) - поэт, публицист, автор сборника стихов "Nominis Umbra" - Тень имени" (С.-Петербург, 2004). Участница различных поэтических конкурсов. Недавно побывала в Таллинне.

3

Опрокинутая чашечка -
в пятнах кофе брюки-блузки.
Город Таллинн - что тельняшечка:
говор местный, говор русский.
Ах, как улочки бульжные
по кино-экрану помнятся!
Янтари да лавки книжные!
Я ж такая нынче скромница! -
не прошу колец с браслетами,
ожерелий злато-солнечных:
одарю себя куплетами
в вечерок случайно-вторничный.
Флюгер ветра просит сильного,
зло - добра, жена - монисто;
а стихам - дымку б кадильного! -
чтоб туманно да лучисто.

август 2008

ЕВФРОСИНИЯ
КЕРСНОВСКАЯ
ОАЗИС
В
АДУ

Пророк Моисей с горы Сионской принес десять заповедей, которые сам Господь Бог отпечатал на каменных скрижалях. Но это было давно... И, может быть, неправда? Был он пророк башковитый, знал, что к чему, умел приспособливаться и выходить сухим из воды. Так мог ли он оставаться в стороне, хотя бы даже в райских кущах, когда на земле произошло такое важное событие, как Октябрьская революция? Говорят, что тогда, вскоре после Октября, на небесах поднялся большой переполох. Помилуйте! Как тут разобраться, что к чему?!

Судили-рядили и решили:

- Пусть отправится туда святой Лука. Он человек грамотный - евангелист. Он разберется!

Недели не прошло - прислал телеграмму: "Сижу в Че-Ка. Евангелист Лука".

Всполошились пуще прежнего:

- Как это так? Лука - такой грамотный, образованный, кажется, даже податным инспектором работал, а тут... Нет, надо кого-нибудь поэнергичней! Пусть отправляется Илья-пророк. Он человек военный и в механизации, и в электротехнике сведущ.

Однако и тут не повезло. Опять телеграмма: "Сижу и я. Пророк Илья".

Совсем приуныли небожители:

- Ни умом, ни силой - ничем не возьмешь. Вот разве что ловкостью. Кто же тут лучше подойдет? Не иначе Моисей-пророк. Всех фараонов вокруг пальца обвел... Неужто чекистам попадетсЯ?

С разрешения Игоря Моисеевича Чапковского (наследника: текст, рисунки) печатаем отрывки из Повести о пережитом Е.А. Керсновской "Сколько стоит человек" (в 12 тетрадях и 6 томах, ООО "Можайск-Терра" 2001); 7-8-я тетради тесно связаны с именем доктора Мардна.

Отправился Моисей-пророк. Проходит неделя, вторая... Вот и третья на исходе.

- Ну, - думают, - амба! Засыпался и Моисей!

Вдруг телеграмма: “Жив-здоров. Комиссар Петров”.

Не знаю, когда и на какой горе получены были новые заповеди. Сомневаюсь, что и на этот раз их выгравировали на камне. Но текст этих заповедей известен. Больше того, соблюдают их куда охотнее, чем те, старые, что были на каменных скрижалях.

Вот они:

I. Не думай.

II. А если думаешь - не говори.

III. А если говоришь - не пиши.

IV. А если пишешь - не подписывайся... И благо ти будет, и долголетен будешь на земли, в СССР...

Всего четыре заповеди! И все же, если из тех десяти заповедей я выполняла почти все, то из этих четырех заповедей “второго издания” я не выполнила ни одной. Никогда. Нигде.

<...>

В больнице (норильской, лагерной - Л.Г.) ко мне отнеслись вполне дружелюбно. Я так отвыкла от человеческого отношения, что от благодарности просто ошалела. Действительно, было чему удивляться. Я ведь отлично знала, что не обладаю даже в самой микроскопической дозе тем, что принято называть “обаянием” - качеством, которое располагает к себе с первого взгляда. Так в чем же дело? Отчего все так добры ко мне?!

Кажется, я нашла этому объяснение. В те времена, когда не было сульфамидных препаратов, пенициллина и тем более антибиотиков и единственная надежда возлагалась лишь на такие антисептические средства, как ривенал, метиленовая синька и уротропин (ну и на счастье, разумеется!), от общего заражения крови умирали все, а я - выжила.

Говорят, человеку свойственно любить не того, кто ему сделал добро, а того, кому он сам сделал добро. Звучит несколько цинично, но, мне кажется, не лишено правдоподобия. Если это учесть, то многое становится понятным.

Заведующего терапевтическим отделением доктора Мардну,* знающего и любящего свою профессию врача,

* Какое представление о судьбе человека дает такой документ эпохи, как эта справка, датированная июнем 1958 года?

“...Капитан медслужбы Мардна Леонгард Бернгардович уволен из кадров Советской Армии с 11 августа 1954 года по выслуге установленного срока действительной службы. Проходил службу в Советской Армии с сентября 1940 года по 14 марта 1947 года и с февраля 1949 года по 11 августа 1954 года”.

постоянно приглашали в качестве консультанта в другие отделения. Вызывали его и ко мне, как высококвалифицированного специалиста, ведь септические состояния очень часто осложняются эндокардитом, обычно “бородавчатым”.* А у меня обошлось без этого грозного осложнения, и доктор Мардна имел право до какой-то степени поставить это в заслугу себе, ведь лечение назначил мне он...

Кроме того, ему нравилось посидеть в нашей палате, где он мог отвести душу в откровенной беседе (разумеется, на немецком языке) со старшей сестрой хирургического отделения Маргаритой Эмилиевной - умной, начитанной, вполне интеллигентной женщиной.

Она также отнеслась ко мне очень хорошо и немало постаралась, выхаживая меня. Взять хотя бы те внутривенные вливания, которые окрашивали меня во все цвета радуги.

Я знаю, что она замолвила за меня словечко в разговоре со своим шефом, заведующим хирургическим отделением. Кузнецову, скорей честолюбивому, нежели чело-веколюбивому врачу, хотелось доказать успех своей пер-вой на спинном мозге операции, и мои старания выхо-дить его пациентку Полю Симакову, мою соседку по “су-масшедшей” палате, оказались ему на руку. Выяснилось также, что я немного рисую и разбираюсь в медицине. А ему очень требовался “медхудожник”. Наверное, благода-ря всему этому он в отношении меня был благожелатель-но настроен.

Билзенс. Кузнецов ему не доверял и всячески оттеснял его на задний план. А тут ему, молодому врачу и начина-

---

Если эти даты, странно совпадающие с другими жизненно важными со-бытиями, сложить, получится без малого тринадцать лет.

Иначе эти тринадцать лет оставались никак не оприходованными, ина-че их нельзя было внести в официальные формуляры. И справка для опре-деления мизерной пенсии со страшным правдоподобием “удостоверила” не “личность”, а факт фальсификации истории.

Все эти годы доктор Мардна с профессиональным, для него естествен-ным, как сама жизнь, бесстрашием проживал совсем другую историю. Ис-торию сталинских лагерей. Она зафиксирована в истории болезней его па-циентов, находившихся, как и он, за колючей проволокой...

Доктор Леонхард Мардна при освобождении смог каким-то образом вынести из Норильской лагерной больницы плохо сшитые, грубые желтые листы, испещренные почерком Евфросинии Керсновской. Теперь они хра-нятся в Таллинском музее здравоохранения, куда передал их доктор Пеэ-тер Мардна (сын). Будем надеяться, что со временем эти необычные “по-казания” прокомментируют специалисты. Сам же норильский спаситель дал им очень точное определение: “Эти болезни порождает сама эта тер-ритория”. Так по-французски (только для избранных) начертано на “облож-ке” одной из самодельных тетрадок. - Прим. ред.

* воспаление внутренней оболочки сердца (эндокарда) в области сер-дечных клапанов доходило до этой тяжелой стадии при отсутствии антиби-отиков.

юшему хирургу, удалось сохранить жизнь в таком тяжелом случае! И он так удачно дренировал коленный сустав, что полностью сохранил его подвижность!

Еще двое врачей проявили ко мне симпатию: инфекционист Попов и прозектор Никишин.

Ну, Никишин - это чудак и добряк. Он делился всем, что у него было, а точнее, отдавал все, что у него еще не отобрали, - мания, свойственная обычно только святым. Он мне дал первый и, пожалуй, единственный за все годы неволи подарок - коробку акварельных красок и цветные карандаши. Этот очень ценный для меня подарок сделан был, очевидно, от чистого сердца, так как прошел со мною через все годы неволи, через все шмоны, этапы и уцелел.

Попов, в ту пору болевший желтухой, лежал в терапии на втором этаже и говорил обо мне в весьма похвальном тоне с начальником нашей больницы (говорили именно "начальник", а не "начальница") Верой Ивановной Грязневой.

Все обстоятельства сложились в мою пользу.

Так или иначе, но меня, к великому моему удивлению и еще большей радости, после выздоровления не отправили назад в девятое лаготделение, а оставили на работе в центральной больнице лагеря - ЦБЛ. Я недоумевала... С моей стороны не делалось ни малейшей попытки, даже намек на попытку бросить якорь в этой гавани, прежде чем мой утлый челнок будет окончательно превращен в щепы.

И все же не сидел ли за рулем моего жизненного челна все тот же мамин ангел-хранитель?!

Может быть, я была неразумна и за эти два с половиной года моей медицинской деятельности наделала очень много ошибок. Наверняка я, "молясь, расшибала лоб", притом отнюдь не только себе, но и моим сослуживцам, а еще чаще - начальникам. Но за одно поручусь: я осталась беззаветно предана своей работе, бескорыстна и не щадила себя, стремясь помочь тем несчастным, которым могла помочь, и все это - *sans peur et sans reproche**. Бог мне свидетель. Он мне и судья.

***

Бескрайняя, жестокая пустыня... Олицетворение безнадёжности. Лишь изредка встретишь колючий саксаул, и на большом расстоянии друг от друга попадаются колодцы с мутной, протухшей, солоновато-горькой водой. От этих колодцев зависит жизнь и судьба каравана, ведь ко-

---

*"без страха и упрека" - лозунг рыцаря Баярда (фр.)

лодец может обвалиться, иссякнуть. Наконец, его можно не найти... В этой пустыне смерть - постоянный спутник. Жестокий, беспощадный.

Я долго брела по этой вотчине смерти. Солнце безжалостно иссушало мою кровь, раскаленные камни жгли ноги, саксаул вонзал в них свои колючки... Я научилась ценить глоток горькой воды и привыкла к мысли о том, что от шакала в пустыне не жди пощады. И вдруг - группа пальм, и в их тени - родник. Оазис! Островок Жизни, окруженный владениями Смерти!

Да, именно таким оазисом и была центральная больница лагеря.

Я сумела оценить этот оазис и по сегодняшний день благодарна тому роднику, который дал ему жизнь, - сердцу Веры Ивановны Грязневой.

Она, начальник лагпункта ЦБЛ и самой центральной больницы, назначила меня медсестрой в хирургическое отделение...

В дантовом аду - девять кругов. В системе лагерей НКВД Советского Союза их было куда больше. Оттого ли, что чертей больше? Или грешников? Или под словом "грех" подразумевалось нечто совсем иное? Или современный Князь Тьмы был более ненасытен?

Знаю только одно: три из них находились в ЦБЛ.

Самый нижний круг - инфекционное отделение. Диагноз большинства поступающих в это отделение гласил: "Дизентерия при сопутствующей АД II или АД III", то есть при алиментарной дистрофии* второй или третьей степени.

Казалось, эти страшные с виду доходяги, поступавшие в И.О., или, как его называли, Филиал, попадают в какой-то фильтр, сквозь который капля по капле уходит их жизнь... И когда со слабым всплеском упадет последняя капля, то оставшуюся от человека оболочку - скелет, обтянутый сухой шелушащейся кожей серого цвета, - унесут в морг.

Понятно, легче и безопаснее всего сказать "дизентерия"!

Заведующий отделением доктор Миллер, з/к, в прошлом полковник медицинской службы, осужденный по статье 58-10 и приговоренный к расстрелу, который заменили "катушкой", то есть десятью годами, ничего, кроме дизентерии, найти не смел. Мог ли он, немец, сказать:

- Человек умирает оттого, что мышечный слой и слизистая оболочка его желудочно-кишечного тракта полностью атрофированы, а хлеб из протухшей муки с пле-

---

* Алиментарная дистрофия (от лат. *alimentarius* - пищевой) - болезнь, вызванная голодом.

сенью, соломой и озадками травмирует слизистую кишечника, что и является причиной гемоколита, который мы и выдаем за дизентерию. Ослабленный организм легко становится жертвой туберкулеза. Все это протекает на фоне авитаминоза и осложняется чесоткой, фурункулезом и пиодермией.

Миллер - знающий, эрудированный врач, но из соображений самосохранения он предпочитал быть черствым и бесчувственным по отношению к тем, кого спасти не мог.

Неприятно было присутствовать при том, как он вел осмотр вновь поступающих больных. Совершенно голые, они стояли перед ним навывтяжку, и он ими командовал, как солдатами на плацу.

Совершенно иная атмосфера царила в терапии. На всем лежала печать привилегированного отделения: лучшее белье, лучшая мебель, лучшие кровати предназначались для второго этажа, а заведующий отделением доктор Мардна - благообразный, с седеющей бородой, в белоснежном халате, с неизменным фонендоскопом на поясе - производил впечатление настоящего профессора.

Чувствовалось, он считает своим долгом вернуть здоровье тем, кто попал в его отделение.

Не было не только необходимых медикаментов и полноценного питания, но даже возможности довести лечение до конца, так как 74 койки этого отделения были постоянно заняты, и сколько еще тяжелобольных ждали очереди, чтобы попасть в больницу!

Немногое находилось в его власти, но можно было с уверенностью сказать: "все, что в его силах, будет сделано, и притом хорошо".

Начать с того, что доктор Мардна осматривал поступавшего больного со всем вниманием, ласково и терпеливо, что сразу внушало больному уверенность. А как много это значит для человека беспомощного, несчастного и потерявшего надежду! <...>

***

В заключении на каждом шагу натыкаешься на чье-либо страдание; в больнице его особенно много. И мне казалось, что наконец я нашла то, что мне так необходимо. Я могла все силы, все свое время, всю волю направить на то, чтобы помогать страдающим, приносить облегчение. Беззаветно. Бескорыстно. И подчас - неразумно. У меня всегда была склонность к расшибанию собственного лба, как только я начинала молиться...

Умирал старый татарин из Крыма. Впрочем, может, он и не был старым, но все умирающие от сепсиса произво-

дят впечатление глубоких стариков. У него был субпекторальный абсцесс*. Лежал он всегда неподвижно и молчал. Я часто подходила к нему, чтобы смазать ему язык и губы смесью глицерина, спирта и воды и удалить липкий налет с зубов. Он был в сознании, но ни на что не реагировал. Поэтому я удивилась, когда однажды вечером, в то время как я мерила ему температуру, он зашевелился, сел и позвал:

- Сестра!

Я подошла, оправила подушку и села у него в ногах.

- Сестра! Я буду умирать. Сегодня. Я тебя прошу: напиши моя жена! Напиши: "Твой мужик всегда думал о тебе. И дети. Два малчик - Али и Шапур. И один дэвичка. Патимат. И умирал - все думал. И когда жил - только она, одна. И дети..." Напиши - и Аллах тебе спасибо скажет! Жена у меня очень хороший, а дети совсем маленький...

Я записала адрес и обещала написать.

Наутро его койка была пуста.

Я написала то, о чем он меня просил.

Ну и влетело мне за это письмо! Как я могла допустить такую мысль, что из заключения можно писать прощальные письма?! Если еще хоть один раз посмею писать о чьей-либо смерти, то меня отправят в штрафной лагерь копать гравий.

Н-да! Еще скажет ли Аллах спасибо - неизвестно, а я получила еще один урок бесчеловечности: люди должны исчезать без следа. Сообщать о них ничего нельзя. И расспрашивать об исчезнувших нельзя. <...>

***

Вера Ивановна перевела меня в терапевтическое отделение, и я смогла работать с таким замечательным врачом и высококультурным человеком, как доктор Мардна.

В хирургическом отделении я работала, продвигаясь на ощупь в темноте, в терапевтическом горел яркий свет - свет науки. Между светом и учением всегда можно поставить знак равенства. В терапевтическом отделении я училась.

***

Людовик XIV мог говорить: "Государство - это я!" Доктор Мардна не говорил: "Терапевтическое отделение - это я!" - но тон отделению задавал он.

Гиппократ, отец медицины, знал, что к чему, когда говорил, что у врача три вида оружия в борьбе с недугом:

---

* воспаление под грудными мышцами.

слово, лекарство и нож. Причем на первое место выдвигал слово.

Справедливо и изречение: “Если после разговора с врачом больной уже чувствует облегчение, значит, врач хорош!”

От слова, от обращения врача, от умения внушить доверие и вселять надежду в больного зависит если не все, то очень многое. А умение обращаться с больными, даже самыми антипатичными, порой отталкивающими, у Мардны было!

Было и другое. Он знал свое дело и, что встречается куда реже, любил его.

Недаром он говорил:

- Не будь я врачом, я хотел бы быть... именно врачом и никем иным!

Третья отличительная черта доктора Мардны - потребность делиться опытом, учить своих младших сотрудников.

Тут мне действительно повезло.

Я всегда терпеть не могла механически выполнять свою работу, повторяя без изменения одно и то же изо дня в день.

Мне всегда хотелось понять суть того, что я делаю, чтобы с каждым разом делать это лучше, чем вчера.

Кроме меня средний медперсонал был представлен тремя фельдшерами. Это были Монея, Али и Александр Петрович. С Монеей мы как-то сразу нашли общий язык, так как поклонялись одному кумиру - доктору Мардне.

Монея, вернее - Соломон Маркович Трегубов, еврей из Харбина, окончил русско-японскую гимназию и успел добраться до третьего курса медицинского института.

Он ненавидел японцев и всей душой рвался в Советский Союз, будучи экзальтированным юным коммунистом и неплохим поэтом к тому же.

При первой возможности он осуществил свою мечту - перешел границу в полной уверенности, что его встретят с распростертыми объятиями.

“Объятия” его встретили. Если не жаркие, то крепкие: судили его по статье 58-6 за шпионаж, дали десять лет и отправили в Норильк.

Все мы, четверо, охотно слушали интересные и наглядные лекции доктора Мардны, но самыми рьяными его “студентами” были мы с Монеей. Мы смотрели ему буквально в рот, боясь пропустить хотя бы одно слово, молились на него, как на Бога, и считали величайшим счастьем, если доктор разрешал нам самим принять - выслушать, поставить диагноз и заполнить историю болезни.

Уж как мы старались не оконфузиться перед нашим кумиром - любимым учителем! До чего же дотошен был наш осмотр! Сам Лаэннек* не мог бы придрататься к последовательности приемов осмотра: анамнез, осмотр, постукивание и выслушивание.

С каким увлечением мы спорили о характере хрипов: мелкопузырчатые или среднепузырчатые? Какое прослушивается дыхание - ослабленное или только укороченное? И можно ли перкуSSIONный звук назвать *Sehenkelton*?

К большому нашему огорчению, доктор отнюдь не всегда соглашался с диагнозом нашего консилиума и, стараясь щадить наше "докторское" самолюбие, так деликатно указывал на допущенные ошибки, что мы только удивлялись, как это мы сами не догадались.

***

От часа до пяти врачи отдыхали в своей секции. Мардна распорядился раз и навсегда, чтобы в случае поступления тяжелого больного его немедленно вызывали.

Но стоит ли его вызывать в 4.30, если в пять он и сам придет? Так рассуждала я, когда приняла тяжелого больного, которого доктор Бачулис из девятого лаготделения направлял к нам с диагнозом "крупозная пневмония". Что в таком случае полагается, я знала сама: устроила его в полусидячем положении, сделала ему укол подогретого камфорного масла с кофеином, положила к ногам грелку, принесла подушку кислорода и поручила одному выздоравливающему давать ему кислород, а сама пошла выписывать рецепт на сульфидин - по схеме Ивенс-Гайсфорда.

Одного лишь я не учла - того, что старший санитар Петя Урбетис - потрясающий дурак...

Пневмоники лежали в палате № 10, и Мардна приходил их туда осматривать. Но этого больного, очень тяжелого, пришлось положить в палату к более легким больным, страдающим плевритом, которые сами могли ходить на осмотр к доктору в кабинет.

Так вот, этот санитар Петя-Урбетя (в прошлом - литовский летчик, а в настоящем - феноменальный дурак, подхалим и наушник, любимчик старшей сестры Ошлей) сгреб его и поволок в физкабинет, куда к тому времени уже сошлись врачи.

Через несколько минут прибежал Петя-Урбетя:

- Антоновна, доктор вас зовет!

"Ну, - думаю, - задаст он мне за то, что недоглядела: ведь такого тяжелого больного с места трогать нельзя..."

---

* всемирно известный французский врач, изобретатель стетоскопа.

Не очень смело вошла в физкабинет, ожидая нахлобучки. Передо мной предстала следующая картина. Под соллюксом* на топчане сидел больной; все врачи в сборе. Венеролог Туминас сидел за письменным столом, Кузнецов, Билзенс и Дзенитис стояли группой.

Мардна ходил по кабинету и, судя по тому, как он комкал бороду, сердился.

- С чем поступил этот больной? - грозно спросил он.

- С крупозной пневмонией. Я уже...

- Пневмония... Какого легкого?

- Я... Я не проверяла... Кажется - левосторонняя...

- Какая доля?

- Я же говорю, что не проверяла!..

- Выслушайте и скажите! - и с этими словами он протянул мне свой фонендоскоп.

Одно дело - "консилиум" с Монеи Трегубовым, другое дело - экзамен на глазах всех наших врачей!

Тут какая-то каверза! Надо - не спеша, смотреть в оба!

Грудная клетка симметрична; межреберья не сглажены. Значит, выпота** быть не должно.

На всякий случай, перкутирую, особенно "треугольник Раухфуса", где находится граница скопления выпота в легком. Нет, не то...

Перкутирую всю грудную клетку, стараясь выстучать область притупления - там, где легкое уплотнено воспалительным процессом и потеряло воздушность. Нет! И опеченения*** нет.

Заставляю говорить "тридцать три", чтобы определить бронхофонию.**** Дыхание прослушивается всюду, сквозь целый оркестр сливающихся хрипов всех калибров. Но что это?

"Хруп-хруп", "хруп-хруп"...

Трение плевры? Ерунда! Быть не может! Трение прослушивается при плеврите, когда экссудат уже рассасывается, то есть дело идет на поправку, а тут - тяжелейшее состояние! Губы, ногти - синюшны... При плеврите так бывает, когда выпот - "до зубов" (вернее, до второго межреберья). А в данном случае выпота нет: межреберья не сглажены, дыхание прослушивается... В чем же дело?

---

* прибор, представляющий собой сильную электролампу с рефлектором.

** выпот, экссудат (от лат. exsudo - выпотеваю) - жидкость, пропотевающая из мелких кровеносных сосудов при воспалении.

*** стадия крупозной пневмонии, которая характеризуется клинически и патолого-анатомическими изменениями в легких.

**** проведение голоса на грудную клетку, оцениваемое по его слышимости при выслушивании путем прикладывания уха к телу или с помощью стетоскопа.

Внезапная догадка: щупаю пульс... “Хруп-хруп”, “хруп-хруп”...

Это “хруп-хруп” - синхронно с ударами сердца. Выпрямляюсь, вынимаю фонендоскоп из ушей и развожу руками.

- Доктор! Я не нахожу крупозной пневмонии...

- Что же вы находите?

- Я... нахожу... перикардит*!

По тому, как доктор разглаживает бороду, вижу, что он доволен.

- Благодарю вас! Вы свободны. Можете идти.

Выходя из дверей, слышу:

- У меня средние медработники умеют поставить диагноз, а Бачулис... Врач, а не знает, что такое крупозная пневмония!

Иду по коридору и ног под собой не чую от гордости! Крупозную пневмонию легко распознать, но перикардит?! Редкостное заболевание! Я его встречаю впервые, симптомы знаю лишь из описания, со слов Мардны. И хруст не сбил с панталыку, не лягнула - “плеврит”.

А главное, там присутствовал Кузнецов.

Знай наших! Ты хоть и знаменитый хирург, но абсолютно никудышный диагност.

<...>

***

Вера Ивановна предложила доктору Мардне выступить с докладом по поводу этого уникального случая. Историю болезни - толстую, как Библия, - обработали (я составляла диаграммы), и доклад получился интересным, хоть казался неправдоподобным.

В заключение доктор Мардна сказал:

- Мы делали все, что в наших силах. Больной выздоровел, он в удовлетворительном состоянии - на что, по правде говоря, не оставалось надежды. Но я не могу всю заслугу приписать себе или медицине вообще: огромную помощь оказал нам сам больной, своим безграничным оптимизмом и всепобеждающей волей к жизни. Должно быть, этот фактор и являлся решающим.

Я думаю, что настоящий врач не должен только лечить, пусть даже и очень хорошо, он должен толкать науку вперед, то есть обобщать, систематизировать свой опыт и делать выводы.

Собственно говоря, я - земледелец (в начале жизненного пути) и шахтер (в конце трудовой карьеры). Медицина лежит где-то посредине и занимает неполных три

---

* воспаление перикарда - околосердечной сумки.

года. Этого куда как мало, чтобы считать себя специалистом. На это нет у меня ни права, ни нахальства. И все же я высказываю свой взгляд.

За тот период времени, что я работала у Мардны, я помню две интересные темы.

Первая - узкопрактическая: лечение абсцесса легкого сальварсановым препаратом мафорсеном. Рак легкого встречается часто, и когда дело доходит до стадии распада, то течение его быстрое и исход - всегда смерть. Абсцесс легкого - заболевание вообще очень редкое, но в условиях Норильска наблюдается часто. Течение болезни - затяжное и очень мучительное. Причем не только для самого больного, но и для окружающих: трудно себе представить что-либо более зловонное, чем выделения из абсцесса в легком! Тянется это долго - год и больше, а кончается также смертью. Применение мафорсена творило чудеса! Другие сальварсановые препараты - новарсенол, миарсенол - вызывали лишь кровохарканье.

Вторая тема - гипогликемия*. Работа была проделана кропотливая, материал собран обширный, а выводы - весьма поучительные. Когда доктор Мардна закончил свой труд (а я его переписала печатными буквами, снабдила диаграммами, статистическими таблицами и иллюстрациями) и преподнес его Вере Ивановне, она его... уничтожила. Слишком очевидно становилось, что людей в лагере калечат!

<...>

***

Некоторые больные умирают до того обессиленные, что они ничего уже не сознают. К другим смерть подкрадывается исподтишка и расправляется вроде бы неожиданно. Большинство же умирающих надеются, цепляются за жизнь и ждут от нас помощи.

Эстонец Сегре запомнился мне именно тем, что он хотел умереть и, хотя очень страдал, просил меня не мешать ему умереть. У него был абсцесс легкого, и в очаге распада был поврежден крупный сосуд, что приводило к повторным кровохарканьям. Рано или поздно, во время одного из таких кровохарканий он бы все равно умер, но...

Я не могу согласиться с врачебной этикой, затягивающей агонию в безусловно безнадежных случаях, однако, я каждый раз останавливала это кровотечение. Соль, лед, хлористый кальций... И - опять отсрочка! Он еще не успел истощиться. В нем еще была сила, и он был молод.

---

* пониженное содержание сахара в крови

И все же во время очередного кровохарканья он отказался от этой отсрочки: отстранил меня рукой и, захлебываясь кровью, сказал:

- Спасибо, сестра! Но не мешай мне умереть... Мне тяжело, но пусть это скорее кончится... Не спасай... Не надо.

В глазах была и мука, и мольба.

Я не стала мешать Смерти делать свое дело... И кажется, я была права.

***

Ни имени, ни фамилии его я не запомнила - еще совсем ребенок, ученик седьмого класса литовской гимназии. После мне сказали, что его осудили на десять лет за то, что он как-то крикнул:

- Да здравствует свободная Литва!

Ничего нет удивительного в том, что, очутившись в Норильске, он пришел в ужас и попытался бежать. Ведь "бежать" - это острая форма ностальгии. Через это проходят все, кто не получил предварительной закалки. Еще меньше приходится удивляться тому, что его поймали: ведь кругом болота, вода... Лишь одна стежка петляет меж озер - от Ергалаха на юг. Вдоль этой стежки - заставы. В заставах - собаки: и четвероногие, и двуногие, те и другие - одинаково беспощадные. Обычно беглецов просто убивают, а трупы выставляют напоказ в лаготделении. Но этому не повезло: когда его привели до Ергалаха, не оказалось грузовика. Не тащить же труп на себе?! Так что его доставили в Норильск. Он был в ужасном состоянии. Если бы его сразу привезли к нам, его можно было спасти. Но его бросили в тюрьму, предварительно избив, а когда все же доставили в больницу, то было поздно: он уже перешагнул черту, через которую пути назад нет...

Должно быть, мальчик был из хорошей семьи: сразу видно, что воспитание он получил.

Я и сейчас его помню. Он высох совсем, но его еще детская кожа стала не "пергаментной", а какой-то прозрачной, как тончайшая пластинка перламутра. И глаза. Огромные, черные, с длинными ресницами. Все лицо - одни глаза! Он не мог ни есть, ни пить. Пробовали вводить подкожно рингеровский* раствор. Он не рассасывался. Крови первой группы не было. Вводили глюкозу, и уже не помню, что еще. Доктор Мардна бился с ним, как мог, но надежды не было. Самое удивительное, что за все, будь то укол, грелка или просто ему подушку поправишь, он пытался улыбнуться и чуть слышно шептал:

---

* сбалансированный солевой раствор, близкий по составу к морской воде; один из физиологических растворов. Предложен (1882) английским физиологом С. Рингером.

- Мерси...

В последний раз он мне сказал “мерси” и умер.

На вскрытии желудок у бедного мальчика был словно из кружева: он сам себя переварил!

***

“Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать” - мудрая пословица, что можно сказать обо всех китайских изречениях до эпохи “великого Мао”, когда китайцы стали изрекать ошеломляющую абракадабру.

Даже если бы мне сто раз подряд сказали, что у абсолютно здорового парня двадцати четырех лет от роду сердечная мышца может полностью атрофироваться, я бы не поверила. Но я это видела!

При мне поступил этот молодой каторжник, я даже фамилию его запомнила: Кондратьев. Когда доктор пытался сохранить эту молодую жизнь, я вспомнила мою безуспешную попытку принести в Святой Четверг зажженную свечу от церкви домой. Но та церковь была в соседнем селе, а ночь - ветреная. А для того чтобы погасла эта молодая жизнь, даже ветерка не понадобилось!

Без причины и чирей не вскочит, и, чтобы разобраться, в чем тут дело, я добилась разрешения пойти с доктором Мардной в морг на вскрытие. Я не так часто сопровождала его в морг, как мне бы этого хотелось, ведь каждый раз требовалось разрешение выйти за зону, и я обрадовалась, что этого разрешения добилась. Я очень интересовалась анатомией вообще, а патологической в частности. То, что я увидела, было поучительно: молодой, абсолютно здоровый парень умер оттого, что у него не осталось сердца...

Казалось бы, это неправдоподобно! Природа всегда распоряжается мудро, и ею предусмотрено, что сердце, этот маленький, но такой важный орган, снабжается “по первому литеру”.

В чем же дело?!

А дело в том, что природа... не предусмотрела лагерную систему.

Голодающий организм пытается сохранить то немногое, что у него есть; он пытается сохранить жизнь, приближаясь в какой-то мере к анабиозу*. Но заключенный, для того чтобы получить свой кусок хлеба, должен работать, как бы истощен он ни был! А для этого он должен есть.

В этом заколдованном круге можно долго биться.

---

* временное состояние животного или растения, при котором почти полностью прекращается обмен веществ, как приспособление к неблагоприятным условиям существования.

Обычно у голодного от непосильного труда развивается тяжелая форма миокардиодистрофии - слабости сердечной мышцы, и тогда любая, даже пустячная, болезнь приводит к смерти. Ну а этот Кондратьев работал через силу до конца. В больницу он попал уже тогда, когда спасти его было невозможно. На вскрытии выяснилось: снаружи эпикард как бы образовал "торбу", в которую входили и из которой выходили крупные сосуды, внутри находились клапаны, перегородки. "Торба" оплетена коронарными сосудами, но самой сердечной мышцы не было!

Когда я взяла в руки эту маленькую, состоящую из какой-то слизистой субстанции "торбочку" величиной с крупную сливу и поставила ее на большой палец левой руки, сердце вывернулось как чулок...

"Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать..."

Нет! Такого - лучше никогда не видеть!

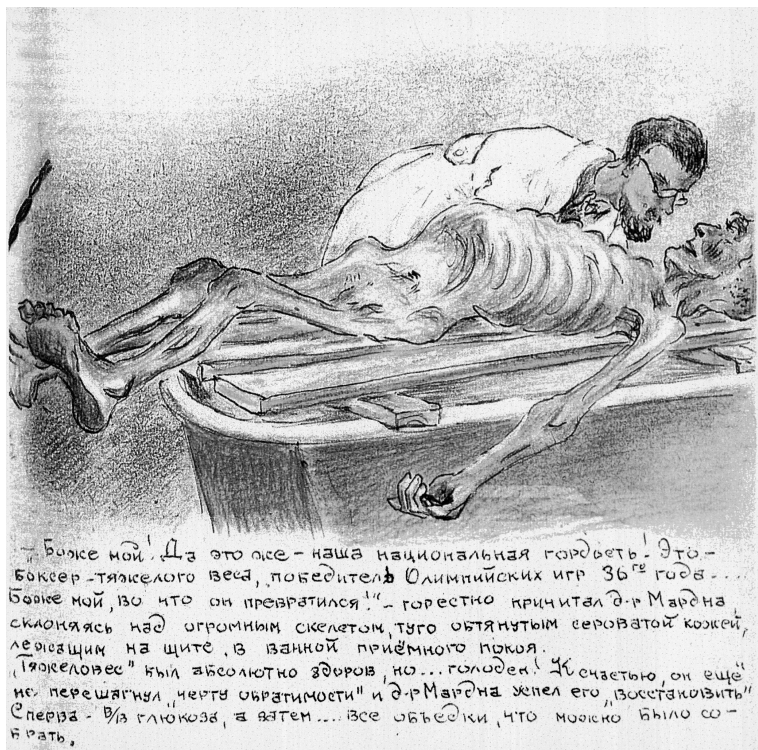
***

Все наши эстонцы пришли в волнение. "Наши эстонцы" - это Мардна, Реймасте (фтизиатр), Гейнц (невропатолог), два санитары - Август и Паадер, Янупере (с аптекобазы) и еще медстатист - фамилию его я не помню (в прошлом ученый и поэт). В чем дело? Отчего такая суматоха в "Эстонии"?

В приемном покое на носилках лежит борец-тяжеловес, занимавший первое место среди борцов своей категории на Олимпиаде в Берлине в 1936 году. О нет, он не болен! Он - здоров, совершенно здоров, но... он умирает. Я тоже побежала в приемный покой. Там я увидела доктора Мардну, склонившегося над грудой костей...

Длинные ноги с огромными ступнями доходили до дверей. Мардна задавал вопросы, и "кости" ему отвечали. Я не думала, что эти "кости" когда-нибудь вновь превратятся в человека. Мне и сейчас кажется чудом, что этот бывший чемпион все же выкарабкался! Тут мало знать, чем помочь, а надо иметь то, что нужно: медикаменты и питание. К счастью, организм не утратил способности усваивать. Сначала - глюкозу, кровь, физиологический раствор, а позже - еду.

Мардна старался раздобыть для своего протеже всевозможные объедки, и вскоре дело пошло на поправку. По выздоровлении его оставили истопником при больничной котельной, и по совместительству он снабжал кухню углем. Повара его подкармливали. Безусловно, не теми бифштексами, что необходимы борцу, а кашей, но в таком количестве, которого ему хватало, чтобы шутя подымать ящик с углем, какой и четверым не поднять! За дос-

Это был Кристьян Палусалу, завоевавший золотую медаль в греко-римской и вольной борьбе в тяжелом весе на Олимпийских играх в Берлине. В 1941 мобилизован в Красную Армию. Сбежал в Финляндию. После войны — сталинские лагеря. Пощастливилось вернуться на родину. — Ред.

тавку на кухню каждого такого ящика повара отваливали ему полуведерную кастрюлю пшенной каши с маслом.

Отныне кухня снабжалась углем бесперебойно!

...Года через два его забрали в качестве тренера в образовавшийся к тому времени спортзал - тренировать волевых спортсменов. Тренер в сравнении с кочегаром - это повышение, но через полгода он едва ноги таскал и умолял взять его обратно в котельную.

Что поделаешь, этакому силачу нужно питание. Хотя бы те полведра каши, что ему давали! Его организм не мог ограничиваться лагерной пайкой. А тренер получал "талон + 1", то есть 840 граммов хлеба, два раза в день по пол-литра баланды и одну-две ложки каши без жира или сто граммов трески.

В этом причина очень высокой смертности среди западников, особенно эстонцев. Они привыкли к пище, богатой белком, к мясу и молоку. Для них лагерный паек - это смерть.

<...>

***

- Евфросиния Антоновна, вы пойдете работать в морг.

- В морг? Еще чего! Нет! В морг я не пойду!

В морге мне делать нечего. Собственно говоря, между теми, кто еще не попал в морг, и теми, кто уже переселился туда из ЦБЛ, большой разницы нет, но больным - тем, кто страдает, - можно помочь, можно смягчить их страдания, можно тешить себя мыслью, что благодаря мне, моим стараниям, им хоть немного становится лучше. Это как-то оправдывает то, что я живу, хоть в жизни лично для меня нет никакой надежды. Работая в больнице, я чувствую, что кому-то нужна. А покойникам, им-то чем могу я помочь?

Опять я за бортом. И опять Вера Ивановна бросает мне спасательный круг! Нет, спасательного круга я, пожалуй, и не взяла бы - слишком глубоко было мое отчаяние и сознание безнадежности дальнейшей борьбы. Правильнее сказать, Вера Ивановна зацепила меня гарпуном, а тащить из воды поручила доктору Мардне.

- Фросинька! Ну будьте же благоразумны! Это нужно всем. Вы работали во всех отделениях, за эти два с лишним года приобрели большой опыт. Вы же не только отработывали свою смену, а с интересом присматривались, учились.

- Да! Меня действительно "учили", только наука впрок не пошла. Никогда не научусь я приспособливаться и прислуживаться! Здесь, да и вообще везде, я не ко двору!

- Да выслушайте же меня до конца! Вера Ивановна давно видит, что Павлу Евдокимовичу нужен хороший помощник: надо разгрузить старичка! Это добрый человек. У него вы сможете многому научиться. Он хороший педагог, но самому ему работать трудно.

- Разве здесь кому-нибудь нужна работа? Я подразумеваю: добросовестная работа? Одним нужна туфта, очко-втирательство, другим - заработок слева. А всем - лишь своя шкура!

- Вы не правы, Фросинька! Например, я не могу требовать от Павла Евдокимовича. А от вас смогу. Врачу очень важно хорошо произведенное вскрытие. Вы знаете, в Париже*, в Сорбонне, есть морг, и на его фасаде золотыми буквами чуть ли не в метр высотой выгравированы слова: "Nis locus est ubi Mors gaudet securrere Vitae". Вы только подумайте над этими словами: "Здесь Смерть радуется тому, что может быть полезной Жизни". Только в морге врач может проверить правильность своего диагноза или увидеть свою ошибку. А это поможет спасти столько жизней!

Смерть радуется тому, что может помочь Жизни... Эти слова убедили меня. Попробую еще раз! Подойду еще ближе к Смерти, войду в ее владения и попытаюсь заставить Костлявую Старуху помогать Жизни!

...Год, всего лишь год с небольшим моей работы в морге был очень насыщен событиями, поэтому этот год занимает довольно-таки большой отрезок моей биографии. Время исчисляется не единицами времени, а насыщенными событиями. Это и есть, по-моему, причина того, что в старости время бежит быстро: новых впечатлений нет, а старые проскальзывают почти незамеченные. По этой же причине вертикальное измерение предмета кажется короче его горизонтального измерения, пустая комната - меньше наполненной... Лишь сравнение дает представление о реальной величине.

Моя прозекторская карьера закончилась большим разочарованием и подвела меня ближе к могиле, чем когда бы то ни было (по крайней мере в те годы).

В чем заключались мои обязанности в морге, до конца я так и не поняла. Легче сказать, в чем состояла моя работа. Я слишком старалась, меня ослепляли те слова Мардны, которыми он меня уломал. Я поставила себе целью как можно нагляднее показать врачу те патологические изменения, которые произошли в организме больного. Врач должен был сравнить то, что он видит, с тем, что он предпо-

---

* В 1936 году Леонхард Бернхардович Мардна был направлен Эстонской Академией наук в Париж, где имел возможность перенимать опыт у лучших французских врачей.

лагал увидеть, то есть патолого-анатомическую* картину с эпикризом**. Это должно было помочь ему в аналогичном случае применить более эффективные методы лечения, в результате чего больного удалось бы спасти.

Все это правильно, но имеет ли это смысл?

Разберемся по существу. Хочет ли врач видеть свои ошибки? Скажем прямо - редко. Имеет ли врач возможность применить иное лечение? Почти никогда.

Имеют ли охоту все остальные сотрудники морга проявлять рвение или хотя бы затрачивать свое время на такую дотошную работу? Тут уже без всякого колебания можно ответить: нет!

Вот и получилось, что я устроила переполох в мирной, спокойной жизни работников морга! Я там нужна была - по французской поговорке - как собака в игре в кегли.

<...>

***

Теперь, когда жизнь целого поколения отделяет нас от окончания войны, все выглядит иначе.

Ловко орудуя ножницами и клеем, можно изменить до неузнаваемости любое литературное произведение.

Книгу истории, хотя страницы ее и написаны кровью, можно изменить еще основательнее. В распоряжении тех, кто ее редактирует, не только ножницы и клей. Тут и “воспоминания”, написанные по специальной программе, и “художественная литература”, выполняющая то же задание, но пользующаяся более богатыми средствами, так как ей нет надобности “подгонять под ответ”, когда есть более эффективный способ: воздействовать, минуя разум, непосредственно на чувства.

Тут и еще более впечатляющий метод воздействия - кино...

Кино - это огромная сила, заставляющая не умоглядно, а зрительно, почти осязаемо воспринимать то, что желательно выдать за реальность. Ведь то, что мы видим, пусть даже на экране, мы чувствуем: оно движется, говорит, живет и умирает. Трудно критически относиться к существованию того, что видишь! В этом - сила кино...

Разумеется, у человека есть ум. Ум - это память, логика и опыт, свой и чужой, приобретаемый ценой ошибок и оплаченный страданием. Не задумываясь, ставлю я на первое место память.

---

* отражающую изменения в строении органов и тканей, вызванные болезнью.

** запись в истории болезни, содержащая обоснование диагноза и проведенного лечения, а также медицинский прогноз и лечебно-профилактические рекомендации.

“Ничто не забыто, никто не забыт!” - слышу я очень часто. Эти гордые слова красуются на памятниках, они фигурируют в качестве эпитафий.

Увы! Все забыто, и все забыты...

Не в том беда, что переименовывают города, улицы, снимают памятники, убирают портреты, лозунги, переделывают уже изданные книги, вырезают и заменяют страницы энциклопедических словарей, замазывают и склеивают их листы. Взятый в отдельности, каждый из этих фактов смешон. Но когда все это, вместе взятое, направлено на то, чтобы у человека отнять память, заменить логику покорностью, скрыть или извратить уроки истории, - это ужасно и преступно.

Люди моего возраста помнят, как происходила эта фальсификация событий, судеб людей, фактов, но они молчат. Так спокойнее и безопаснее.

Еще несколько лет, и мы, последние очевидцы и революции, и нэпа, и коллективизации, и сталинского террора, - мы умрем, и некому будет сказать: “Нет! Было вовсе не так!”

Поэтому я и пытаюсь “сфотографировать” то, чему я была очевидцем.

Люди должны знать правду, чтобы повторение таких времен стало невозможным.

<...>

***

- Фрося! Ты знаешь новость? Доктор Мардна освобождается! - сказал Жуко Байтоков, вернувшись из ЦБЛ.
- Вот радость-то какая! Четыре года ему скостили! Может - домой!

- Неужели! Вот счастье! Как он, должно быть, рад!

Я обрадовалась... Я должна была радоваться: “Счастье друзей - наше счастье”. Но что такое, вообще-то, счастье?

Вечером, вернувшись в зону, я пошла в физкабинет. Я знала, что там обязательно найду Мардну.

Он был, как всегда, на своем посту. Рядом с ним Мира Александровна.

Я быстро вошла:

- Доктор, я так рада!..

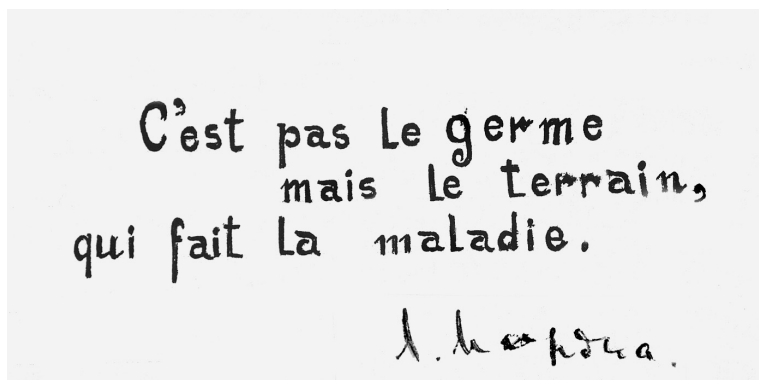
Я говорила “рада”, но, должно быть, от радости голос сорвался и глаза наполнились слезами. Я делала невероятные усилия, чтобы их сдержать, и вид у меня был растерянный...

Доктор Мардна быстро встал, обошел вокруг письменного стола, обнял меня одной рукой за плечо, другой - утер своим платком слезы и поцеловал меня в лоб. Пер-

вая, последняя... единственная ласка за все долгие годы, вплоть до того дня, когда меня поцеловала моя старушка. Но это было еще так бесконечно далеко!

Платок с вышитой монограммой “Л.Б.” он мне сунул в карман. Он и теперь у меня. Реликвия!

Это было 13 марта. Первого апреля 1947 года Мардна уехал к себе на родину, в Таллин. Вера Ивановна пыталась его удержать: лучше уехать, проработав немного на вольном положении, чем прямо из лагеря. Но он не послушался “голоса разума”, и как ему пришлось впоследствии каяться!*

Эти болезни порождает сама эта земля.
Л. Мардна

---

* Л.Б. Мардна, работавший военным врачом в Таллинне, в июне 1941 года был арестован и этапирован в Норильск. В 1947 году досрочно освобожден. В 1949 году выслан из Таллинна на поселение в Красноярский край. Работал заведующим здравмедпунктом в деревне Березовка, потом - терапевтом в районной больнице. В 1954 году вернулся из ссылки. В 1957 году реабилитирован.

**ЛЮДМИЛА
ГЛУШКОВСКАЯ**

**ЗА
ХИЛОЙ
КАЛИТОЧКОЙ...**

Год 1990-й.

С утра капал осенний холодный дождь. В электричке скамья напротив нас оказалась мокрой и грязной. “Ну, я буду первым”. Не курортного вида мужчина похозяйски серьезно обтер скамью широкой ладонью, как будто с этого начинался его не стерильный рабочий день, и сел. А уж после к нему присоединился суетливый в кепочке набекрень, вертевший в руках одну из бесчисленных кооперативных газеток. Вверх ногами замелькали заголовки: об интимной жизни президента Горбачева, о той, по которой сохли Хрущев и компания... Жалкая татуировка вырвавшегося на свободу времени. “Поймали! Поймали!” - возопил “читатель” и стал совать нам газетку, одновременно торопясь пересказать выходящим на очередной остановке сенсацию. Как американцы сбили “тарелку” и пленили инопланетян. И что у тех огромные “умные” головы и когти, и что они поцарапали доктора, который брал у них... кровь. И что в данный момент их держат на базе ВВС. Его страшно радовала возможность возбудить всеобщий интерес и привлечь к себе внимание публики. Сосед же его, державший на коленях большие, готовые к работе руки, поморщился с досадой: сколько чепухи для отвода глаз понатащут...

Чепуха, и действительно, застит свет, накрывает тебя с головою, как сетью, и начинает свербить мозг каким-нибудь сверхмодным сюжетцем. Строишь, мимо главного-то и пронесло без остановки...

“Следующая станция - Ессентуки”. И что значат все эти сенсации по сравнению с той встречей, которая ждет нас. Вернее, мы ее ждем. А встреча может и не состояться.

...Дозванивалась из Кисловодска в редакцию газеты “Кавказская здравница”: не подскажут ли этот адрес в

Ессентуках? “Вас туда монашки не пустят! - предупреждает мужским голосом трубка. - Я дважды пытался прорваться... Заслон...” Попробую, канючу я, ну, пожалуйста... Точного адреса некто не помнит, но называет ориентиры (за что я ему весьма и весьма благодарна) - киоск “Союзпечати”. Киоскерша все знает.

Связь такая, как вы поймете сейчас, меня не удивила. Вместе с журналами, распространяющимися через “Союзпечать”, в этом году и разошлось массовым тиражом новое, может быть, еще не “зафиксированное”, не “выловленное” массовым читательским слухом, имя.

Имя предстало нам в разночтении, как

“Житие Евфросинии Керсновской” в третьем-четвертом номерах “Огонька”

и от первого лица - повестью “Наскальная живопись” в трех номерах “Знамени” (март-апрель-май), где Евфросиния писалась собственноручно без “в”.

Эта, казалось бы, незначительная разница вместила в себя бездонную глубину - что в имени? - от недостижимости великомученицы до двужильной и незащитной “барышни-крестьянки” XX века.

Один ее дед (по матери), грек Каравасили, был кораблевладельцем. Купив земли в южной части Бессарабии, он отдавал бесплатно по 10 десятин тем, кто будет строиться, - так возник город... Дед по отцу - Антон Керсновский - родом из Волыни. Окончил кадетский корпус и 24 года провел в пограничных войсках в Туркестане. Это была своего рода ссылка за пощечину великому князю Михаилу, который позволил себе подшутить над ранним вдовством Керсновского. Инженер-топограф, автор карты афганской границы, дед участвовал и в строительстве моста через Волгу в Самаре, того самого, по которому в середине июня сорок первого повезут в товарном вагоне под замком и за железными решетками его внучку Евфросинию. Повезут-погонят в Сибирь из Бессарабии, где он на склоне лет приобрел поместье, продал свои земли на Волынщине и дав “вольную” своим крестьянам... А внучка попадет в такие “крепостные”, что будет рваться на волю сквозь топкие болота, ледяные сибирские реки, непроходимую тайгу...

Потомственная интеллигентка. Бессарабская “помещица”. Узница сталинских лагерей. Беглая каторжница. Бесправная ссыльная.

Она умирала от голода и холода, была приговорена к высшей мере. Смерть не раз склонялась над ней, но каждый раз жертва с такой неожиданной силой и жаждой выжить вскидывала голову, что огревала костлявую аж “затылком по зубам”!..

“Отдыхом” у нас считалась разгрузка муки в мешках по 70 кг. Труднее было поднимать по трапу стокилограммовые мешки с горохом или сахарным песком. Но самые ужасные были ящики со спиртом: длинные, как гробы, они были очень неудобные для погрузок, а главное - весили 114 кг! Чаще всего я имела дело с бочками соленой трески и достигла почти виртуозности в их штабелевке”.

Четверть века назад обо всем этом Ефросиния Антоновна написала книгу, исполнив слово, данное матери, и сама же проиллюстрировала свои злосчастные необыкновенные (по своей невыносимости) приключения. Свою долю картинок, исполненных на тетрадных страничках, воспроизвел на цветных вкладках “Огонек”, а очерк журналиста Владимира Вигилиянского открыл миру уникальное произведение. Правда, когда-то оно еще будет напечатано все целиком - от корки до корки, от картинки до картинки? Это только в отдаленных перспективных планах совместного советско-финского издательства “ИКПА”. Но надо радоваться, что книга вообще уцелела, не затерялась, не пропала без вести, не уничтожена, как бывало не только с людьми, но и с творениями их высочайшего духа и разума. Надо радоваться, что часть ее (небольшая) уже опубликована и прочитана. Поэтому местная киоскерша, продающая журналы в курортном городе Эссентуки, нисколько не удивляется, почему именно у нее спрашивают адрес Керсновской, и охотно объясняет: “Это совсем рядом, за углом. Сначала будут хорошие большие ворота и кирпичный двухэтажный дом, туда не стучите, а потом совсем плохая незаметная калиточка”...

Настолько незаметная, что мы с моим спутником ее проскочили. Поблуждали. Пспрашивали. Ткнулись в незапертую хилую калиточку и прошли по тропиночке мимо цветника с белыми астрами и виноградных лоз в глубину сада, к маленькой белой ухоженной хатке.

Поискала глазами инвалидную коляску: два года назад у Ефросинии Антоновны был инсульт, писали, что ходить она не могла... Под навесом вместе с разным домашним скарбом вместо коляски красовался велосипед (так и не спросили потом, чей же)... Постучались. Никто не отвечал и никто, кроме кота в оконце, не нес охрану, чтобы не допустить посторонних. Что показалось неправдоподобно странным. Ушли. Вернулись. Снова постучались. В домике говорило радио. Я толкнула дверь, и она поддалась. “Можно?” - “Войдите...”

В полутьме небольшой, скромно убранной комнатки с печью полулежала на кровати седая женщина. По-над

стенкой, от спинки к спинке, как перильца, натянут шнур, чтобы удобнее приподниматься. У кровати - костыли.

- Теперь уж и хожу понемножку...

Мы боимся утомить ее, показаться назойливыми, попробимся сказать то, ради чего приехали; о своей признательности. Сказать самые простые слова благодарности за то, что книга ее вызывает не уныние, а радость, и хочется жить... "Живите", - просветляется и улыбается. Грузная, величественная, красивая, она неудобно усе-лась на край кровати, по пояс укутавшись в простыню и упираясь ногами об пол. Но успокаивает - все в порядке - и, всматриваясь в своих непрощенных гостей, спрашивает нас, откуда мы. Какие мы, неизвестно. "Вроде на бандитов не похожи". Произнесла это с юмором, даже с некоторой усмешкой над собой, у которой все на-распашку, пока Даша (забегая вперед, скажу: это - прелестное юное создание, ревностно опекающее "бабу Фросю") отлучилась за покупками на рынок... Так из Эстонии? И что-то всколыхнулось, потеплело, явилась, как теперь выражаются, какая-то аура, и мы замкнули собою какую-то единую цепь, втиснулись в ход каких-то чужих и далеких судеб. О, из Эстонии!..

Она же всю Прибалтику исколесила на велосипеде. Когда? Да еще будучи жительницей Норильска, где от-бывала поселение после лагерей, приезжала летом в отпуск к своей приятельнице в Эссентуки, а отсюда - в Прибалтику. На велосипеде. И в Таллинне бывала, у доктора Мардны, с которым переписывалась вплоть до его кончины.

Доктор Мардна. Да, да, Леонхард Бернгардович, уточ-няет Ефросиния Антоновна. Может, хоть родственники откликнутся...

Без всякой натяжки (иначе это было бы не к чести и не ко времени) могу констатировать: Керсновская явно симпатизирует эстонцам как ссыльным одного с нею "издания" 1941 года (не исключая, безусловно, поляков, греков, молдаван, с которыми она связана кровными узами).

"Работали они большей частью на лесоповале, рабо-тали старательно... Их тем же порядком, что и нас, умыкнули... Нас 13 июня, а их - 14-го". Это из книги, на протяжении которой она не раз вспоминает доктора Мардну, с которым работала в лагерной больнице...

К великому моему удивлению я была оставлена ра-ботать медсестрой в центральной больнице лагеря... Сгрэбаю больного в охапку, несу в ванну, мою. Из ван-ной тащу в перевязочную, на стол. Отношу следующего

в ванну и бегу в перевязочную - помочь врачу. Затем подаю следующего больного на стол, а другого - в ванну. Бегом - туда, бегом - сюда!"

- Как там в Эстонии? - интересуется Ефросиния Антоновна. Она все время слушает новости, потому что не может читать газет, плохо видит (Даша читает), и приемник включен постоянно. Чтобы быть в курсе всего происходящего в мире.

Еще до встречи, по "Наскальной живописи", я сделала себе в блокноте пометки, остановившись на мыслях, которые объясняют ход исторических событий, на мой взгляд, по-человечески просто. Ни злоба, ни мстительность не заслоняли ей ясного трезвого взора. И в двух словах о Бессарабии, которая с 1812 года тесно связана с Россией, а в 1918 году, в пору гражданской войны и неуверенности, "добровольно перекинулась к Румынии" (там пообещали крестьянам землю - "ловкий маневр"), писала она так. Генерал-губернатор "заслужил... орден Ленина", сделав "все румынское до того одиозным, что в знак протеста население стало, как говорится, спать и видеть, когда же русские наконец прогонят осточертевших захватчиков".

В таком именно настроении и встретили освободителей в сороковом году.

Уже "раскулаченная", поражаясь безалаберности коллективного хозяйства (свалить весь отобранный урожай в кучу и сгноить под открытым небом!), Ефросиния никак не могла (так и не смогла никогда) отучиться от добросовестного труда. И за собственные скудные средства отдавала точить затупившийся колхозный инвентарь... Брат (парижский студент) погиб как участник французского Сопротивления. А мать она в предчувствии надвигающейся войны отправила на Запад, в Румынию, считая долгом своим остаться на родине, в России. Разлука затянулась на двадцать лет. Нет, конечно же, мама и не представляла, что вынесла ее Фросинька за это время.

- Маме сообщил кто-то, что во время войны я была медсестрой на фронте и погибла. Находились даже свидетели моей гибели... Но мама не верила и после войны пыталась меня разыскать.

Дочь сама нашла ее, когда отбыла свои "сроки", и вызвала из Румынии в Эссендуки. Нашла через знакомую учительницу, ведь мама преподавала французский и английский языки. (Кстати, сама Ефросиния Антоновна, хорошо зная французский, немецкий, румынский, владея "немного" - английским, испанским и итальянским, в сорок втором, сбежав из Нарымской ссылки и

скитаясь по Сибири, задумала осуществить “безумный проект”: через польского консула в Томске попасть на фронт и сражаться против Гитлера. Но проекту не дано было осуществиться.)

Несколько лет они в этом домике еще прожили вместе с мамой, и это было самое счастливое время. Здесь прошло 30 лет ее жизни на воле. И она, баба Фрося, ни за что бы не переехала в городскую со всеми удобствами квартиру, сказала Даша, которая, вернувшись с рынка, принимала участие в нашем немудреном (и в мыслях не было “брать интервью”) разговоре. Баба Фрося не только в своем саду, но и на улице посадила деревья, все-все здесь сделано ее собственными руками. Какая квартира?! Хорошо, что газ провели. А печка прекрасно греет, зимою у них тепло...

И житие свое она писала и переписывала, и рисовала в этой комнатке, выполняя материнский завет.

- За год написала. Нет, до этого никаких записей не вела, все по памяти, и зарисовки тоже... Да не было тогда никаких фломастеров, все авторучкой да карандашами...

Мы говорим ей, что “Житие” - это название лучше, чем “Наскальная живопись”. Вот и в планах советско-финского издательства “Житие”...

Она не соглашается:

- Я не святая...

Она искренне радуется, что у финнов прекрасная бумага, и переспрашивает: в самом деле?... Наверное, представляет себе свое детище. И мы говорим ей, что получится великолепное иллюстрированное издание. Ее гениальный роман достоин того. Он станет на полки рядом с Солженицыным и Шаламовым, но станет особняком.

Баба Фрося смущается:

- Да что вы, так получилось, я и не думала... Шаламов - да! Но теперь-то уж много обо всем этом написано, теперь-то ведь можно... Я ничего не придумывала, писала все, как было. Если было что-то хорошее, и об этом писала...

Вдруг у меня вырывается нелепый, бестактный, кодрявый вопрос: “А рука после болезни действует, еще пишет?”

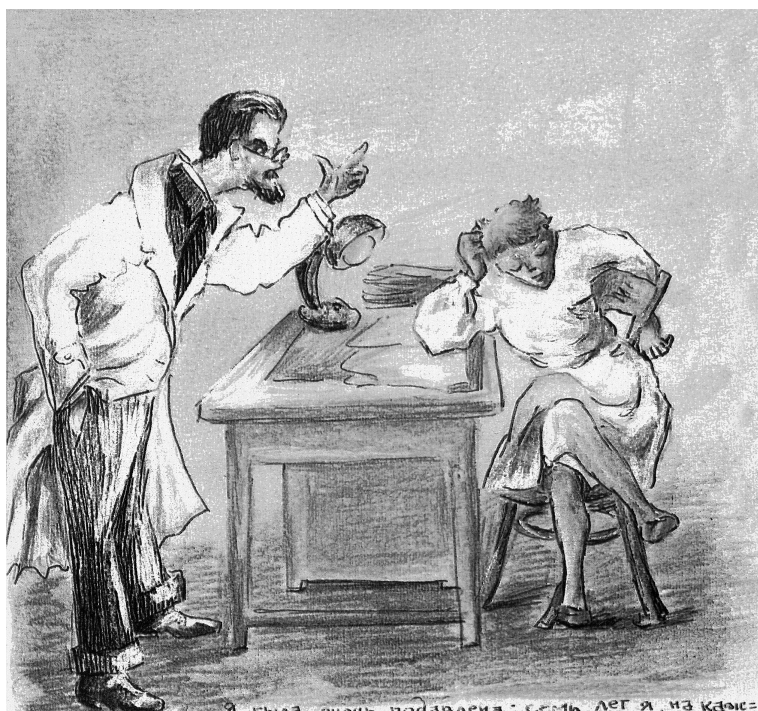
- Рука еще крепкая! - Ефросиния Антоновна сжимает правую руку в кулак...

Руки ее тоже все вынесли, не хуже, чем разум, душа и сердце. Руки даже в неволе были охочи до самой черной работы. И лес валили, и дрова пилили, и стопудовые бочки грузили, и роды принимали...

Пенсию ей дали на воле максимальную - 120 рублей, но теперь разве проживешь на это?.. Хотя много ли ей нужно, вот приемник есть. И книгу пусть издадут не ради денег, а ради правды... Раньше молчали, нельзя было. Рукописи ждали своего часа четверть века и дождались... Нынче перепечатаны и переплетены и хранятся не только за дверцами массивного старого шкафа, которые держатся крючком на петле-резиночке, но и в надежных руках... А ей, Ефросинии Антоновне, исполнится в декабре 84 года.

...Завидные миллионы, интимные биографии, инопланетяне и ясновидцы... А мы закрываем хилую калиточку, за которой в глубине сада остается маленькая белая хатка...

ЕССЕНТУКИ - ТАЛЛИНН

Я была очень подавлена: семь лет я, из кажда-
дам шагу, наткнулась на непонимание и несправедливость. Но... Там
это было понятно, но здесь? Здесь я, всей душой, стараюсь быть полез-
ной таким же обездоленным, как я... и меня, за это осуждали... такие
же, как я, «репрессированные». Как же это?! Да стоит ли, в таком
случае, жить? На этот раз Эту Марине стоило немало труда убедить
меня в том, что именно в Моргте я буду полезней всего. Убедила меня ци-
тата: «Nis locus est ubi Mors dandaat severera Vitaе» (Здесь - место,
где Смерть радуется тому, что может помочь жизни)

СЕРГЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ЮРЕНЕВ
ДВА
СТИХОТВОРЕНИЯ

Записал в Бухаре со слов автора 24 августа 1969 года
П.В. Флоренский.

(ДУБОВЫЙ БУШЛАТ)

Нынче параша, завтра параша.
Жизнь так идет арестантская наша.
Вечно психуем, психуя кричим,
Волей далекой душу драчим.

Голодно? Бредим буханками хлеба,
Сало да масло - вот наша потреба!
Сколько буханок ты съел бы, сынок?
Сколько б баланды сожрал, пацанок?

Повар нажрался, нажарил он рыбы...
И работяги наестся могли бы!
Всё лишь налево, налево идет.
Только по блату от пуза сожрет,

А работягам одна лишь расплата -
Кубики ставь, дожидайся бушлата.
Хочешь - не хочешь, рад иль не рад,
На, получай-ка дубовый бушлат.

Долго мозги наши волей .бали.
Только дождешься ты воли едва ли.
Сколько загнулось их в лагере тут!
Скольким еще по бушлату дадут!

Дома-то ждут, там идут разговоры:
Сын, мол, придет из лагеря скоро.
Ладно, придет он, .б твою мать!
Полно надеяться и ожидать.

Что, загрустил, загрустил, голубочек?
Не попадался бы в лагерь, сыночек.
Тут не мамаша, тут разный народ...
“Эй, собирайся, ребята - развод!”

Параша - слухи (кухарка, вольнонаемный сказал). Психуем - сходим с ума (психовать в дверь - взломать дверь - это другое). Драчим - онанируем. Разговоры о еде очень важные... все время разговоры о еде. Как дома готовили - тоже драчение души едой. Кубики - кубометры заготовленных дров. Загнется - умрет. Бушлат, дубовый бушлат - гроб. Дубарь, закатал дубаря - смерть. Впрочем, хоронили без гробов: вытаскивали полностью раздетые трупы, осматривали, и когда из морга выносили трупы, то их прокалывали щупами. Волей .бали - обещали и не выполнили.

Написано в 1940-е годы, в концлагере. (Примечания С.Н. Юренева)

СОНЕТ

Атропа хочет жизни нить прервать.
Спокойно я стою пред мудрой, старой пряхой.
Ах, милый друг ты мой, не охай и не ахай,
Мы все умрем, а впрочем, наплевать.

Кому для смерти суждена кровать,
Кто кончит жизнь в сраженьи иль над плахой...
Мне сердце не беречь, мой друг, иди ты на .уй,
Не плачь, .би твою под сердце мать.

Давай, пацан, курнем, сверни скорей, однако,
Пока другой кисет мой не унес.
Там есть еще на много папирос...

Давно шакалы ждут условленного знака,
Что я уже издох, как на цепи собака,
Ненужный пес, ненужный старый пес...

1940-е годы.

Посвящено реальному человеку.

Иди ты на ... - это не ругательство. Ценился тон, говорилось походя. Без злости.

Умиравший говорит с другом, просит побыть рядом. Шакалы - мелкие воришки, а доходяги - они сами. Псом представляет себя. Во время чувашских экспедиций проходил через деревню и видел, как громадный цепной пес бегал по дорожке перед своей конурой и не замечал, что он давно отвязан. Веревки нет...

***

Павел Васильевич Флоренский прочел эти стихи наизусть сначала по телефону: Москва - Таллинн. А потом в Москве, в Библиотеке-фонде “Русское Зарубежье”, после открытия выставки “Архипелаг ГУЛАГ: эстонский остров” на вечер памяти А.И. Солженицына 12 декабря

2008 года. Ведь ГУЛАГ начинался Соловками, где погубили великого философа Павла Александровича Флоренского, его деда (расстрелян в декабре 1937). Доктор геолого-минералогических наук, академик, профессор, писатель, - Павел Васильевич назвал автора этих лагерных стихов, Сергея Николаевича Юренева, своим учителем. Имя ученого-археолога, отбывавшего ссылку в Средней Азии, в Узбекистане, знакомо нам по роману Бориса Крячко "Сцены из античной жизни", напечатанному в журнале "Вышгород", а затем и в его "Избранной прозе" (2000), а также из "Писем к Ингрид" (2006).

"Поскольку же арестант родом был из той же древнеречевой Твери и имел там родственников, выяснить обстоятельства не представлялось сложным, и скоро комиссия узнала, что археолог Юренин происходил из столбовых дворян... что прабабка его по женской ветви доводилась кузиной Кондратию Федоровичу Рылееву, что двоюродная тетка Настя... была замужем за генералом Маннергеймом, а в тверском доме деда, Николая Егоровича, служил смолоду в казачках Михаил Иванович Калинин и набирался хороших манер..." ("Сцены", глава I - "Как во городе было").

Может быть, реальный персонаж наделен "придуманной" исторической биографией? Однако у Александра Исаевича Солженицына в "Круге первом" тоже есть очень похожий университетский профессор, ученый с мировым именем, математик Д.Д. Горяинов-Шаховской (прообраз - ростовский преподаватель Мордухай-Болтовской). "И ничто не могло б его спасти, если б не личное знакомство с Калининным - говорили, будто бы отец Калинина был крепостным у отца профессора" (цитируется по книге Л. Сараскиной "Александр Солженицын", М., "Молодая гвардия" 2008, с. 138).

Как бы там ни было - не миф, а факт, что к С.Н. Юренину, проведать его в ссылке, приезжали не только из всех уголков СССР, но "из-за бугра" тоже, от чехов эстонских художников Богаткиных до Эрнста Неизвестного, и Лев Гумилев, и Виктор Некрасов, и разные дипломаты... "Приезжал Павел Васильевич Флоренский, профессор и внук прославленного автора "Столпа" и "Обратной перспективы", а с ним орава студентов-нефтяников" ... ("Сцены"). - Прим. ред.

АРТУР ЭРИК
ЛААСТ
ИНТА

...Давали 10+5, 25+5, и нередко - “вышку”. Между высланными и сосланными была разница, и они спорили, что лучше (или хуже). По большому счету, все варианты были хуже.

Но в Коми, в тундре, под Полярным кругом, в городке Инта, поднявшемся на каторжном труде шахтеров-зекков, была еще одна категория людей - женщин с детьми. Они приехали сюда добровольно, к мужьям, вышедшим из лагерей, но получившим “по рогам” - эти самые плюс пять лет ссылки с переключкой каждую субботу перед милицейским участком.

Наша мать привезла нас с братом из Таллинна в Инту в 1954 году, когда отец, Артур Лааст, вышел из лагеря и даже успел соорудить домик для семьи.

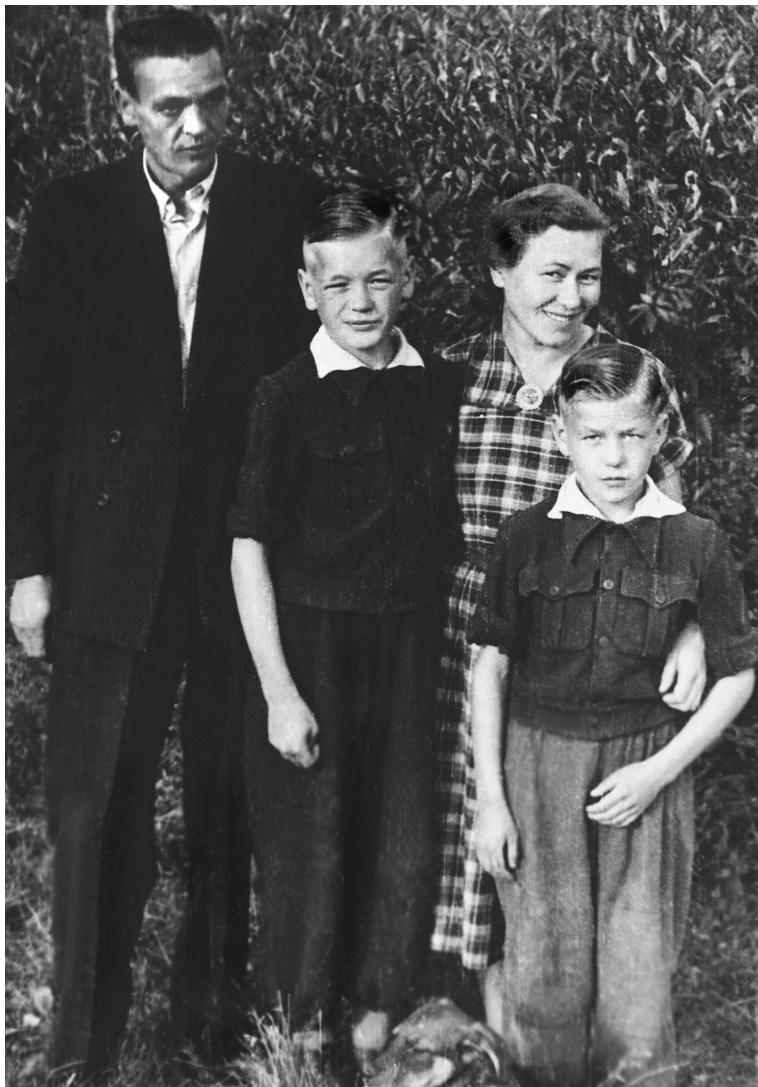
В момент ареста отца в ноябре 1944 (вина его заключалась в том, что он 1941-1942 провел в германском плену) мне было 10 месяцев, а брат родился 5 месяцев спустя. Так что предстояло знакомство с отцом. Помню, спросил у мамы: “А мне как к нему обращаться - на вы или на ты?”

В единственной местной школе было около 30 таких же 10-12-летних эстонских детей. Городок представлял собой лагерь с бараками, вокруг которых была недавно снята проволока. Воду мы таскали с далекой водопроводки, нам, детям, давали маленькие, пятилитровые ведра. Зимой весь путь был во льду от плескавшейся воды. Мы падали и за водой приходилось возвращаться. Часами стояли в очередях за хлебом и сахаром.

В школу ходили в любой мороз, который иногда доходил до 40 с лишним градусов. Русскому языку научились за 3-4 месяца, брали уроки у одного старого профессора. “Погружались в языковую среду”, как нынче говорят.

А в полярную ночь любовались всполохами северного сияния.

Потом мы вернулись на родину. В 1962 я закончил среднюю школу и поступил в Институт восточных язы-

ков Московского университета. До конца оттепели оставалось еще два года. Закончил я МГУ в 1968, был в аспирантуре АН СССР, в 1972-1975 учительствовал в Киргизии. Затем работал в Таллинне редактором и переводчиком, а с 1992 года в МИД Эстонии: советником в нашем посольстве в Москве (1993-95 и 2001-2004) и в Париже (1995-98).

На фото: Вся семья у дома, который построил отец, ожидая нас, в 1954.

АРВО
ВАЛТОН

НАДЕЖДА
ПОД
ГНЁТОМ

●

...Хотя Хейно и поддался общему настроению, тем не менее он не одобрял возгласы, долетавшие с полки и разносившиеся по вагону. Некоторые из них врезались в память своей бессмысленностью и горячностью. Кто-то говорил: “Как они смеют?”

В слове “они” крылось что-то неопределенное, насильственное, мощное, подлое и вызывающее презрение.

И тем не менее “они” посмели. Именно потому, что были такими, какими они их себе представляли.

В нынешней ситуации злая сила отождествлялась с солдатами-мальчишками в полинялой форме, вооруженными охранниками, которые сторожили поезд, открывали и закрывали двери, подгоняли и толкали их прикладами, когда они мешкали, идя за своей порцией супа, и которые казались порой такими же напуганными, как и те, кто находился в вагоне; они косились на свое начальство и не решались отвечать на вопросы.

У них был приказ, ни один из них не знал, как быть и что правильно, когда самому приходится делать выбор в этом безумном мире. Подобные моменты выпадали в жизни каждого, каким бы тяжелым ни был гнёт принуждения. Солдаты хотели остаться в живых. Своего мнения и возможности поступать согласно ему у них не было. Начальство видело в них роботов, выполняющих приказы.

Уже сейчас Хейно ненавидел все, связанное с военными, хотя еще несколько лет назад играл в разведчиков и стрелял из деревянного ружья.

В первый день этапа многие узнали, увидев из окна, бывший пограничный город, и тогда в вагоне запели старый

Арво Валотон - прозаик, поэт. Из семьи ссыльных. Роман “Угнетённость и надежда” - о судьбах репрессированных и подвергшихся депортации в 1949 году. В начале 80-х роман взялась переводить Елена Борисовна Позднякова (с тем же ссыльным прошлым). Однако надеяться на публикацию на русском языке не могли ни автор, ни переводчица, у которой все эти годы черновик лежал “под рукой”...

запрещенный эстонский гимн. Пели все, даже те, кто никогда не стоял в строю и ни разу не напел ни одной мелодии. Пели старые молчаливые хуторяне, заплаканные женщины и измученные дети.

После этого кто-то, словно бы про себя, однако достаточно громко произнес:

- Теперь они повернут обратно.

Это было нелепое высказывание. С чего ради им поворачивать назад, когда они и без того намаялись, запикивая людей в вагоны. Не заставит же их это сделать пение? Но никто не стал возражать. Слишком уж трепетным был момент.

Вряд ли тот, кто произнес эти слова, сам в это верил, просто эти слова выразили охватившее всех на мгновение возвышенное чувство. Это чувство могло вновь угаснуть, смениться жалобами, борьбой за лучшее место у окна, где было больше свежего воздуха, воспоминаниями о своей, казавшейся совершенной жизни, которой теперь наступил конец. Никто не знал, что его ждет впереди. Рассказывались лишь какие-то старые истории. Ничто не должно было повториться, но слишком уж непредсказуемой была история, ей всегда удавалось ошеломлять людей.

Хейно открыл глаза. Мать лежала рядом. Их взгляды встретились, долгое время они смотрели друг на друга, затем мать сжала его голову руками и поцеловала в лоб. Но не сказала ни слова. Такое проявление нежности было необычным, раньше Хейно стыдился бы этого.

За те дни, что Хейно трясся в дороге отчаяния, в его воображении вырисовывалась картина, как он, пригнувшись и втянув голову в плечи, бежит между стоящих на запасных путях товарных вагонов и исчезает из поля зрения охранников, как прячется у края железнодорожной насыпи, пока все не стихает, как затем, по ночам, едет в сторону дома на крышах вагонов. Что ждало его там, он не знал. Разоренный дом, испуганные люди, которым чудом удалось спастись и у которых не хватит решимости прятать у себя беглеца. В школе он показываться не мог. Его разыскивали. Ни его друзья, ни Вальдек, ни подавно Юхан, не стали бы укрывать его, да и никто другой из одноклассников не признал бы его, все сделали бы вид, что не знают его, чтобы не подвергать себя опасности.

Он ощущал в себе силу и ловкость. Он не стал бы прыгать с поезда в те редкие минуты, когда ему поручали пойти с ведрами за супом для своего вагона, он мог бы выпилить в полу отверстие - у некоторых предусмотрительных мужчин с собой были пилы, но не для побега, а для предстоящих строительных работ. Надеялся, что здесь нет доносчиков, хотя никогда не знаешь, ведь в подобных обсто-

ятельствах люди стремятся проявлять покорность, чтобы избежать худшего, а побег мальчишки могли поставить в вину всему вагону, и трудно предположить, чем бы все это могло кончиться.

То, что Хейно представлял себе в воображении, было, к сожалению, неутешительным <...>

Они стояли вчетвером у вагона на железнодорожном полотне и ждали своей дальнейшей судьбы.

Вагоны отогнали на проржавевший запасной путь, которым давно уже не пользовались. Четыре вагона. Остальные, очевидно, двинулись дальше. Хейно, который неоднократно ходил за супом, знал, что поначалу их вагон был в середине состава. Следовательно, хвост постепенно обрубили, сейчас это снова произошло, и четыре вагона остались в этом холодном неприятном месте.

По эту сторону вагона местность была совершенно голой, лишь вдаль, на линии горизонта, тянулась полоска редкого леса. Раскисшая дорога проходила поблизости от железнодорожного полотна и, казалось, здесь же и кончалась. По другую сторону вагона виднелись хибары, деревня или окраина города - разобрать было трудно. К тому же все события сосредоточились по эту сторону.

Появились тракторы с запряженными в них санями - а может, они уже заблаговременно стояли здесь наготове. Расторопные господа принялись отбирать для себя работников из столпившихся перед вагонами людей. Они делали это без зазрения совести, так же открыто, как если бы выбирали себе лошадь на ярмарке. Разве что зубы не разглядывали.

Первыми забрали немногочисленных пригодных для работы мужчин. Едва они успели выпрыгнуть из вагонов, как на них тут же наложили лапу. Если у мужчины была семья, она следовала за ним.

- Рабовладельческий рынок, - во всеуслышанье заявил старый Оргита. Ему нечего было опасаться, что вербовщики поймут сказанное.

Затем взяли женщин среднего возраста и подростков. Последними - немощных стариков и многодетные семьи. Таким образом большинство прибывших оказались вместе с пожитками либо в санях, либо на дровнях, семья же Сээлы все еще стояла на месте.

Старые хуторяне, которые набрали кучу тюков, грузили их на сани. Они попросили помощи у братьев Сээлы, солдат здесь уже не было, а те, кто пришли встретить и распределить по разным местам, помогать не собирались.

Сээла смотрела, как братья катили огромные деревянные ящики старого Селмана и вдруг подумала, что они не должны были этого делать и как мало вещей у них самих. Вот так уже и возникло чувство зависти.

Повезло ли мужчинам, которых отобрали первыми или нет, выяснится позднее. Скорее всего, нет, поскольку самыми расторопными оказались председатели колхозов, где работали практически бесплатно. Но этого, конечно, никто еще не знал.

Наконец подъехал последний трактор с санями. Из кабины вылез мужчина, одно ухо его ушанки висело, лицо заросло щетиной. Он почти и не взглянул на горстку оставшихся, а лишь сделал знак, чтобы они вместе с их барахлом забирались в сани.

Из вагонов вытащили последние узлы, в широкие сани набилось человек двадцать, в основном старики и матери с детьми.

Хейно держался подле семьи Сээлы, словно и он был членом их семьи, словно все они были одна семья, и теперь отправился вместе с ними. Не то высокого роста молодого человека и его привлекательную мать могли принудительно увезти не с теми, с кем ему хотелось. <...>

Среди ссыльных были и такие, кто, несмотря на плохое знание языка, пытался выяснить, какая судьба им уготована. Существовало два варианта. Слово “колхоз” пугало всех, хотя и “совхоз” звучало не намного приятнее, разве что не так часто упоминалось в пугающих рассказах. И было ли это “хозяйство” лучше или хуже, об этом, собственно говоря, даже и речи не шло. Равными люди, хозяйства и целые государства могут быть лишь в бедности, но никогда не в богатстве.

Конечно же, в человеческой судьбе большую роль играл случай, разумнее было не проявлять рвения, чтоб не пришлось впоследствии каяться...

Перевела с эстонского
Елена ПОЗДНЯКОВА

ВИТАЛИЙ
АМУРСКИЙ
НЕТОРОПЛИВО
МЫСЛЯЩИЙ
ТРОСТНИК

* * *

**Советник лучший - сердце или разум,
О том я спорить, право, не берусь,
Особенно, когда подчас о разном
Толкуем мы, коснувшись слова Русь.**

**Я б оптимистом быть хотел, конечно,
Но в сторону ее взгляну едва,
Мне чудится, там ныне тьма кромешна,
Как век назад или, быть может, два.**

**Медвежий угол, декабрист опальный,
Илья, годами спящий на печи,
И звон колоколов, и звон кандалный,
Которых я не в силах различить.**

**Там правда всё, и всё в той правде ложно,
Там грязь в дожди, а в холод снег глубокий,
А то, что невозможное возможно, -
Так то поэт сказал. Увы, не Бог.**

**Признательный и Тютчеву, и Блоку
За высоту их светлых дум и вер,
Я родину, скорее, как берлогу,
Нутром определяю, словно зверь.**

Виталий Амурский (Париж) - литератор, журналист, редактор русского канала Международного Французского Радио. Автор шести книг, из них четыре - поэтические, в том числе "Серебро ночи" (Таллинн, VE 2005). Постоянно бывает в Эстонии, с которой связан детством.

* * *

Душа не хочет с пустотой мириться,
Спеша предел свой затворить на ключ,
Но лес в окне печальнее зверинца
И, как репейник, небосклон колюч.

Темно по вечерам в домах соседних,
Под ветерком декабрьским тихо сник
Паскаля услаждавший собеседник -
Неторопливо мыслящий тростник.

Незримо время в облаках струится,
Подобно шерсти у веретена,
С озимым полем схожая страница
Ждет нужных слов - отборного зерна.

* * *

Чаек крик, будто двери скрип
В парк небесный по-летнему радужный,
Что сейчас за облаком скрыт,
Там, над кивером башни ратушной.

Подними глаза, может, сыщешь след
В молоке вечеряющей Балтии -
Незаметный свет твоих юных лет,
Растворившихся вместе с батюю.

Таллинн, 2008

* * *

Июнь. Зацветает картофель.
Дрожит над ботвой мотылёк,
Высокого облака профиль
На воду озёрную лёг.

Травинка во рту кисловата,
Но сладостны глазу не зря
Лабазника нежная вата,
Ажурный узор купыря.

Явившись из лона земного,
Они подтверждают сполна,
Что если рождаться не ново,
То жизнь бесконечно нова.

**И нет никаких дубликатов
У зелени этой и той,
Как нет равноценных закатов,
Хоть каждый из них золотой.**

**Осина, дрожащая робко,
Берёза, что с детства седа,
И мак, и ромашка у тропки
Прекрасно-первичны всегда.**

**Непрочные, хрупкие с виду,
Бывает, в какие-то дни
Любую печаль и обиду
Чудесно врачуют они.**

**Врачуют тревоги, напасти,
Что в сердце таятся твоём.
Забудь лишь часы на запястье,
Побудь хоть чуть-чуть муравьём.**

Эльва, 2008.

* * *

**Странно вдруг сложилось предложение,
Как во сне чуть слышный шёпот губ:
Облако - берёзы продолжение,
Человека - слово, камень, дуб.**

**И легли слова в блокнот раскрытый,
Ясной тенью каждая строка
Про давно разбитое корыто,
Золотую рыбку, старика...**

Эльва, 2008

* * *

**Дождливые дни. Пшеница
Покачивается, зелена.
Чухонская кружевница -
Седая бабка луна**

**Серебряной нитью тонкой,
Над полем склоняя взор,
Души и земли эстонской
Единый плетёт узор.**

БАЛТИЙСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ

1.

Посёлок, где листьев опавших тлен и гул
Колёс сотрясает мельничную постройку,
Деревья покачиваются, как Глен Гульд
Играющий Баха, в 12 ноль-ноль по стойке
Вытягиваются часовые стрелки, разом
Доказывая, что время не категория, но плоть,
Соединяющая душу и разум,
Труднее сказать - про плод

*(Не тот, что в ветвях самородком
Под утро еще золотится,
Но тот, что за куст смородины
Нечаянно закатился).*

2.

Пеедуские тропинки,
Яблони возле дачи,
Как дважды два - без заминки
В детстве, теперь - иначе.

Плохо ли, хорошо ли,
Кто ж разберётся в ветоши.
В детстве - глаза ретушеры
Это потом - без ретуши.

3.

Цвета и вещи, тебя окружавшие дома,
От книг до лампы, иголки с ниткой,
Тумбочки, где флакон валидола,
Будильник... - не кончаются за калиткой,
Щёлкающей за спиной, как дымок,
Не исчезают в пространстве непрочном,
Не спрашивают, не удивляются, как ты мог
Уйти, уехать, оставив их, да и о прочем

*(Уже за это, за сохранённое
И свет спасительный -
Сквозь охру клёнов
Шепчу спасибо им).*

4.

Непостоянство мира - ты лотерея,
Где в шансе дело, а значит - свыше,
И гибель в пении, коль Лорелея
Тебе послышалась.

Воспоминания - луна по ломтикам
В озёрной ряби.
Воспоминания - когда паломником
Душа вне яви,

Без визы времени,
Бредёт нелепая
Куда-то к Ревелю,
А там - неведомо.

5.

Я люблю этот край предсеверный,
Когда солнечный луч не зол,
И когда его тучи-сейнеры
Отправляются за горизонт.

Я люблю его за неяркую
Лета зелень и в осень ржавь,
И за что-то еще, что якорю
Никакому не удержать.

За прожжённые солью пристани,
И за ветра сырого стынь...
Я люблю его как непризнанный,
Но оставшийся верным сын.

Зимой 1985 года мадам Бржеска портретировала меня и моего брата-близнеца Юри в своем ателье на площади Свободы в Таллинне.

Она родилась в Киеве в еврейской семье, уже в зрелом возрасте переехала в Эстонию и стала художником. Говорила на безупречном русском языке, могла объясниться на эстонском и не забыла старый добрый французский язык, преподанный ей в детстве гувернанткой, на котором я из чистого кокетства обменивался с ней предельно короткими и потому безошибочными фразами.

Темперамент художника и порывистость натуры взывали к энергичной жестикуляции кистью, так что после каждого сеанса мы выводили пятна масляной краски на своих пиджаках.

Той же холодной зимой 19 февраля на Абука умерла наша мать.

Когда мы опускали гроб в могилу на маленьком островном кладбище, слышался лишь скрип снега, потрескивание елей и холодный скрежет камней от соприкосновения с ними лопаты. Было такое чувство, что холодом объаты земля, небо, песок, деревья и молчащие люди, и только в облачках пара их теплого дыхания словно сами по себе рождались, длились мгновение и затем гасли слова священника, ясные и короткие, как все земное.

Я подумал, захочу ли я свой последний путь воплотить в слова, говорят ли и это чувство и этот конец и это исчезновение о чем-нибудь другим, возможно ли это объяснить словами. Это чувство казалось мне таким личным и священным, что единственное место для него могло быть глубоко внутри меня - недоступное для других и неповторимое.

Братья Туулики - Юло и Юри - известные эстонские прозаики. Постоянные авторы журнала. Юло Туулик - в редакционном совете "Вышгорода", соавтор нескольких наших проектов, руководитель "шахматного" (№ 1, 2006), посвященного 90-летию Пауля Кереса.

Мы с братом не знали, что прощание с матерью оставят более существенные знаки, чем слова, оно означало перерождение, перемены в нас самих, и ни одному человеку не дано передать другим то, что он знает в глубине души об уходе матери.

В марте мадам Бржеска продолжила окроплять нас красками. Она снова и снова перебирала кисти, пыталась заново смешать краски и взглянуть на нас под новым углом зрения, чтобы продолжить начатый портрет. Мадам Бржеска не знала, что произошло в промежутке, и ей все казалось, что мольберт не на месте, что освещение не то, что мы сами сидим не так, как раньше.

Наконец мадам Бржеска воскликнула:

“Что случилось? На вас нет лица! У вас другие лица!”

Холод снега, деревьев и камней все еще наполнял наши глаза, пустой остров и пустой дом. Мы были другими. И никогда больше мы не вернем свои прежние лица.

В марте 1985 года мадам Бржеска написала новый портрет, на котором наши глаза и наши лица отражали уход матери.

*Перевела с эстонского
Эльвира МИХАЙЛОВА*

**АЛЕН
ПОЛЬЦ**
**ЖЕНЩИНА
И
ФРОНТ**

Похоже, ей на роду была написана необычная судьба. Ни сама Ален Польц, ни ее близкие не знали точной даты ее рождения. В Коложваре (Клуж, на территории Румынии), где она появилась на свет, зарегистрировать рождение дочери родители не спешили и сделали это, лишь когда ей пришла пора поступать в школу. Дату припомнили задним числом и приблизительно. Венгерское имя, данное ей при рождении, - Илона - румынским письмоводителем было затранскрибировано как *Alaine* и впоследствии вызывало вопросы: не мужское ли оно, откуда взялось, как его произносить и т.п. Фамилий сама Ален насчитывала у себя пять: девичья (Польц), две по первому мужу - по его польской и мадьяризованной фамилиям, по второму мужу и по псевдониму второго мужа (Миклош Месёй), под которым тот, один из ведущих писателей страны, приобрел всевенгерскую и европейскую известность. Под псевдонимом "Илона Молнар", с безошибочным чутьем и вкусом сочтя это бесхитростное сочетание (по-русски "Елена Мельникова") наиболее подходящим жанру, она станет писать сказки, а под именем Ален Польц войдет в науку и литературу, снискав истинную популярность у себя в стране и за ее пределами. Но это будет потом, а прежде... была война.

Столкновение с фронтом никогда не бывает безболезненным, а для Ален оно произошло при крайне неблагоприятных обстоятельствах. Останься она в своем родном городе, и фронт быстро прокатился бы дальше, не причинив ей существенного вреда, но родственники уговорили Ален укрыться в "безопасном" месте - графском имении Эстерхази под Секешфехерваром. Город этот знаменит в истории Второй мировой войны тем, что в ходе тяжелых боев много раз переходил из рук в руки (широко известен факт, что нашему прославленному диктору Ю. Левитану долго пришлось заучивать это длинное, трудно выговариваемое название), и в результате ожесточенных сражений несли потери не только боевые силы, но страдало и мирное население: беззащитные женщины, старики и дети. При каждом очередном взятии Секешфехервара в город врвались солдаты - разные, - но вели себя победители одинаково. Ален, в ту пору совсем юная женщина (она всего несколько месяцев назад вышла замуж), была необыкновенно хороша собой... Через полвека она решила поведать о пережитом, оставив нам одно из наиболее потрясающих свидетельств страшных военных со-

бытий. По ней война проехала тяжелой колесницей, но подобная участь постигла миллионы женщин в мире, постигала и постигает неизбежно, поскольку война развязывает в людях самые темные, низменные инстинкты.

Ален выжила, хотя и с трудом, долго и тяжело болела, жизнь поначалу не складывалась: мечтала стать врачом - ее не приняли в медицинский по состоянию здоровья. Зато удалось пройти университетский курс психологии, и это определило ее дальнейший профессиональный путь.

Ей суждено было стать первопроходцем во многих областях. На заре своей профессиональной деятельности она применила метод эстетической терапии при лечении взрослых душевнобольных, затем занималась игро-диагностикой для нервнобольных детей, разработав систему игровых тестов. Долгое время трудилась психологом в детской клинике среди тяжелобольных, умирающих детей, облегчая их страдания и муки родных.

Ален Польш была бессменным председателем фонда "Венгерский хоспис", созданного благодаря ее многолетним самоотверженным усилиям.

Автор многочисленных научных трудов, А. Польш снискала широкую известность у себя на родине и за рубежом как танатолог. Ее перу, помимо научных исследований, принадлежит десяток книг лирико-публицистического характера на темы, волнующие каждого из нас: о старости, близящемся конце, подготовке к уходу из жизни, о поведении родственников уходящего, облегчении скорби и т.д.

На книжных выставках и ярмарках к столику с табличкой "Ален Польш подписывает свои книги" всегда выстраивалась длинная очередь читателей и поклонников.

Слова "Прощайте, Ален Польш!" на будапештской стене в сентябре 2007 года, после кончины этой замечательной женщины, ярче всего свидетельствуют о народной любви, чуждой всякого официоза.

Монодрама для двух персонажей
Сценический вариант Ласло БАРАНЬИ
Перевод Татьяны ВОРОНКИНОЙ

*“Даже для монолога требуются
по меньшей мере два моих “я””.*

Миклош Месёй, “Попытка диалога”

Действующие лица:

Пожилая Женщина лет 60-65

Молодая Женщина лет 19-20

Фразы Пожилкой Женщины набраны в тексте жирным шрифтом, фразы Молодой - обычным. Это различие введено только для того, чтобы легче было читать текст и ориентироваться в нем; никакого намека на разницу во взаимоотношениях здесь нет. Примечания и ремарки выделены курсивом.

По ходу пьесы Молодая Женщина не раз переодевается. Смена одежды составляет существенную часть действия, но, несмотря на это, происходит как бы между прочим, вне зависимости от текста, с само собой разумеющейся естественностью.

Во многих случаях одна из женщин начинает произносить свой текст, когда другая еще не кончила говорить. Моменты стыковки отмечены знаком (>>). Этот же знак повторяется и в начале следующего текста. В тех случаях, когда обе говорят одно и то же, совсем обязательно, чтобы текст совпадал дословно.

Реплики, данные в оригинале на русском, выделены жирным курсивом.

В основу сюжета положена мучительная одиссея героини. Точно так же, как и в повести, послужившей литературным источником пьесы, на первый план выходят события, человеческие характеры и поступки; путь, пройденный Женщиной, и его временная протяженность второстепенны. И все же, чтобы конкретизировать отдельные эпизоды, необходимо как-то наметить перемену мест и ситуаций. Конечно, из повествования Женщин это становится ясно, однако, поскольку - как уже было сказано - эти моменты менее значительны, чем драматические события, они могут ускользнуть от внимания зрителя, который таким образом утратит нить рассказа. Дабы этого не произошло, рекомендуется подчеркнуть эти перемены каким-нибудь иным способом: паузой, внезапным молчанием, сменой позы, манеры речи или интонации.

Сценический реквизит составляют три предмета

мебели: удобное кресло, сплошь увешанная одеждой вращающаяся вешалка с шестью ответвлениями и сработанная в том же стиле скамья-сундук на два сиденья, с подлокотниками и спинкой. То, что она предназначена не только для сидения, но и для хранения вещей, желательнее дать понять зрителю лишь в конце, когда Пожилая Женщина поднимает крышку сундука. В начале пьесы сцена пуста, перед нами только эти три предмета обстановки.

Появляется Пожилая Женщина.

Ее одежду нельзя назвать ни консервативной, ни модной; практичная, удобная, она, что называется, вне времени - так вполне могла бы быть одета и женщина моложе нее лет на 20-30.

Она останавливается возле кресла, пытается решить, с чего ей начать рассказ. Эта заминка вызвана отнюдь не присутствием зрителей, но стремлением точно воспроизвести былое, упорядочить воспоминания и должным образом изложить их.

Одному Богу известно, как сложилась бы моя жизнь, будь у меня отзывчивый муж, дети, которых бы я растила и воспитывала... Конечно, тогда пришлось бы выбросить из моей истории войну... с каким бы удовольствием я это сделала!

Она умолкает в раздумье, затем явно решает начать с другого. Выбирает позу поудобней - по-прежнему стоя. Продолжает тоном, более уверенным, чем раньше.

Мне исполнилось четырнадцать, когда мы познакомились. Янош был моей первой любовью, первым мужчиной, который поцеловал меня. Он попросил меня освоить пишущую машинку, чтобы я могла перепечатывать его рукописи. По образованию экономист, он собирался стать писателем. Затем последовали четыре года фронтовой службы... я тем временем сдала экзамены на аттестат зрелости...

Она вновь умолкает и начинает по-другому.

27 марта 1944 года, на четвертом году войны мы с Яношем обвенчались - в Коложваре, в церкви на улице Фаркаш.

Меняет позу.

Народу собралось великое множество... В автомобиле шафер, которого выбрал Янош, начал приставать ко мне с ухаживаниями - я так и не поняла, с какой стати, - и дал совет: первой ночью не предпринимать ничего, вы, мол, оба будете до того усталые, что только испортите все дело.

Священник говорил неимоверно долго. Янош, скучая, переступал с ноги на ногу, а я со стыда не знала, куда

деваться. Все ждала, что у него найдется для меня какой-то жест или слово, но нет, он смотрел в сторону. От всего этого на меня навалилась некая глубокая внутренняя усталость, не помню даже, разговаривали ли мы между собой на обратном пути или нет, были как заторможенные, едва доплелись до автомобиля.

Затем ужин: во главе стола жених с невестой. Терпеть не могу сидеть за столом с набитым желудком... тоска смертная. Наконец можно было встать из-за стола. Я перешла за детский столик, к молодежи. По-моему, юные гости томились так же, как и я..

Пытается напрячь память.

Или им было не так уж плохо?

В это время сзади - тихо, неприметно - появляется Молодая Женищина и останавливается у скамьи. На ней белое подвенечное платье, веночек, фата. Она негромко начинает говорить.

Народу видимо-невидимо... Шлейф, фата, букет, рука жениха - как уместить все это в ладонях?

Ведь если не поддерживать подол платья и фату, они зацепятся за кокосовую дорожку... запутаешься и упадешь.

Надо мной подшучивают, дескать, слова обряда придется произносить по латыни, а в церкви будет и наша преподавательница латинского. Она действительно присутствует на церемонии, а когда подходит поздравить, обнимает меня и шепчет на ухо: "Теперь ты взрослая женищина, мы можем обращаться друг к другу на "ты".

В неуверенности умолкает.

При звуках ее голоса Пожилая Женищина прерывает свой рассказ, но не оборачивается, с безмятежным видом слушает другую. Когда та кончает говорить, она какое-то время выжидает, затем медленно поворачивается к ней. Осторожно протягивает руку, гладит, не касаясь Молодой Женищины. (Они не раз робко тянутся друг к другу, но попытки эти безрезультатны - за исключением тех случаев, которые специально оговорены в ремарках!) Взгляд ее останавливается на свадебном венке.

С удивлением:

Он все время был на мне?

С начала до конца.

Молодая Женищина с готовностью снимает с себя фату - что совсем не простое дело, - и протягивает Пожилую. Та разглядывает фату, но в руки не берет.

Спасибо.

Молодая Женищина пристраивает на вешалке веночек с фатой.

Они стоят лицом к лицу, Молодая Женищина смущенно

на и ведет себя скованно, на лице ее удивление: “Значит, я стану такая?..” Пожилая едва заметно улыбается, радуясь встрече с собой молодой. Словно видит перед собой давнюю, милую сердцу фотографию. Похоже, ситуация забавляет ее.

Постепенно скованность Молодой Женщины проходит, она пользуется возможностью высказать свои сентиментальные и обиды вслух.

Теперь такие подвенечные платья не носят. А жаль! До чего красиво!

Красиво?!

А Яношу не нравится.

Мечтаю, чтобы он заметил и похвалил.

Молодая Женщина тем временем поворачивает вешалку, поочередно снимает платья, разглядывает их, вешает на место.

Все не по нем: моя прическа, одежда... ты, говорит, на клоуна похожа... Ему хочется, чтобы я красилась. Высмеивает меня, подковыривает... и танцевать-то я не умею, топчусь, как слон. И (>>) поскольку я люблю мужа и дорожу его мнением...

(>>) Поскольку я люблю мужа и дорожу его мнением, ему легко удалось подорвать мою уверенность в себе. Это я еще могла бы стерпеть, но его неприветливость, сухость были невыносимы. Серо-зеленые глаза его темнели от гнева, щеки из-за густой щетины отличались синевой даже на свежесбритом лице.

А я... к чему мне было краситься? На щеках точно розы цветут, губы алые, волосы волнистые сами по себе, я к парикмахеру почитай что не ходила.

Обе задумываются, молчат.

Мне так хотелось поступить в университет, выучиться на врача, но Янош и этого не позволил. (>>) Я покорилась, так как очень любила его.

(>>) Во всем его слушалась...

Знать бы мне тогда!

Тяжело вздыхает, не хочет вспоминать об этом, ищет другую тему.

Свадебный пир... Всем гостям подают на фарфоре, нам - на серебре. Им серебряные приборы, нам - золотые.

Позолоченные!

Да, позолоченные... Все блюда сперва подносят мне, чтобы я собственноручно накладывала своему “повелителю”, а уж потом брала себе. Эржи, краснея, шепчет...

Эржи ходила у нас в прислугах, мы с ней одновременно обручились и обе ждали весточек с фронта. Ее жених погиб...

...краснея, шепчет, когда я себе накладываю: “Извольте

брать поменьше! Матушка ваша просили передать, чтобы вы не так много кушали!”

Смеется.

Лишь после ужина я узнаю, что невесте, оказывается, не положено наедаться досыта. Неприлично!

Жаль, что я так и не выяснила у них, что же здесь неприличного!

В дальнейшем взаимоотношения женщин постепенно меняются. Пожилую раздражают неопытность, наивность Молодой, иногда она с трудом удерживается от поучительного тона. Молодая не понимает причину этой перемены и реагирует не обиженно, а недоуменно.

После свадебного застолья Янош благодарит маму за меня, мама вверяет меня его попечению...

Он поблагодарил всего лишь за ужин!

За ужин?

Ну... за всю свадебную церемонию.

Мать вверяет меня его попечению, просит беречь же- ну, с чем мы и уходим.

Лишь годы спустя я узнала, что после нашего ухода мать разрыдалась. Рыдала, пока ей не сделалось дурно. К гостям она больше не вернулась.

Мы поселились напротив моего родительского дома - только улочку перейти...

Перешли мы улочку, вернее, он перенес меня на руках...

Это мне только в мечтах виделось, будто он меня на руках несет!

Правда?

Раздел меня...

Я разделась сама.

О первой брачной ночи, хоть убей, ничего не помню. Если верить Фрейдю, у меня были причины забыть ее.

Той ночью я усвоила, что женщина должна раздвигать ноги.

Не должна, но это проще всего. И тогда я считала, будто все, чему я научилась той ночью, так и должно быть, а по-другому не бывает.

Больно...

Пожилая Женщина садится, а чуть погодя и Молодая тоже. По ходу действия обе могут менять позиции: одна сидит, когда другая стоит, обе одновременно стоят или сидят: Пожилкой Женщине отведено кресло, Молодой - скамья. Эти передвижения определяются не только улавливаемыми из текста душевными состояниями и внутренним напряжением, но и характером исполнитель- лей, стилем самой игры, а потому не отмечены специа- льно.

Теперь-то никакая стеснительность меня не удерживает, я могла бы рассказать о том, что случилось, языком медика или психолога, а то и вовсе фривольно, только ведь мне попросту не о чем рассказывать.

Было больно. Даже после болело не один день.

Меж тем Молодая Женщина постепенно высвобождается из свадебного платья. Снимает с вешалки плечики, тщательно расправляет и вешает на них платье, затем размещает его на вешалке. В нижнем белье она остается лишь до тех пор, пока не облачается в легкое цветастое платье длиной до середины икр. Надевает и подходящую к нему шляпу с широкими полями. Переодевается она - как и все, что делает впоследствии, - не спеша, вроде как мимоходом, не переставая при этом разговаривать.

В близости я никогда ему не отказываю. Если ничего не чувствую при этом - ладно, остаюсь бесстрашной. Но если да... Я страшусь отдаться объятию, потому что потом лежишь с напряженными до предела нервами, в висках пульсирует прилившая к голове кровь, сердцебиение не утихает, а он поворачивается к стене и - спать. Я пошевелиться боюсь: как бы не потревожить его, а то рассердится...

Пожилая Женщина прерывает ее:

Надо напрячь все мускулы тела, а затем какое-то время сохранять неподвижность. Когда больше невмочь терпеть, следует расслабиться. Потом снова напрячь и снова расслабиться. Сама не заметишь, как успокоишься.

Задумывается.

Не упомню, чтобы мы разговаривали на какие-то серьезные или духовные темы. Он не любил, когда я говорила о своих чувствах.

Он не любит, когда я говорю о себе. Мрачно слушает и отмалчивается. Что означает его странная, безжизненная холодность? Отчего с ним невозможно ни о чем говорить?

Пожалуй, его можно понять. Три с половиной года пробыть на фронте... шутка сказать! Он знал, что русские продвигаются неудержимо, что войну мы проиграли, да и о советской райской жизни ему кое-что было известно.

“Не суйся в политику, ты в ней ничего не смыслишь”.
“Молчала бы лучше, чем чепуху молоть”.

Хочет заняться сочинительством - тогда почему же не пишет? А если и пишет, то отчего так редко и мало? И ни одну вещь не завершает... И пьет. Но пьяным я его ни разу не видела. Сколько бы я его ни молила, пожимает плечами и по-прежнему пьет. Ах, ты так?! Ну, тогда и я тоже... Ты пьешь - я вдвое против твоего.

Пожилая, язвительно:

Умно, нечего сказать!

Отправляемся в город, и он молчком, ни слова не говоря, заходит в ресторанчик. Я уж больше не упрашиваю его, чтобы не пил, - к чему? У нас и без того напряженные отношения. Он заказывает себе сто грамм спиртного, мне - пиво. Я встаю, будто бы мне надо выйти, он молча забирает мою сумочку, чтобы у меня при себе не было денег, но мне на это плевать. Прохожу в распивочную и прошу налить коньяка. Четыре раза по сто грамм. (>>) “Четыреста грамм?!. Как это?” “В пивной стакан!” - любезно поясню я. Медленно, размеренными глотками выпиваю все спиртное до дна...

(>>) “Четыреста грамм?!. Как это?” “В пивной стакан!” - любезно пояснила я. Ну и пялились же на меня посетители!.. А я медленно, размеренными глотками выпила все до дна. От запаха коньяка меня до сих пор с души воротит. “Мой муж расплатится, он сидит вон за тем столиком!” - небрежно бросила я и вернулась к Яношу. Не знаю, каково другим почти пол-литра коньяка на голодный желудок, но для меня этого оказалось многовато. Я держалась молча, пока не рухнула без чувств.

Поднялся переполох, вызвали врача, делали какие-то уколы...

Я лежу в холодном поту, он обнимает, целует меня... Его словно подменили...

Надолго ли его хватило?

Ведь один из приятелей Яноша, врач по специальности, сказал ему, что у него поражена печень и, если он не прекратит пьянствовать, ему и десятка лет не протянуть... Разве это его остановило?

Хотя их изначальное взаимное доверие к данному моменту уже пошатнулось - даже Молодая Женщина держится не так свободно и открыто, как вначале, - при обсуждении очередной темы - преследования евреев, напряженность в их отношениях исчезает. Обе деликатно стараются помочь друг другу воспроизвести события поточнее.

Когда мы праздновали свадьбу, уже было введено распоряжение носить евреям желтую звезду. Моя подруга Эржи Хорват, на свадьбу не явилась, (>>) сказала, мол, в реформатскую церковь не пойдет, а я, дурочка безмозглая

(>>)сказала, мол, в реформатскую церковь не пойдет, а я, дурочка безмозглая...

возьми да упрекни ее, что я же, мол, по доброй воле ходила в синагогу. Маргит, в которую был влюблен мой брат Эгон, тоже не осмелилась прийти... Другая моя од-

ноклассница, когда узнала, что должна носить желтую звезду, забилась в истерике и с тех пор из дома не выходила. Наш общий друг привез ее на такси, пообещав прибить любого, кто сунется к ним с проверкой документов.

Все это тесно сплеталось с моей жизнью в первые дни замужества.

Впоследствии, когда гетто подверглось бомбардировке, Эгон вызвался выносить убитых, чтобы иметь возможность повидаться с Маргит и украдкой сунуть ей узелок с провизией.

Этот эпизод Маргит, которую теперь звали Мирьям, в тысяча девятьсот девяносто восьмом, при нашей встрече в городе Кириат Тивон описывала так: Эгон выносил тела убитых, а я бежала рядом. Я едва доставала ему до плеча - такая была маленькая - и без конца спрашивала: "За что? За что? За что?" Он не говорил ни слова, даже не смотрел на меня. По лицу его неиссякаемым потоком текли слезы.

Трансильвания была объявлена фронтовой полосой, но в Коложваре жизнь была ключом. Театры, кино были заполнены до отказа, в кафе и ресторанах все столики заняты...

Мы сидим компанией на террасе кафе "Нью-Йорк", и кто-то упоминает, что Тамаши разводится с женой. "Понятное дело, ведь она еврейка!" "Когда он женился на ней, она тоже была еврейкой!" - говорю я.

С разводом Тамаши тянул, пока не кончилась война. Тем самым он спас жизнь Магде и ее семье.

А потом произошла немецкая оккупация...

Возвращаюсь домой через сквер. И вдруг замечаю... под каштанами темные силуэты немецких танков с орудиями, изготовившимися к стрельбе. Рядом молча, недвижно застывшие солдаты, лишь огоньки сигарет красными точками вспыхивают во тьме. Мне кажется, я даже слышу их дыхание...

Мне казалось, будто я слышу их дыхание...

Одинокая женщина в темноте пересекала сквер, солдаты молча, в застывших позах наблюдали за ней. За то время, пока я шла мимо, - ни шороха, ни звука.

Тогда зародился во мне страх перед немецкими солдатами. Интересно, что их я боялась больше, чем впоследствии - русских.

Всех жильцов дома забрали; мы с Яношем были единственными христианами из всех. (>>) Людей гнали по лестнице. Среди них был маленький ребенок...

(>>) Их гонят по лестнице. Слышен истошный детский плач, падая, разбивается о ступеньку бутылочка с соской, молоко стекает по лестнице. Я выскакиваю, чтобы помочь,

жандарм обрушивается на меня, не лезь, мол, не в свое дело, и заталкивает обратно в квартиру. Я стою в прихожей, прижавшись к стене у двери, и слышу тяжелое, хриплое дыхание старухи, бредущей по лестнице, и умоляющий голос ее сына: “Она не может идти быстрее, у нее был удар”... “Ничего, мы ей поможем прикладами!”

Янош схватил меня за руку, втокнул в дальнюю комнату и запер на ключ. За семь лет нашей супружеской жизни это был самый милосердный его поступок.

Вообще он был крайне порядочным человеком. Не со мной, а со всеми остальными. Без лишних слов приходил на помощь, не ожидая в ответ никакой благодарности, и не выказывал страха.

Как-то раз едем мы на поезде, а на соседнем пути эшелон... Вагоны для перевозки скота с зарешеченными окошками...

Где это было?

Не все ли равно?

Наш поезд остановился, а на соседнем пути эшелон - вагоны для перевозки скота, окошки зарешечены колючей проволокой. Депортировали евреев из Трансильвании. Люди умоляли дать хлеба, воды.

Я наспех хватаю, что под руку подвернется, сую им. Солдаты, жандармы в ярости: кто посмел нарушить запрет?! Врываются к нам в вагон, выявить преступника. Янош возмущен их подозрениями, офицерским словом чести ручается за мою непричастность. “Отцепим вагон, не пропустим поезд, покуда не сыщется преступивший закон”. В этот момент объявляют воздушную тревогу, и жандармы вынуждены пропустить наш состав. Одна девушка из Коложвара узнает меня и, прижавшись лицом к решетке из колючей проволоки, кричит: “До свидания!” “На том свете!” - речочет жандарм.

Всплывает другая тема - снова Янош, - и напряжение между женщинами усиливается.

Тревожное настроение в городе росло, но жизнь продолжалась. Там были мои родители, братья-сестры, друзья... Окруженная их теплотой и любовью, я чувствовала себя словно в материнском лоне. Вот только Янош не любил меня, и я никак не могла с этим свыкнуться.

Как-то раз я обнаружила у себя маленький прыщик...

С вызовом смотрит на Молодую Женщину, ожидая, что та продолжит. Но Молодая Женщина мнетя, ей явно неловко.

Надо было тогда же развестись с ним. Немедленно, не откладывая в долгий ящик.

Маленький прыщик...

Да. На половых органах снаружи высыпала сыпь.

Прошло немало дней, прежде чем я, преодолев стыд, решилась сказать об этом Яношу.

Он мрачнеет и тотчас отсылает меня к врачу. Взобраться на смотровое кресло, позволить, чтобы залезли к тебе внутрь, разглядывали...

В конце концов ко всему привыкаешь...

...задают неприличные вопросы, а потом сообщают, что у тебя венерическая болезнь - гонорея... "Заболевание протекает в нетипичной форме, что означает: подцепили его не вы, а ваш муж! Я завел на вас историю болезни и в любой момент в вашем распоряжении - если подадите на развод, любому суду будет достаточно моего свидетельства".

А я, дуреха, возьми да спроси: "Но что, если это я подхватила?.."

"О-о, если вы сожительствоете с несколькими мужчинами одновременно, тогда, конечно, ваша болезнь не причина для развода". Врача явно забавляла моя тупость. "Разве нельзя заразиться в уборной?" На что он: "Можно, конечно. Только это неудобно".

Я по-прежнему ничего не понимала, даже его скабрезная шутка не дошла до меня! Наконец врач сжалился надо мной и завел долгий разговор. "Видите ли, милая дамочка, вы молоды и неопытны не по годам. В вашем возрасте вам полагалось бы знать больше. Вы стали жертвой безответственного негодяя, - и по сей день помню его слова в точности, - послушайтесь моего совета: возьмите медицинское свидетельство и подавайте на развод. Если вы не сделаете этого сейчас, то за прелесть вашего брака вам придется расплачиваться дорогой ценой.

Надо было послушаться его совета!

Надо было умереть.

Пожилая спрашивает, хотя заранее знает ответ: Яношу? Молодая Женщина не отвечает.

До чего же безгранична глупость человеческая! Я сердилась не на него, а на доктора, который хотел мне помочь. Злилась на собственную приниженность, а вымещала зло на другом.

Я расплачиваюсь и ухожу. И наконец до меня доходит смысл шутки насчет возможности подцепить гонореею в клозете. Рядом со мной никого нет, я одна, но все равно заливаюсь краской.

"Янош, я ничуть не сержусь на тебя, но Христом-богом заклинаю, скажи правду! Ты подцепил эту гадость от другой?"

Стоит только закрыть глаза, и я вижу перед собой его глаза, его взгляд.

У него высокий лоб, красивые серо-зеленые глаза, взгляд искренний, из глубины души...

Конечно! Когда человек врет, он концентрирует все силы, чтобы смотреть тебе в глаза прочувственно и искренне.

“Глупышка! Разумеется, мне не от кого было подцепить. Ты ведь сама жаловалась, что однажды в бассейне, когда зашла в туалет, поскользнулась и хлопнулась на стульчак. Тебе пришлось после этого подмываться; видимо, тогда ты и подхватила заразу...”

Впоследствии я про себя пыталась обелить его, дескать, с его точки зрения, ложь была оправданной, но напрасно: измена она и есть измена, самое настоящее предательство. И этот его проникновенный взгляд... Грубость, резкость, невнимание - я все могу простить. Но, когда отдавая всю себя, просишь взамен только искренности, а получаешь обман, - с этим я не способна смириться. У меня это сродни психической болезни.

Следует обсуждение темы менее интимной, вызывающей не столь большое напряжение, но тем не менее волнующей, и обе равно готовы воспроизвести давние события.

Лайош Вереш, командующий трансильванским корпусом, объявил эвакуацию Коложвара. Семья графа Эстерхази написала моим родным, чтобы те отправили меня в Чаквар, спасти от русских. Моя свекровь служила у них ключницей, а чакварское поместье находилось под защитой швейцарского Красного Креста. “В Задунавье боев не будет, территорию займут англичане...” и так далее. Словом, я буду в полной безопасности.

С горечью:

“В Задунавье боев не будет?..” “Английская зона оккупации, полная безопасность?..”

Наша семья принимает решение бежать. Ехать, куда зовут. Добираться поездом.

Бежать? От фронта? От русских? Но потом я сдалась, позволила себя уговорить - прежде всего из-за Яноша. Выходец из Венгрии, он не знал ни слова по-румынски... Мне не хотелось, чтобы румыны захватили его в Коложваре.

На вокзале страшная суматоха. Мы складываем вещи в зале ожидания, среди битого стекла и обломков деревянной обшивки...

Вопли, крики ужаса, все мечутся в панике. “Бомбежка!” В небе три точки побольше, от каждой отделяются еще по три точки, они стремительно летят вниз. Бомбы! Взявшись за руки, мы с Яношем бежим к ближайшему бомбоубежищу. Бункер находится под землей, спуск по

железной лесенке. Обезумевшие люди отталкивают друг друга, пытаясь поскорее спуститься. И вдруг, прямо над головой у нас...

...прямо на нас спустился самолет. Я стояла и как замороженная смотрела, как одна из трех точек растет на глазах, летит, падает на нас. Кто-то заорал дурным голосом: конец, мол, не спастись.

Теперь уже ясно, что спуститься мы не успеем. Янош хватает меня в охапку и сбрасывает в темную дыру под земелью, затем спрыгивает сам. Тотчас же наверху взрывается бомба. Я падаю на людей... Янош спасает мне жизнь.

Он в буквальном смысле слова спас мне жизнь, поскольку я в тот момент не способна была пошевелиться. И только диву давалась, глядя на его самообладание. Парадоксальным образом я никогда не чувствовала себя благодарной ему за спасение.

Я прислоняюсь к стене, не решаясь повернуть голову: в этот момент стали сносить изуродованные тела несчастных, которые застряли наверху. Многие из них еще живы. Один из раненых все время пытается что-то сказать, но из горла вырывается лишь хрип.

Люк укрытия захлопывают. Сверху доносятся взрывы, один за другим, и все в непосредственной близости.

Не хватает воздуха. Надо бы открыть люк, иначе мы задохнемся. Люк не открывается, его заклинило, мы заживо погребены.

Кто-то из собратьев по несчастью пытается запустить воздушный насос, но у него не получается, он бьется напрасну, хотя другие стараются помочь. "Всем не двигаться, не разговаривать, тогда расход кислорода будет меньше!"

Мы стоим, притиснутые друг к другу, как сельди в бочке, все мокрые от пота и судорожно дышим, покуда есть чем дышать.

Я прижимаюсь к лицу Яноша, он держит меня в объятиях. "Я не хочу умирать!" "Другие тоже..." Станным образом от этого мне становится легче. "Не бойся! Если сюда угодит бомба, я закрою тебя своим телом".

Кто-то прикрикнул на нас, чтобы мы прекратили разговаривать.

Мы умолкли... Потом в глазах у меня потемнело, я начала задыхаться.

Я открываю глаза. Передо мной черное отверстие величиной с ладонь, внутри которого вращаются крохотные зеленые лопасти. Медленно просачиваясь, поступает воздух.

Меня держали в приподнятом положении перед од-

ним из отверстий насоса, чтобы воздух поступал непосредственно. Каким-то образом насос все же удалось запустить.

К вечеру мы высвободились из заточения. Запертые в бетонной дыре, мы даже не догадывались, что во всем городе бомбардировке подверглись только вокзал и железнодорожные пути. Эшелон с беженцами был расстрелян с воздуха, тела убитых и раненых валялись вдоль полотна дороги.

Янош держался мужественно.

Взаимоотношения женщин снова меняются.

Молодая Женщина, для которой многое все еще внове, постепенно становится более самостоятельной, уверенной, жизнестойкой. И в то же время свыкается с другой, принимает ее, мирится с мыслью, что и она станет такой же, а пока присматривается к ней, старается многое перенять у нее. Пожилая, подметив и оценив это стремление, пытается завязать с ней дружеские отношения.

Скорей, скорей отсюда...

В сентябре мы наконец добрались до Будапешта. Над городом стлались черные тучи - горели бензоколонки Шелл. Из Будапешта подались дальше, в Чаквар. По пути остановились у одного из наших друзей. Янош позвонил по телефону в Чаквар, просил известить Маму, что мы живы и скоро прибудем.

При разговоре присутствовали хозяин дома и его мать. "Передайте, пожалуйста, Маме, что завтра увидимся". На другом конце провода задают какой-то вопрос, на что Янош отвечает: "Да, она тоже здесь..."

"Она" - это я, его жена...

Вдруг меня пронзила мысль, что я покинула Трансильванию и нахожусь в другом, чуждом мире. Почва под ногами у меня пошатнулась. Я вынуждена была осознать, что здесь, среди всех ужасов войны, я - одна-одинешенька.

Молодая Женщина с готовностью подбрасывает другую тему, чтобы перевести разговор.

Мамушка - добрейшее существо на свете: низенькая, пухленькая и туговата на ухо. Зато душа у нее чуткая.

А уж дворец Эстерхази!

Сто шестьдесят комнат, собственный театр и часовня, куда приходский священник специально является совершать богослужения, огромный парк, переходящий в охотничьи угодья, художественные сокровища... словом, невероятная роскошь. Ваннх комнат в доме нет, зато умывальник отделан мрамором, в углубления вставлены тазики для мытья из фарфора ручной росписи, один рядом с дру-

гим. Ниже - овальная лохань для омовения ног - тоже фарфоровая и с ручной росписью. По краям умывальника весело пляшущие пастухи и пастушки...

Знай они, что их ожидает, не стали бы веселиться.

Нам приносят два чайника воды - с горячей и холодной. Оставляют у двери и тихонько стучат. Выходя на стук, я ни разу не застаю никого из прислуги. Завтрак, обед, полдник и ужин подают на подносе.

То ли они так были вымуштрованы, то ли Мамушка их приучила.

Я ложусь в постель. Янош читает газету. Заходит Мамушка пожелать нам доброй ночи, целует меня, улыбается, стоя у изножья кровати. "Знаешь, что я придумала? Принесу-ка я тебе котенка, чтобы не скучно было..." Она прощается с Яношем, тот бурчит в ответ. Мамушка уходит. Янош продолжает читать, а я жду, жду до бесконечности. Затем он гасит свет, не обнимает меня, не удостоивает словом, не обращает ни малейшего внимания. Если же я пытаюсь заговорить с ним, огрызается: "Чего тебе не хватает? Кругом люди гибнут, а она, видите ли, со своими чувствами носится!..."

К тому времени я уже начала догадываться, что дурной болезнью заразил меня действительно он.

Часы на стене у кровати отбивали каждую четверть часа. Я играла с котенком, чувствуя, как с каждым боем в моей душе отзывается страх. Я была совершенно одинока, юная жена, влюбленная в своего мужа и ненужная ему.

Сердится он на меня, что ли? Но за что? Быть может, я опротивела ему из-за своей болезни? Но ведь уже все прошло. И я люблю его, стараюсь угадать его желания...

До сих пор у меня нет ответа на эти вопросы.

Зачем он женился на мне, если не любил? А если любил, отчего эта любовь была такой странной? Я не хотела выходить замуж, мечтала продолжить учебу, стать врачом. Ему стоило немалых трудов уговорить меня. Когда мы были уже обручены, я предлагала ему отменить свадьбу: я поступлю в университет и буду жить с ним как любовница.

Я и поныне горжусь своим решением. Это теперь внебрачные отношения в порядке вещей, а полвека назад для этого требовались немалая смелость и внутренняя свобода.

Я отправляюсь в Секешфехервар...

На врачебный осмотр, проверить, избавилась ли я от заражения.

...да, да.

Был какой-то католический праздник...

Тогда я еще придерживалась реформатской веры.

...какой-то католический праздник, в храме полно цветов, народу - не протолкаться, пахнет ладаном, звучат песнопения...

Молодая Женщина пытается воспроизвести мелодию, но вскоре прекращает попытки, поскольку плохо знает текст:

Мать Божия, Заступница ты наша...

Просительно смотрит на Пожилую, и та помогает ей, поет; через какое-то время и Молодая Женщина присоединяется к ней:

Всеблагая Мать наша,

Ты заступница мадьяр,

В бедах и невзгодах наших

Не оставь нас, не оставь!

Горят свечи, верующие поют и с плачем молят Деву Марию защитить Венгрию.

Неужто можно не уступить такой мольбе?

(>>) Мне сделалось страшно...

(>>) Меня охватывает чудовищный страх. Но затем я выхожу из храма; думаю, это на меня толпа так действует, очень уж я стала чувствительная да нервная. В конечном счете ведь все мы этого ждем: скорей бы уж прошел фронт и кончилась война.

Позднее, когда Секешфехервар не раз переходил из рук в руки, русские отрезали груди женщинам, которые путались с немцами.

Но прежде сами насильовали их.

Разумеется, я не могла предвидеть подобные ужасы, но тогда, в церкви, я почувствовала страх, витающий над этим краем.

Уехать обратно в Чаквар мне не удастся, из-за воздушной тревоги автобус отбыл раньше. Не беда, Янош и Мамушка узнают, что автобус отправился до срока, и сообразят, что я на него не попала.

Познакомилась с беженкой-учительницей, разговариваем, смеемся до упаду.

Янош этого не выносил!

...на ужин что-то перекусили, а вот на ночлег устроиться никак не можем. Наконец в холле какой-то гостиницы находим свободное кресло, но портье не разрешает нам там ночевать. И тогда один венгерский офицер уступает нам свой номер. Он устраивается в кресле, а мы поднимаемся наверх.

Больше мы этого юношу не видели. Когда ему последний раз доводилось спать в настоящей постели? И сколько раз в жизни довелось еще?

В умывальной такая грязь, что я предпочитаю не мы-

ться, ложусь в постель прямо в одежде, чтобы несвежее постельное белье не прикасалось к телу.

Не голода я боялась, а грязи.

Зато уж потом вывалилась с головой!..

Завтракали мы в кафе. Поворачиваю голову к окну и вижу: за огромным оконным стеклом во всю стену стоит Янош - измученный, небритый - и смотрит на меня. Заходит в кафе, какое-то время идет общая вежливая беседа, а когда мы остаемся вдвоем, он обращается ко мне:...

Пожилая продолжает текст Молодой Женщины:

Он обращается ко мне: “Я уж думал, ты сбежала. Пересчитал твоё белье - все комплекты на месте. (Выходит, он знал, сколько у меня белья?!) Тогда я сообразил, что какие-то обстоятельства помешали тебе вернуться. Обзвонили весь город, пытались узнать, где ты и как ты. Мама всю ночь проплакала”.

“А ты? А ты...”

“Пора бы уж отвыкнуть задавать дурацкие вопросы!”

Значит, он догадывался, что я несчастна? И знал, что без смены белья никуда из дома не отправляюсь?

Я погибала, когда наконец нашла спасательный круг. Когда у нас дома женский монастырь переоборудовали под госпиталь, во время каникул я ходила туда работать. Последние три года учебы в гимназии совмещала с обязанностями добровольной сестры милосердия.

“Сестрица”, - так называли меня больные, персонал - “сударыней”. Ну, какая из меня сударыня?!

Во время разговора встает, подходит к вешалке, облачается в белый сестринский халат; он полностью закрывает ту одежду, что на ней была. Даже повязывает косынку.

Найти прибежище в Чакваре, да еще подле дворца - по тем временам считалось удачей.

Приближался фронт...

Больных все прибывало. Врачи в первую очередь обслуживали только раненых, а сами с ног валились от усталости, лекарств не хватало, взамен обычных перевязочных средств использовались бумажные.

Терапевтическое отделение целиком и полностью взвалили на меня.

Всех покойников я пересчитывала по два раза: ведь вместо умершего можно выпустить на свободу кого-то живого - конечно, если человек в состоянии ходить и ему есть куда бежать. Для этого нужно снабдить беглеца одеждой и фальшивыми документами. Самая большая забота - обувь. Башмаки покойников я должна сдавать под отчет, где же набрать столько обуви, чтобы на всех дезертиров хватило?

“В терапевтическое отделение ночью забрался вор и похитил всю обувь!” - идея, по-моему, гениальная... Ах, какой сыр-бор разгорелся!

Врачи и сестры загибались от непосильной работы, зато администраторам нечем было занять себя. Вот они и вгрызлись в дело о пропаже обуви, давай выведывать да вынюхивать. Я ведь понятия не имела, какую опасную игру затеяла. Помогать дезертирам в военное время - за это полагаются расстрел на месте. Но мне-то откуда было знать!

Яношу я об этом не сказала.

Все терапевтическое отделение на мне, а кроме того я работаю и в операционной. Одного за другим приносят тяжелораненых людей, без сознания, а у нас ни лекарств, ни перевязочных средств, ни еды, ни коек. Вот тут и делай что хочешь!

Эти несчастные парни стойчески держались, несмотря на чудовищные условия, на близость смерти, которую они несли в себе и которая угрожала со стороны. Русские приближались, а с дезертирами тотчас расправлялись немцы, либо свои - салашисты. Наши солдатики ничего не знали о домашних, о близких своих, не знали и главного - чего ради они сражаются.

Вносят троих детишек, а четвертый...

Четверо пацанят подобрали на улице гранату, шандарахнули о стенку и стали смотреть, что будет. Один мальчонка погиб сразу же, остальных принесли к нам. (>>) У одного из них разворочен живот...

(>>) У одного из них разворочен живот, кишки вываливаются наружу, зубы, кости лица торчат, словно обглоданные, глаза вытекли.

Наш терапевт, доктор Хорват, оказывает первую помощь, я ассистирую. Все наши хирурги сейчас в Секешфехерваре. Звоним туда: при первой же возможности пришлют кого-нибудь на помощь.

Нам остается только ждать, ждать и ждать.

С девяти утра до четырех часов дня.

К десяти в лазарет подоспели обезумевшие родители.

Желают во что бы то ни стало видеть своих детей, узнать, в каком они состоянии.

Можно ли подпустить мать к изувеченному ребенку, когда сами мы сидим сложа руки и ждем?

Что нам делать с несчастными родителями? Мать мальчика с развороченным животом - корчмарка...

Повалили мы их на пол, связали, заткнули рты, корчмарку затащили в дровяной чулан и вкололи инъекции.

“Давайте дадим ребенку дозу морфия, побольше!” “Нельзя, врачебная этика запрещает!” “Тогда это сделаю я”,

- и готовлю шприц, но врач его у меня отбирает. “Но ведь его все равно не спасти, - шепчу я, опасаясь, как бы ребенок не услышал. - А если и вытащим... разве это жизнь?”

Бедняга Хорват! Он не спорил со мной, не пытался что-то объяснить...

“Я сказал - нет! А если вам немогут, выйдите!”

Господи, видишь ли ты это?!

Лазарету предстояла эвакуация. Хорват спросил, намерена ли я отправиться с ними или же остаюсь. Если откажусь ехать - расстрел по законам чрезвычайного положения.

Столько всяких провинностей, за которые грозит расстрел, что уже перестаешь бояться. Мне бы вырваться из дворца, освободиться от Яноша!. И конечно, госпиталю от меня была бы польза.

Хорват негромко добавил: “Хорошо, если бы вы поехали с нами, но, полагаю, вы останетесь. Впрочем, так оно для вас лучше...”

Молодая Женщина медленно, нерешительно снимает халат и косынку, снова вешает их на вешалку.

Я осталась.

Пожилая подходит к вешалке, чтобы подобрать одежду для Молодой. Их выбор падает на неприметные, поношенные, даже не всегда опрятные вещи: гарусный платок, меховую безрукавку, длинную юбку, фартук, сапоги, которые до сих пор валялись под вешалкой. Молодая Женщина надевает все это поверх платья, Пожилая помогает ей одеться.

Пришли немцы. Однажды утром ворвались к нам: “Немедленно покинуть усадьбу!” Пришлось спешно перебираться в дом лесника, народу нас набилось много. Вечером того дня, когда мы покинули дворец, немцы перепились, забросали ценные фрески банками с вареньем, перебили китайский фарфор, а венецианские зеркала изрешетили из автоматов...

На дороге валяется цилиндрической формы кожаный футляр, явно его кто-то потерял. Внутри чаша для причастия, тонкой ювелирной работы. Ко мне подходит какой-то мужчина и забирает находку. “Зачем вы открывали это?” - холодно спрашивает он. “Футляр валялся в грязи, на дороге, я и подняла, не зная, что в нем...” “Все равно вам не следовало дотрагиваться до священных предметов, коль скоро вы реформатской веры!”

“А вам не следовало терять...”

Будучи родом из Трансильвании, где еще сохраняются традиции свободы вероисповедания, я и предположить не могла, насколько напряженные здесь религиозные отношения.

Мы готовы к грядущим событиям, - так думали остальные. Я вообще ни о чем не думала.

В лесничество заявляются жандармы: идет облава на партизан...

Опустим жуткие подробности...

Кто-то донес на Яноша - это, мол, дезертир. Его забирают. У всех остальных есть оправдательные документы.

Кстати сказать, Янош три с половиной года провел на фронте, а остальные вообще пороха не нюхали.

Вся эта история напоминала какую-то непонятную, рискованную игру. Жандармский лейтенант строил из себя неподкупного, не соглашался принять из моих рук ни воды, ни вина.

Я была в ужасе и отчаянии...

Нет-нет, я этого не допущу!.. С трудом удерживаюсь, чтобы не повиснуть на шее у Яноша, не вцепиться в него. Внутри каждая клеточка дрожит от страха, но внешне ничего не заметно. Я словно закована в ледяной панцирь спокойствия.

Янош пожимает плечами: "Значит, такова судьба..."

Лейтенант всячески избегает встреч со мной, а их отряду уже вот-вот выступать.

Жандармскому отряду пора было выступать, а лейтенант все норовил не столкнуться со мной. Как вдруг случайно зашел в комнату, где я находилась одна.

"Вы не хотите видеть меня?"

"Нет".

Он нехотя сел. Я ни единым словом не обмолвилась о Яноше. Ни о чем не просила его. Поинтересовалась, есть ли у него жена? Выспросила о матери, братьях-сестрах. Но он и без того прекрасно понял мою невысказанную просьбу. И я знала - хотя он не проронил на этот счет ни слова, - что Яноша не заберут.

Ведь стоит мне высказать свою просьбу вслух, и лейтенант попадет в безвыходное положение. Приказ о расправе с дезертирами он обязан выполнить.

И в дальнейшем я окончательно убедилась на собственном опыте, что мольбы, слезы, душераздирающие сцены ни к чему. Слез и горя за войну навидался каждый. Невысказанная просьба действует сильнее. Только она должна быть подкреплена напряженными до предела нервами, сжатой в кулак волей. Всей силой твоего существа.

В рождественский Сочельник я наряжаю елку. Только мы начинаем зажигать свечи - стук в дверь... Беглые солдаты, венгры. Мы принимаем каждого - таков принцип Яноша. И мой тоже. У кого повернется язык сказать человеку, чтоб отправлялся обратно в лес, на мороз, без еды-

питья? Первым делом поскорее переодеть солдат в гражданское. Мы приглашаем их разделить с нами праздничный ужин, угощаем вином, одеваем гостинцами.

Несчастливые люди благодарят со слезами.

Так мы встретили Сочельник. Прочувствованно отпраздновали Рождество Христово, уповая на Спасителя. Обнялись, расцеловали друг друга и в обнимку отправились к себе в комнату. Мамушка укрыла меня одеялом, чмокнула еще раз. Янош не говорил ни слова. После того как погас свет, я ждала, прислушивалась. Напрасно! Он не приблизился ко мне и по-прежнему молчал. Тогда я сама прильнула к нему. “Возвращайся в постель, Мама услышит”.

Утром намазываю я медом хлеб, (>>) выглядываю в окно. Сильный снегопад, снег летит хлопьями...

(>>) Я выглянула в окно, снег падал густыми, крупными хлопьями. Во дворе я увидела двух запыленных снегом всадников...

Русские!

Сапогами распахивают дверь, солдат, как есть, весь в снегу, замирает у порога, вскинув автомат наизготовку. Нацеливает ствол поочередно на каждого из нас - молча, без звука. Все наши меняются в лице: у кого глаза округляются, у кого сужаются зрачки... Эти проявления страха мне впоследствии не раз приходилось наблюдать на лицах людей. “Венгерский” - говорю я, указывая на нас. И “еврей”. “Русский солдат добре. Немецкий не добре”. - Они чуть смягчились.

Однажды вечером в дом привели захваченного венгерского солдата. В кармане у него обнаружили то ли справку, то ли удостоверение - не знаю, я туда не заглядывала. И этот высокий, статный парень с ярко выраженными мадыарскими чертами лица вдруг начинает бегло говорить по-русски. Но по его напряженному виду чувствовалось, что его обвиняют, а он оправдывается. Парня увели, и за домом раздались три отрывистых щелчка... В ответ на мой вопросительный взгляд Янош кивнул: да, его убили!

Раз, и нет человека. На нас даже внимания не обращают, мы для них нечто вроде предметов обихода. В каждую комнату набиваются по тридцать-сорок человек, негде повернуться. Хватают все, что под руку попадет, даже не задумываясь над тем, что это чужое. Сидишь где-нибудь или стоишь, тебя не трогают, если, конечно, им не потребуется именно это место. Если потребуется - оттолкнут.

Ни разу, ни на минуту мне не пришло в голову, что кто-то среди такого множества мужчин может воспри-

нимать меня как женщину. Я вела себя совершенно непринужденно, остальные женщины - тоже.

Трудно обрисовать наше положение. О тишине и покое даже мечтать не приходилось.

В колодце иссякла вода. Растапливали снег и кипятили. Прежде поили лошадей, а уж потом пили сами. Все эти неудобства сносили вместе с русскими и мы, мыться - давным-давно не мылись. Ни воды, ни места, ни подходящего случая.

Мы невыразимо жаждали мира. Русские - нет, они рвались в Берлин. Победители, они упивались своими боевыми успехами.

“За здоровье Сталина!”

Принесли какую-то выпивку, разлили в большие стаканы, поднимем, мол, за здоровье товарища Сталина. Кто не выпьет с нами, тот, значит, враг. Я подношу к губам стакан, а там палинка. Пытаюсь не допивать до конца - какое там, орут со всех сторон, пей, мол, до дна. После этого Янош усаживает меня в уголке, и я засыпаю. Никто меня не трогает.

У меня и в мыслях не было, что меня могут тронуть.

В отряде есть женщина, зовут ее Надей. Как-то вечером она хватает меня за руку, ведет в кухню, пытается закрыть дверь...

Привязала ручку веревкой..

Громко кричит что-то по-русски: вероятно, требует, чтобы не рвались на кухню, потом греет воду и моет в тазу голову. После этого моется сама, стирает бюстгальтер и трико и прямо так, мокрыми, надевает снова. Когда раздевается, просит меня перерезать шнурок, которым бюстгальтер завязан сзади. Потом показывает знаками, чтобы я потеряла ей спину, а снова натянув на себя мокрый лифчик, велит опять стянуть его шнурком. “Покрепче, - говорит, - потуже!” И потом неделями будет ходить так: скакать верхом, идти в бой. Лишь так, туго затянутая, может она находиться среди множества мужчин.

Зачем сунули в мужской отряд одну-единственную женщину? Я ни разу не видела, чтобы к ней приставали, лезли обниматься.

На постой приходит другая часть. Не знаю, кто они такие, говорят не по-русски. Эти питаются сырым мясом - свежемороженой свининой. Предлагают нам - подсолненное есть можно.

Безалаберность русских, которая непонятным образом все же превращается в некий порядок, остается для меня тайной за семью печатями. Равно, как и их поведение: никогда ничего нельзя было вычислить, может выйти так, а может и совсем наоборот. Немцев я всегда

больше боялась. Если они сказали - казнят, можно было не сомневаться: казнят. Страх этот, своего рода атавистический, был связан с гестапо. Гонения на евреев лишь усугубили его.

Наконец мы снова возвращаемся в Чаквар, только на сей раз в дом приходского священника. Это приказ - не немцев, а русских.

Среди нас находится старый, больной и вдобавок глухой югославский священник. Капеллан, худющий язвенник, пребывает в отсутствии; я достаю из буфета стакан, чтобы напоить старика священника, и забываю поставить на место.

Ни священник, ни я не знали немецкого, и все же как-то ухитрились объясниться. Как-то раз он мне сказал: "Gnädige Frau, Sie sind so gut, Sie müssen katholisieren". Это я поняла: дескать, при моей доброте мне место среди католиков, - и замечание его меня очень позабавило... Знать бы тогда, что через какой-то десяток лет, во время правления Ракоши, я действительно перейду в католичество!..

Возвращается капеллан: "Почему стакан не на месте?"

А уж приходский декан, тоже хорош субъект!

Заставляет нас выколачивать свои персидские ковры, прячет свое барахло, чтобы не растащили, от него картофелины не дождешься, хотя в подвале картошки навалено до потолка, а это куча метра в три высоту.

"Неужто вы, господин декан, Бога не боитесь?" "Сразу видно, что из реформатов, так непочтительно говорить со священнослужителем!"

Остальные прячутся в подвале, мы с Яношем наверху со стариком священником - его не снести вниз вместе с ложем, - расположились у него в изножье на полу. Прислушиваемся к грохоту взрывов. "Gott sei Dank, heute ist ganz Ruhe! Слава Богу, сегодня совсем тихо", - произносит старик. Иногда глухота во благо. Мы с Яношем прыскаем со смеху, как вдруг распаивается дверь. Русские солдаты. Кричат во всю глотку. Хватают Яноша и уводят, как есть - в шлепанцах, в домашней куртке, с непокрытой головой. Всех мужчин забирают. Я бегу за ними. "Нет, нет! не забирайте его у меня, не разлучайте нас, Бог весть, что с ним будет!"

Для меня это самая ужасная ночь в жизни.

Самая ужасная? Как же я заблуждалась!

Наутро я в одиночестве отправилась на поиски. Закрыла подушкой уши, чтобы не оглохнуть от канонады. Явилась в комендатуру. Там уже собралось очень много просителей, среди них девчушка с кровоточащей раной на голове, откуда был вырван клоч волос. "Русские

прошлись по ней”, - пояснила мать девочки, измученной и жалкой. Я не поняла.

“Велосипедом, что ли?”

“Совсем сдурела! Не знаешь, что делают с женщинами?”

Янош знал, но не сказал?

Янош знал, но не сказал. Должно быть, венгерские солдаты в русских селах вели себя не лучше. Разве что не с такой необузданностью. Но тут Восток ворвался на Запад.

Нас обвиняют в шпионаже, пособничестве немцам, поскольку сразу же после боя часов на церковной башне снаряды прямым попаданием угодили в штаб русских, было много жертв. Считается, что мы отсюда, из дома священника, подали сигнал. Поди объясни, что это всего лишь случайное совпадение. Русские живут в другом мире, понятие башенных часов на церкви им не известно. Часы - это они знают, да и мы выучили это слово по-русски. Все время только и требуют “часы”.

После ухода советских боевых частей во всей стране наручных часов почитай что и не осталось.

Отношения женщин вновь меняются (но не сразу, а постепенно). Молодая Женщина становится сперва равнодушной, затем враждебной, она отвергает адресованную ей (выражаемую лишь жестами, но не прикосновением, не прямым контактом) любовь, жалость, желание помочь; разочарованная, отчаявшаяся, она упрямо отворачивается от Пожилкой. Если та до сих пор не сумела защитить ее, теперь пусть оставит в покое. Эта установка Молодой Женщины проявляется в том, что она перебивает, одергивает Пожилую, ни во что не ставит ее слова, опровергает, отрицает сказанное ею. Пожилая Женщина, хотя яснее ясного понимает, что раздражение, неприятие другой относится, собственно говоря, не к ней, распространяется на весь окружающий мир, постепенно вынуждена смириться с этим поведением.

Однажды ввалилось множество солдат, все обыскали, перерыли вверх дном. Один из них отозвал меня в сторонку, показал фотографию.

Отзывает меня в сторонку, показывает фотографию - Янош в офицерской форме. “Военный, офицер, предатель, немецкий шпион!” Текст мне понятен, эти слова мы усвоили прежде всего. И показывает знаками: мужа, мол, твоего расстреляют. Так и говорит - “твой муж”. Потом увлекает меня в комнату...

Потом завлек меня в комнату. Я пошла с ним, знала, чего он хочет. Солдат положил фотографию на тумбоч-

ку у кровати и завалил меня на постель. **Я боялась только одного - что он не отдаст фотографию. Кончив свое дело, он взял в руки фотографию. Я по-прежнему боялась, вдруг да не вернет, но... На мне была клетчатая блузка с карманом на пуговке. Он расстегнул карман, сунил туда фотографию, снова застегнул пуговицу и ушел.**

Мамушка точно знала, что произошло, но мы не говорили с ней об этом.

Появляются какие-то чужие люди, говорят, что захваченных мужчин, мол, убили: заставили вырыть яму, поставили на край и прикончили выстрелом в затылок.

“Неправда!” - говорю я Мамушке и точно знаю, что это неправда.

Я ужасно боялась, меня колотило от страха, но так хотелось верить, что это неправда!

Знаю, что это неправда, чую всем нутром...

Следует воспроизведение эпизода, к которому ни одной из них не хочется приступить; уставясь в упор друг на друга, они выжидают. Молодая Женщина - сплошной протест и враждебность, Пожилая стесняется происшедшего. Молодая нервно расхаживает взад-вперед, пытаясь снять напряжение, - похоже, намеревается покинуть сцену, сбежать. Пожилая и рада бы ее успокоить, но... какое там!

Входят трое русских, на ломаном румынском велят мне следовать за ними.

Эти части воевали в Румынии, вот и наловчились чуть-чуть по-румынски.

Идти с ними... Я ведь знаю, чего им надо.

Я знала, чего они хотят, но Мамушке сказала, что меня, мол, забирают в госпиталь, ухаживать за ранеными. Она посмотрела мне в глаза: “Не ходи, дочка, не ходи!”

После первых фраз обе успокаиваются. Молодая Женщина, свернувшись в позе эмбриона, устраивается на лавке, лишь временами поворачивает голову. Пожилая поворачивается к ней спиной и рассказ свой адресует зрителям.

Идти с ними... Я знала, чего они хотят. Непонятно откуда, но знала.

“Не беспокойтесь! Ничего страшного, Мамушка. Меня уводят в госпиталь”. Мамушка умоляет остаться...

С этого момента обе какое-то время вместе пересказывают событие. Хотя текст один и тот же, но интонации разные, и паузы они делают в разных местах. Молодая Женщина иногда неоправданно долго затягивает паузу, иногда наоборот ускоряет речь - лишь бы отличиться от Пожилрой, которая стремится сгладить противоречия.

Молодая Женщина произносит текст механически, апатично, Пожилая - с легкостью, чуть ли не с юмором.

Суть же заключается в том, что манера речи ни одной из них эмоционально не воспроизводит пережитые ими ужасы: каждая по-своему отталкивается от них.

Я сказала им, что мать меня не пускает, а они указали на железный косяк печной дверцы: мол, разобьют ей голову, если я с ними не пойду. Во время разговора слышала какое-то постукивание под ногами... каблуки сапог выбивали дробь - меня всю трясло.

Мы вышли в коридор, и я, ни слова не говоря, накинулась на них с бешеной силой, колошматила руками и ногами, но в следующий момент очутилась уже на полу. Меня потащили в кухню и так шваркнули об пол, что я ударилась головой об угол мусорного ящика и потеряла сознание.

Очнулась в комнате декана... Окна вкривь и вкось забиты досками, на постели - ничего, кроме голых досок. На них я и лежала. А на мне - солдат. Откуда-то из-под потолка донесся отчаянный женский крик: "Мама! Мамочка!" И вдруг я сообразила: да это же я, я кричу.

Солдаты установили время, сколько придется на каждого. Смотрели на часы - чиркали спичками, щелкали зажигалкой - у одного из них была зажигалка, - проверяли, не вышло ли время. Поторапливали друг дружку. Один поинтересовался: "Добре робота?"

Хорошая работа?

Я говорю им, что мать меня не пускает, а они указывают на железный косяк печной дверцы: мол, разобьют ей голову, если я с ними не пойду. Во время разговора слышу какое-то постукивание под ногами... каблуки сапог - меня всю трясет.

Мы выходим в коридор, и я, ни слова не говоря, накидываюсь на них с бешеной силой, колочу руками и ногами, но в следующий момент оказываюсь уже на полу. Меня тащат в кухню и так швыряют на пол, что я ударяюсь головой об угол мусорного ящика и теряю сознание.

Прихожу в себя в комнате декана... Окна вкривь и вкось забиты досками, на постели - ничего, кроме голых досок. На них я и лежу. А на мне - солдат. Откуда-то из-под потолка доносится отчаянный женский крик: "Мама! Мамочка!" И вдруг я соображаю: да это же я, я кричу.

Солдаты распределяют время, сколько приходится на каждого. Смотрят на часы - чиркают спичками, щелкают зажигалкой - у одного из них была зажигалка, - проверяют, не вышло ли время. Поторапливают друг дружку. Один интересуется: "Добре робота?"

Хорошая работа?

Совместный рассказ на этом кончается. С этого момента каждая произносит свой собственный текст.

Сколько времени прошло, сколько их было?.. К рассвету я поняла, как ломается позвоночник. Тебе запрокидывают ноги на плечи и входят, стоя на коленях. Если делать это чересчур энергично, у женщины не выдерживает позвоночник. Его ломают не намеренно, а в порыве необузданного насилия. Свернутую улиткой женщину катают на позвонках взад-вперед, на одних и тех же нескольких позвонках и даже не замечают, что они треснули.

Я чувствовала, что солдаты меня доконают, я умру у них в руках. Позвоночник был поврежден, но не сломан. Спина превратилась в сплошную рану, сорочка, платье намертво присохли к кровавому месиву, но поскольку болело все тело, рану на спине я ощутила лишь впоследствии.

Потом мы с Миной, моей товаркой по несчастью, размышляли, сколько солдат прошлись по нам в ту ночь! С ней творили то же самое в соседней комнате. И почему обязательно на полу?

А в другой раз... У Мины были длинные волосы, солдат накрутил их на руку и поволок ее. Мина орала не своим голосом, звала меня по имени. Я выскочила...

...зовет меня по имени. Я выскакиваю. Помогите! Как тут поможешь?

Тогда впервые увели и Мамушку...

Мамушку забирают, хватают всех подряд!

Когда ее забрали впервые...

Мамушка прокляла Бога. С плачем и криками отрекалась от него.

С того дня она перестала быть верующей и в церковь больше не ходила.

Впоследствии я поняла, почему в Израиле так много атеистов.

Какое-то время обе молчат.

Я пошла к лекарю в Чакваре. Он успокоил меня: если есть кровотечение, то все в порядке, никакую заразу не подхватишь.

Вранье! Видит, я знаю, что все обстоит как раз наоборот, и все-таки лжет.

**А что ему оставалось делать? Лекарств никаких...
Ложь во спасение...**

Если до сих пор Молодая Женщина держалась отстраненно, то теперь - почти что враждебно.

Однажды ночью чувствую - больше не выдержу! Выпрыгиваю из окна и - бежать.

Нигде не пускают меня в дом. Знают, что меня насило-

вали много раз, и боятся, как бы русские за мной не явились.

Прошу: “Пустите хоть в хлев к скотине!” - Нет, нет и нет. В подвале... Нет! Даже в калитку никто не пускает, ни врач, ни те люди, что знают меня. Продрогнув на морозе, приходится возвращаться в усадьбу священника. К тем, от кого хотела спастись.

А как-то раз и вовсе чуть не пристрелили.

В подвале...

Ставят нас четверых к стенке...

Мамушку, Мину, меня... кто же был четвертый?

...и говорят: все, сейчас, мол, вас расстреляем. Первая пуля входит в стену рядом со мной. Тогда я поворачиваюсь и...

...пуля вошла в стену рядом со мной. Тогда я повернулась и глянула на них в упор. Еще когда нас ставили к стенке, я чувствовала, что это не всерьез - подсказывал внутренний голос. Чтобы на расстоянии трех метров русский солдат промазал из автомата... бред да и только! Когда я повернулась и рассмеялась им в лицо, они настолько оторопели, что сразу же опустили оружие. Подошли ко мне, стали хлопать по спине, смеяться: браво, браво! Им пришлось по душе... Но что именно? Собственная шутка, моя отвага, моя интуиция, вся комедия в целом?

Таковы эти русские: одной рукой били, другой гладили.

Иной раз доходило до рукопашной: один лез насильничать, другой защищал, один норовил измордовать, другой излечивал, один отбирал, другой давал.

Иногда вваливались с сияющим видом и приносили то-се в подарок. Потом оказывалось, что “подарки” были похищены у соседа. Бывало и так, что мы прятали у соседей свое барахлишко, а солдаты находили его там и приносили в подарок, не подозревая, что это наши собственные вещи. Но и мы не были святыми, запускали руку в их скарб, а они не обижались на это. Вообще в войну зародилось нечто вроде коллективной собственности... Когда все мы очень голодали, русские делились с нами последним куском.

Молодая выжидает, затем более миролюбиво: Однажды ночью солдат... точнее, русский солдат...

Однажды ночью... когда не понять было, кто буйствует и где, в дом угодила бомба, и начался пожар, и сносить этот ад было не под силу...

...русский солдат сжалился надо мной и вывел из горящего дома. Я позвала Мамушку, и солдат не возразил, позволил взять ее с собой. Мы брели зимней ночью, в

комендантский час. Он завел нас в какой-то подвал - винный. На полу, плотно прижавшись друг к другу, лежали человек семьдесят. Конечно же, им показалось странным, что нас привел русский солдат, но никто и пикнуть не посмел. Мамушке уступили стул, и она присела на нем до утра, я же...

Разве там было лучше, чем в усадьбе священника? Ничуть не лучше!

Измученная, я не держалась на ногах. Рухнула на пол, забралась под стол у входа, единственный во всем подвале, другого свободного уголка не нашлось. Пол был волглый, под нами хлюпала жижа. Должно быть, я растянулась во сне, так как утром проснулась от того, что...

Кто-то наступил мне на голову. "Смотрите-ка, здесь девушка! Молоденькая!" Кто я, откуда? "Из Коложвара". В ответ смех. "Как, прямиком?" Я выбираюсь из-под стола...

"Нет, из усадьбы священника". Наступила мертвая тишина - все знали, что там происходит. Но меня не выставили за порог. Здесь собрались сплошь беженцы.

Нам помогают перенести валяющуюся на земле калитку разбомбленного дома, на ней мы с Мамушкой спим. На середину ее части ложа приходится замок и железное кольцо, я вынуждена примоститься между кольцом и скобой. Мамушка худеет на глазах, я снова иду к врачу за советом. "Пусть пьет побольше, иначе долго не протянет". Легко сказать, ведь даже воды в сутки приходится по кружке на человека.

Я прошу у русских стакан молока.

Я знала, что придется расплачиваться. Переспать ради стакана молока.

Как-то раз начальник комендатуры пообещал мне половину свиного окорока... Господи, в голодные времена, и вдруг - половину окорока!

Мне нужно перепрыгнуть через канаву. Лицо я мажу сажей, хожу сгорбясь, как старуха, а тут... во время прыжка, позабыв обо всем, выпрямляюсь. Комендант наблюдает эту картину из окна, велит доставить меня к нему, якобы для официального допроса.

Если останусь у него на ночь, получу свинины. Полокорока.

Я осталась не раздумывая. В постели он почувствовал на ощупь, что из меня течет. "Вода", - сказал он. И кажется, спросил, не больная ли я.

Почем мне знать? После стольких солдат!

Со мной он ласков и нежен...

...Уж лучше бы он меня изнасиловал! Выхожу от него, а навстречу мне повариха, она в госпитале тоже кашеварила. Во взгляде ее читается: сама полезла к нему в пос-

тель, ведь не заставляли, не били... Вот до чего докатилась некогда скромная “сестрица”!

“Шлюха” - вот что она обо мне подумала. Собственно говоря, я и была шлюхой. Продажная девка ложится за деньги или за какое-либо другое вознаграждение. Шлюха - та, кто сознательно торгует своим телом, лишь бы чем-нибудь разжиться. Молоком, матрасом, свиной...

Свинину он так мне и не дал...

И к лучшему!

...я вздохнула с облегчением.

В подвале меня встречают новостью: в мое отсутствие заглянул Янош, выкликая с порога мое имя. В этот момент задержанных мужчин гнали из села, и Янош просил дать ему что-нибудь на голову. Он по-прежнему был в домашней куртке и в тапочках.

Мне казалось, сердце у меня разорвется.

“Сердце разорвется, а земля прогнется,

И сыночек малый ко мне не вернется”.

Забрали и все его рукописи.

Но я среди ночи по памяти, строку за строкой, восстановила его стихотворения. Каждое слово, каждую строфу - и записала на бумаге. А ведь я не заучивала их специально, и все же сумела вспомнить четырнадцать стихотворений.

Но даже эти никчемные клочки бумаги, и те отобрали русские!

Воды было так мало, едва хватало для питья, а уж о мытье и вовсе нечего говорить... Из меня непрерывно текла кровь. Когда нас выгоняли рыть окопы, на морозе кровь примерзала к белью; по ночам оттаивала и засыхала коркой, натирая промежность, ноги. От меня все время исходил запах крови.

Но ведь и все вокруг пахло кровью!

Я раздеваюсь, чтобы поискать в одежде вшей. Женщина позади меня в ужасе вскрикивает: снимая комбинацию, я разбредила рану на спине. “Ты разве не знаешь, что у тебя на спине рана? Не чувствуешь, что сорвала корку?”

Все мы покрылись коростой... Голод, нищета, грязь, вши, болезни... и вечный страх...

Я сплю. Заходит русский солдат, будит меня. Склоняется надо мной, встряхивает. “Нет! - умоляю я. - Не трогай! Не трогай меня!”

Женщина, которая видела мою израненную спину, потом рассказывала, что я походила на лошадь, перепуганную насмерть: ноздри расширились и вздрагивали, жилы на лбу вздулись, зрачки сделались огромные...

“Люди, помогите ради Бога! Сходите кто-нибудь в ко-

мендатуру, попросите подмоги! Или пошлите ребятишек, детей они не трогают...”

Никто и ухом не ведет.

После каждого крупного сражения, после очередного перехода из рук в руки... То немцы, то снова русские. Это называется “мир, безопасность, зона британского влияния...” Нас угораздило попасть в самое скверное место во всей Венгрии, фронт прокатывался здесь волнами целых три месяца.

После каждого сражения или обратного захвата победителям на трое суток полная свобода и разгул: грабь, насилуй, сколько хочешь. Потом - запрет, вплоть до расстрела. Горе тому, кто попадется, или на кого покажут очевидцы. Но это по истечении трех суток.

Восемьдесят человек, и все молчат, как убитые...

Покорно сносят, что меня насилуют на глазах у них и их детей.

Как они отчитаются перед собственной совестью?

Перед собственной совестью? Да им и в голову не придет считаться с ней!

А я... каково мне держать ответ перед своей совестью, если из страха не протянешь другому руку помощи? И ведь сколько раз не протягиваешь!..

Стоят выстроенные шеренгой солдаты, и я должна указать насильника. Утро холодное... я иду вдоль строя... солдаты стоят, вытянувшись по стойке “смирно”. Слева от меня два сопровождающих офицера. В глазах одного из солдат...

...я увидела смертный страх. Глаза у него были голубые...

...совсем юный паренек. Он... да, это он!

В глазах у него промелькнуло нечто такое ужасное, неодолимое, что я тотчас почувствовала: нельзя! Какой смысл лишать парня жизни, когда остальным все сошло с рук?

Почему именно он один должен расплачиваться за всех?

Бессмысленный протест и горечь Молодой Женщины иссякают, постепенно растворяясь в терпеливом сочувствии Пожилой, и сменяются апатией.

Один свет в окошке - Мамушка. Если бы не она...

Мамушка... добрая, кроткая, молчаливая...

В подвале, где все раздражаются, ссорятся, кидаются друг на друга...

А промеж нас ни одного резкого слова. Редко, когда мать с дочкой так любят друг друга, говорят про нас.

Я поправляла их: Мамушка мне не мать, а свекровь. Люди отказывались верить.

Ангельская душа...

Когда я отправилась на поиски Яноша, молить, чтобы его не угоняли и оставили в живых, она сказала: "Не ходи..."

"Не ходи, останься здесь, не то сама в беду угодишь".

Когда до нас дошли слухи, что Янош расстрелян, а я в ответ заявила, что это неправда, она с улыбкой взглянула на меня.

"Если ты говоришь - нет, значит нет! Нам нечего бояться".

Одной женщине удалось раздобыть свежий хлеб. Разломил его, и они с ребенком принялись есть. Я пришла в необычайное волнение, до того захотелось хлеба, что меня аж бросило в пот. Я уж подумывала было подойти и предложить в обмен на кусочек хлеба единственное мое сокровище - мазь для заживления ран. Я не решилась подойти к женщине, но - свершилось чудо...

Женщина посылает мне с ребенком кусок хлеба - настоящего: свежего, мягкого, пахучего. Медленно-медленно я отщипываю по чуточке, чтобы растянуть удовольствие.

Происшедшее казалось мне поистине чудом, словно разверзлись небеса, явив это воплощение доброты. Я ела медленно-медленно, чтобы растянуть удовольствие.

Конечно, когда русские время от времени сгоняли население на рытье окопов, это был адский труд: пробивать киркой мерзлую землю, под непрерывным обстрелом... Но зато нам давали еду!

Или, когда заставляли чистить картошку, очистки отдавали нам. Мы относили тем, кто голодал, или прятали впрок, чтоб посадить по весне. Приходилось ловчить: тайком срезать кожуру потолще, чтобы "глазки" оставались. Ведь тогда, в феврале, уже было ясно, что к весне война не кончится, а стало быть, и картошки не видать.

Как-то ночью солдаты перепились; горланили, веселились. Нас, по счастью, оставили в покое. Наутро позвали меня убираться. На полу, потемневшем от грязи, окурки, растоптанные объедки, блевотина...

...окурки, растоптанные объедки, блевотина, к стене прислонены автоматы... сидят в своих ватных телогрейках и смотрят, как я подметаю, затем скоблю пол. Насмехаются: вот ведь и для барышни-белоручки работенка нашлась. Блевотина воняет, а они с места не сдвинутся, чтобы легче было мыть. Я залезаю под стулья, мою пол вокруг их ног. Они регочут. Один солдат ставит ногу в сапожище мне на руку - нет, не наступает на нее, просто пострацать решил, но набойка ранит кожу на тыльной стороне ладо-

ни. Не глубоко, однако течет кровь. Я продолжаю скоблить пол, будто и не замечая крови. Остальные набрасываются на моего обидчика...

Ну, и переполох поднялся!.. Солдаты орали, осыпали бранью и даже тумаками того, кто наступил мне на руку. Подхватили меня и - бегом к русскому доктору. Он им тоже всыпал по первое число, а солдаты завалили меня подарками: кто сунул ложку, кто - складной ножик, две буханки хлеба, пестрое летнее платье...

Однажды, когда ворвались два-три солдата и снова хотели уволочь меня, Ружика, дочь тетушки Анны, сбегала за подмогой в комендатуру. Солдаты разбежались, остался один из них, Сергей. Подоспевший патруль как следует отметелил Сергея и забрал с собой. На другой день Сергей явился снова со своими дружками и давай на меня кричать: ему, мол, по моей вине досталось. Поскольку у русских среди женщин и мужчин равноправие, значит, теперь моя очередь расплачиваться за те оплеухи и зуботычины, что он схлопотал. Поставил меня посреди комнаты. Ну, думаю, сейчас он мне так врежет, что зубов не досчитаешься. Я изготовилась: глаза зажмурила, ноги слегка расставила, чтоб не свалиться, и жду. Над ухом раздается оглушительный хлопок - Сергей хлопнул в ладоши и вlepил мне поцелуй. Свидетели сцены покатывались со смеху.

По сути говоря, этот забавный случай относится к моим приятным воспоминаниям...

Вот так мы и жили.

В одном из парадных залов дворца оборудовали пункт первой помощи - сюда меня и определили в работницы. Перестрелка не умолкала ни на минуту. Раненых тащили на носилках, на спине, в охапку - как сподручней было. Пол был застлан соломой, на солому их и укладывали... Грязь, кровь, сопли, испражнения... но никто не кричал, не жаловался.

Смелые были русские невероятно, боль и страх им были ни о чем.

У одного левая рука изрешечена автоматной очередью. Приносят топор, затачивают, а потом давай раненого поить - стакан, другой... Когда он уже пьян до бесчувствия, отрубают кисть топором.

В средние века тоже применяли этот способ.

Посылают меня к другому раненому. У этого раздробленные пальцы висят на ниточке. Что же мне с ним делать? Спасти то, что возможно, остальное отрезать. "Чем?" "Ножницами!" Найти ножницы и отстричь.

Найти ножницы и отстричь... Это не увязывается с моими представлениями о гигиене. В конце концов, что

мы теряем? Если пальцы не отрезать, раненому грозит гангрена. Грязными ножницами, без всякого обезболивания, отрезать поочередно пальцы человеку, находящемуся в сознании?!

Я поворачиваюсь и ухожу. Пусть хоть стреляют на месте...

У меня не хватило духу проделать эту чудовищную операцию. Я повернулась и - пусть хоть бьют, хоть стреляют! - ушла.

Хоть бы умереть! Но поезда в Чакваре не ходят, под колеса не кинешься, из окна не выбросишься - высокие этажи только во дворце, а там полно русских. Разве что грохнуться головой о колодезный сруб... Я бреду по улице. Хочу умереть, дальше терпеть не под силу. Начинается налет, пикирующие бомбардировщики прочесывают дорогу, а я иду по самой середине дороги и не пытаюсь найти убежище. Пусть меня накроют. "Господи, пусть меня убьют!" И все же, когда самолет пролетает надо мной, я невольно пригибаюсь, опускаюсь на четвереньки... и продвигаюсь вперед на четвереньках. Не распластываюсь плашмя, вжимаясь в землю, не ищу убежища, я ведь хочу умереть, но... я не в состоянии идти, выпрямившись во весь рост.

Не знаю, откуда взялась эта смертельная усталость. Вроде бы я уже перестала бояться солдат, но сама мысль о том, что просыпаешься от грохота автоматной очереди - выбит дверной замок, и они врываются, приводила меня в ужас.

Эти бесконечные надругательства, грязь, болезнь, которая уже во мне сидела, повышенная температура, - все это доконало меня. Но, пожалуй, последней каплей, переполнившей чашу мук и терпения, оказался тот слух с молодой женщиной...

...Вбежала под навес молодая женщина, на последнем месяце беременности, в живот ей угодил осколок. Сперва вывалились наружу кишки, затем выпал плод. Он барахтался на земле, а мать с воплем смотрела на него, пока не скончалась.

Бога нет! Не мог же он попустить этого!..

Вновь - медленно, постепенно - меняются отношения женщин. Безучастность, апатия Молодой проходят, внимание ее снова обращено к Пожилкой Женщине, поначалу она всего лишь принимает ее поддержку, затем даже дает понять, что нуждается в ней. Почувствовав это, Пожилая, естественно, с готовностью помогает ей.

Долгая пауза, обе недвижны.

Наконец молодая Женщина встает и робко, неуверенно начинает освобождаться от навьюченного на нее

тряпья. Пожилая подходит к вешалке, чтобы подобрать ей одежду. Берет длинный халат, помогает Молодой облачиться в него. Молодая Женщина медленно раздевается вплоть до белья, процедура переодевания длится довольно долго. Снимаемая одежда сбрасывается прямо на пол. При этом Женщины не перестают беседовать.

Декан, человек жесткий, безжалостный, к тому же скупердяй, заявил, что все беды обрушиваются на этот дом исключительно по моей вине: среди католиков затесалась заблудшая реформатская овца. Добрая, кроткая, голубоглазая Мамушка всплыла: “Да вы и мизинца этой женщины не стоите! Если Господь и карает этот дом бедами, то из-за вас, а не из-за нее!”

Эвакуация! Велено собрать вещи и - в путь.

В течение десяти минут мы должны покинуть село.

Десять минут на сборы. Уезжаем, одолжив лошадь с телегой...

Будапешт разбомблен, но по сравнению с Чакваром показался мне мирным и благоустроенным. Мама с семьей, после того как фронт переместился дальше, переместились из Коложвара к моему дяде, где я и застала их.

Когда я позвонила у двери... подумать только, звонок работает!.. открыла мама.

В квартире было много чужих: мои родственники приютили жильцов из соседнего разбомбленного дома.

Мама обнимала меня, плакала от счастья. Я тоже была рада, что родные живы.

Но так, как надо бы, по-настоящему радоваться уже не могу. Ничему.

Мы сели за стол: отварной язык с томатной подливкой. Изумлению моему не было предела. Я молча поглощала деликатесы. В кармане у меня хранился кусочек колбасы - про запас, на крайний случай... я даже не достаю его - людей смешить.

“Русские насильничали женщин, - заводит разговор мать. - У вас тоже?” “Да, у нас тоже”. “Но тебя-то не тронули?” “А как же? Всех без исключения”. Она задерживает на мне взгляд. “Почему же ты далась?” “Потому что били”.

Тут кто-то с легкостью, шутливым тоном интересуется: “И много их было?” “Не считать”, - я продолжаю есть. “Представь себе, говорят, от долгого сидения в подвалах у людей заводились вши. Но ты-то, надеюсь, не обовшивела?” “Да, конечно”, - отвечаю я. “У тебя были головные вши?” “Всякие”. Затем разговор перешел на другое.

После ужина мать отвела меня в сторонку. “Ты бы, дочка, не шутила такими вещами! Ведь люди могут поверить”.

“Но это правда, мамочка!”

Она расплакалась. “Ах, дочка, скажи, что это неправда!”

Ладно, говорю, пусть будет неправда.

Я вынуждена пойти к врачу, у меня явное заражение, скорее всего, сифилис. Когда я снова отправилась, чтобы узнать результат...

...Врач встретил меня очень ласково и предупредительно. Сразу же усадил. Я поняла, что дела мои плохи.

“Видите ли... к сожалению, результат положительный”.

“Сифилис?”

“Нет, гонорея”.

На что я со смехом: “Всего лишь гонорея?”

“Вам этого мало?”

С гонореей мы уже на дружеской ноге. Знал бы доктор, через что я прошла!

Радость моя оказалась преждевременной. Лекарств было не достать, а ходить с гонореей долгое время не рекомендуется...

Получено письмо от Яноша. Адресовано не мне, насчет меня там лишь несколько слов. Он в плену, но не как военнопленный, а на дипломатическом уровне. В начале письма долгая болтовня ни о чем...

Письмо адресовано не мне, а той женщине, с которой Янош был близок. Она предупредила меня, что лучше бы, мол, мне отказаться от него: даже во время нашего медового месяца он встречался с ней, приносил ей букеты, а впоследствии она видела его в ночном заведении с какой-то шлюхой...

“Моя мать и жена находились в Чакваре, там же и пропали в круговерти военных событий. Прошу известить мать (или родственников) моей жены, что вряд ли она увидит свою дочь живой”.

Я очень любила Яноша и радовалась, что он жив. Но такое?.. Выходит, я ничего для него не значила? Горько было сознавать это, жизнь и без того была тяжелой, а стала еще труднее. Труднее? Нет, она стала бесцельной.

Нелепой.

Я надеялась - придет конец войне, и заживем лучше. Оказывается, я заблуждалась.

Ситуация вновь меняется, только теперь все более мрачнеет не Молодая Женщина, а Пожилая. Молодая старается как-то отвлечь ее, подбодрить, утешить.

Мы возвращаемся в Коложвар. Сперва даже не в вагонах, а на открытых платформах, затем, от Варада, - пассажирским поездом: мама, Эгон, Марта и я. Мы стоим в проходе, рядом со мной молодая женщина. Узел, который я держу в руках, касается ее ноги, и она тотчас оговари-

вает меня по-румынски: “Осторожней, дамочка, чулок порвете!”

Боится, как бы ей не порвали чулок! Неужели такое возможно? Неужели существует другой мир? О да, совершенно очевидно: существует.

Вот только я была не в состоянии поверить, что и мне предстоит жить в нем.

Я мечтала поступить в университет на медицинский, но снова затемпературила. Лекарства были на вес золота. Врач проводил смазывание формалином, пытаюсь хоть как-то обеззаразить инфекцию, но мне становилось все хуже, температура подскочила, а от воспаления раздулся живот.

По случаю окончания войны советские солдаты устроили грандиозное шествие с увеселениями... Наибольшим успехом пользовался солдат, который, несмотря на теплынь, напялил лыжные перчатки, отогнув белые меховые отвороты. Он доволен, должно быть, чувствует себя этаким барином в белых перчатках, улыбается во весь рот и явно не понимает, почему ему аплодируют.

Здесь тоже случались ужасы. Семья Овари - люди в городе известные и уважаемые - принимала у себя на ужин советских офицеров. На второй или на третий день кто-то заглянул в дом, а там девять трупов. Все участники застолья - и гости, и хозяйка - застрелены. Вроде бы женщин пытались изнасиловать, а мужчины вступились за них, но что там произошло на самом деле, так и не выяснилось.

Господи, Боже мой, застрелены! Мгновенная, милосердная кончина!

Мне хотелось отыскать Яноша, но я была слаба, с температурой, ни врачи, ни родные и слышать об этом не хотели. Хворей целый букет: воспаление брюшины, плеврит, туберкулез. И в качестве сопутствующего заболевания - доколе же оно будет мне сопутствовать? - гонорей.

Бедная моя мамочка, чего она только для меня не делает! Готовит, старается накормить повкуснее, обкладывает компрессами, приукрашивает мою комнату. Пытается развлечь разговором, повеселить, но я слабо реагирую на эти попытки.

Мама пыталась как-то развлечь меня, но я слабо реагировала на эти попытки.

Однажды дождливой ночью я проснулась. Гляжу по сторонам: мебель, обстановка - все знакомое, более того, я знаю, что это мое. Выглянула в окно и не пойму, где я. Села в постели и ломаю голову, как попала сюда моя мебель.

Ну, а потом очнулась в больнице. Мне вспомнились вся моя прежняя жизнь, весь этот кошмар с русскими и невеселая перспектива для моей родины: похоже, Трансильвания отойдет к Румынии. И сведения, дошедшие о Яноше... Зачем он так со мной поступил?

Он был первым мужчиной...

Я никогда ни с кем не кокетничала, никого другого не любила, только его одного, а он оказался способен на такую подлость! А потом разразилась война, депортация евреев... приход русских, гибнущие солдаты, столько смертей... Каким же все казалось мне несправедливым!..

Несправедливым? Что считать справедливостью и несправедливостью?

Я терзалась этими мыслями, но не высказывала их вслух. Была в больнице сестра милосердия, Этель...

С ней я даже смеяться могу. Она ставит мне компрессы, обнимает и поддерживает, когда откачивают жидкость из легких, а откачивать надо медленно, постепенно, поскольку жидкость давит на сердце, оттесняет его к центру грудной клетки и слишком быстрой перемены положения я не перенесу. Этель обнимает меня и держит, покамест не выкачают четыре-пять литров жидкости.

Ко мне в палату заглядывает ходячая больная - крестьянка. "Все собираюсь сказать... вы уж попросите, чтобы вас в другую палату перевели. Потому как кто сюда попадет, ну, все до единого помирают".

Смех, да и только!

"Люди умирают не потому, что попадают в эту палату. Наоборот, сюда кладут умирающих". Женщина испуганно выкатилась из палаты.

Я начинаю "упражнения с червями".

Кошмар подумать: когда тебя похоронят, ты сделаешься добычей могильных червей! Этого я боялась больше смерти. И вот, с утра, в полдень и по вечерам стала усиленно воображать, будто бы меня грызут черви, и с этим пора свыкаться.

Гораздо позднее я узнала, что в могильных глубинах не водятся черви. (Или все-таки водятся?)

Если Янош вернется, ему даже не во что будет одеться. **Я** придумала: надо бы составить нечто вроде завещания. Пусть родственники продадут то-то и то-то и купят ему приличный костюм...

Заходит ко мне священник. "Сестра моя во Христе! Помните, нам всегда надлежит в готовности ждать, что пробьет наш смертный час и нас призовет к себе Господь..."

Мне это известно лучше, чем тебе.

Он погладил меня по плечу, затем рука его перебра-

лась на шею и поползла вниз, к груди. Силенок во мне было маловато, но все же я села...

“Я хочу побыть одна, будьте любезны меня оставить. Если вы немедленно не уйдете, я вызову звонком сестру и попрошу вывести вас отсюда!”

“Гневливых Господь не любит. Блаженны кроткие и терпеливые”.

Хватает же совести говорить мне такое!

Туберкулезный процесс обострился в силу сопутствующего инфекционного заболевания - гонореи. Врачи не знали, что со мной делать, и решили подвергнуть рентгеновскому облучению.

Положили меня на носилках под рентгеновский аппарат, направили поток лучей на меня и ушли. Поначалу я ничего не спрашивала и не протестовала. Но после третьего сеанса заподозрила неладное.

Что происходит?!

Массированное облучение.

Но ведь это... ведь это стерилизация! Я навсегда останусь бесплодной и не смогу родить!

Врач возражает: “С таким больным нутром все равно не родить!”

Для этой процедуры требовалось мое согласие, а я его не давала!

Пожилая Женщина кричит истерически:

Значит, я никогда не смогу родить?! Тогда мне больше незачем жить...

Я не хочу жить!

Меня успокаивают: я рассуждаю как ребенок. Радоваться должна, что мне спасли жизнь, что вообще могу жить!

Но я не хочу так жить! Зная, что не способна родить, что у меня не может быть детей...

Рыдает.

Нет моего согласия! Не разрешаю облучать меня, пусть уж лучше умру...

“Воспаление яичников не проходит, после воспаления брюшины и повторного заражения гонореей все равно надежды нет...”

Я отказалась - ни в какую! Никчемные лекарства тоже принимать перестала. Договорилась с Этель: разведенные порошки мы выливаем, облатки выбрасываем...

Она рискует работой...

А я - жизнью!

Молодая снова переодевается. На сей раз халат сменяется последним комплектом одежды с вешалки. Наряд этот не является точной копией того, во что облачена Пожилая, и скорее приличествует женщине помоложе,

однако он примерно того же типа. И если до сих пор сходство между обеими не было явным, теперь оно отчетливо проступает - не во внешности, а в общем облике, в манере держаться.

Пережитое потрясение парадоксальным образом возвращает меня к жизни. Пускай стерилизованная, но я хочу жить! Хочу выздороветь...

Нет, нет! Не нужна мне такая жизнь!

Молодая Женщина подходит к ней почти вплотную и кричит:

...и живу! Ты живешь! Тебя скоро выпишут домой... Ты молодая, вся жизнь впереди!

Нет! Если я не способна иметь детей...

Ты станешь врачом! Преподавателем, писателем! К твоим словам будут прислушиваться тысячи людей! Ты будешь работать с детьми, с детьми больными и умирающими... сможешь облегчить их участь...

Нерешительно, уже без прежнего упорства:

Вот как?.. Не знаю...

Обе усаживаются на скамью, одна подле другой. В первый - и в последний раз - слегка касаются друг друга, ласково, прочувствованно (могут обнять одна другую за плечи, взяться за руки и т.п.) и остаются в такой позе, пока Молодая Женщина не уйдет со сцены. Речь их теперь обращена не друг к другу, а к зрителям.

Меня выписывают домой!

Но дома...

Дома еще предстоит долечиваться, откачивать жидкость из легких. Приходит Этель, во время процедуры держит меня в объятиях.

Лето подходит к концу, я начинаю подниматься на ноги. И не оставляю своего прежнего намерения - поступить на медицинский...

Мне твердили, что с моим подорванным здоровьем об этом даже нечего мечтать. Профессия врача не из легких, я не справлюсь. Тогда я поступила на отделение психологии и приняла решение еще до начала учебного года разыскать Яноша.

Меня не отпускают, говорят, нечего Бога искушать.

Познакомилась я случайно на улице с женщиной. Она взяла к себе паренька, чудом уцелевшего в концлагере...

...чтобы был ей вместо сына - родной-то ее сын погиб, - чтобы было о ком заботиться. Парень и впрямь нуждался в заботе, хворый был... сахарная болезнь и прочее.

Так вот эта женщина прослышала, что мне надо бы поехать куда-нибудь на курорт, подлечиться и отдохнуть, да не на что...

...вот она и опускает в почтовый ящик конверт, а в нем - две тысячи лей. Едва знакомая женщина...

По тем временам это была огромная сумма, несмотря на инфляцию. Чтобы человек, сын которого погиб в лагере, с такой готовностью помогал другому, к тому же христианке, которая по сравнению с ней была в защищенном положении...

Защищенном?..

На эти деньги я поехала отдыхать. Здоровьишко более-менее поправилось, и в результате я поступила в университет.

После окончания боев я перебираюсь через границу в Венгрию, чтобы навестить Яноша, который содержится под арестом. Дождавшись его освобождения, контрабандой провожу его в Трансильванию, но нам приходится снова тайком пробираться обратно: в Трансильвании венгерскому гражданину не получить разрешения на работу

И здесь продолжалась та же история: Янош замкнулся, почти не разговаривал со мной, увивался за женщинами.

Я для него словно бы не существовала.

Как-то вечером идем мы с ним вместе к дому, где снимали комнату, и на углу, из стены полуразрушенного строения торчит железный прут. "Видишь? - указывает он мне. - На нем я повешусь, если бросишь меня".

Я бросила. Потому что любила его, и знала: останься я с ним, и мне конец. Так протягиваешь гангренозную руку - отрежьте ее, иначе сгниет все тело.

И действительно, порвав с ним, я испытала облегчение. А потом в мою жизнь вошел Миклош... Яноша я забыла, он потонул где-то в глубинах моего существа.

Он так и не смог ни к кому привязаться. Со второй женой прожил всего несколько недель. Когда его не стало...

Когда его не стало...

Оказалось, что даже последние его стихи были посвящены мне. Но, к сожалению, поздно. Для меня он давно перестал существовать, и здесь даже смерть его ничего не могла изменить.

Куда девалась великая любовь?

Обе встают. Прощальные слова еще не прозвучали, но по сути они уже прощаются. Молодая Женщина постепенно отступает назад, время от времени останавливаясь.

В лесничестве мы однажды закопали в землю бидон с топленным салом.

Как неприкосновенный запас.

Я так и не добралась до него. И не вернулась после, хотя много раз собиралась отыскать его во время воен-

ной и послевоенной голодовки. Но впоследствии рассказала об этом Миклошу, так родилась идея его пьесы под названием “Бункер”. Он же и растолковал мне смысл трассирующих очередей.

В лесничестве приход русских сопровождался очередями каких-то странных, светящихся пуль...

В ноябре пятьдесят шестого, четвертого числа, на рассвете, увидев из окна эти цветные, светящиеся очереди, он сказал: сейчас начнется советское наступление, трассирующие пули указывают путь. И действительно, началось наступление.

Подвал, где мы с Мамушкой провели долгие недели на жестком ложе из деревянной калитки...

Над тем подвалом теперь находится скобяная лавка, мы с Миклошем и там побывали.

Одна женщина, которая узнала меня, подошла к нам. Мы разговорились, я видела, ей очень хочется что-то сказать мне, но она стесняется Миклоша. Наконец, улучив момент, шепнула: “Если бы вы не написали эту свою книгу, я бы и по сей день ходила по улице, не поднимая глаз”.

Пыталась я разыскать и тетушку Анну, но...

Тетушку Анну, которая единственная из всех местных жителей меня приютила.

Когда я поступалась, она сказала дочери: “Мария стучит, Пресвятая Дева. Эту несчастную, безвинную душу прогнать - все равно, что Деве Марии отказать”.

Я тогда об этом, конечно, не знала, но заботу ее вовек не забуду.

Ночью иногда проснусь, ощупываю стену и думаю, где я: в Коложваре, в Будапеште? Дома, на родине, на старинном кладбище повырубили деревья. Вдоль реки, на месте прежних летних домиков понастроили панельных домов - все одинаковые, немудрено заблудиться, ни клочка живой земли, ни зелени не осталось.

Эпоха завершилась. Во мне тоже.

Иногда мне снится: я спасаюсь, убегая, а русские - за мной. Ноги словно налиты свинцом. Я пытаюсь взобраться на высокое, раскидистое дерево, но меня уже настигают. Я вижу лица своих преследователей, слышу их тяжелое дыхание, один из них протягивает ко мне руку, а я собираюсь огреть его по голове невесть откуда подвернувшейся гирей и... просыпаюсь...

До сих пор преследует этот кошмар?

До сих пор. Но все реже. Пройдет.

Не пройдет, но неважно. Можно вытерпеть.

Явно припомнив что-то, Пожилая Женщина мнется, не зная, стоит ли говорить. Затем решает: стоит.

Когда выводили советские войска... окончательно... мы с Миклошем проходили мимо Южного вокзала. Там стоял эшелон. И молоденький солдатик, один: не знает, в какой вагон сесть, что делать с собой, со своей жизнью...

В глазах - потерянность и ужас... Увозят домой, а что там его ожидает? Как и зачем попал он сюда? За что их здесь ненавидят? Почему радуются их уходу?

У меня с собой был пакет с конфетами - шоколадные бомбочки... хм... бомбы, но только из шоколада... Говорю Миклошу: угощу его. Подхожу к нему, протягиваю пакет, бери, говорю. Как они меня когда-то угощали.

Он смотрит на меня, качает головой... Нет, мол. Так и не осмелился взять.

Ты уходишь?

Ухожу. Но в любой момент, когда бы ты ни позвала...

Молодая Женщина исчезает.

Я бросила Яноша, хотя любила его.

Теперь я больше не решаюсь бросать никого.

Тем временем поднимает крышку сундука и не спеша подбирает разбросанную на полу одежду, снимает с вешалки остальное, разглядывая каждую вещь, затем бережно укладывает все в сундук. Захлопывает крышку, проверяет, плотно ли закрыто.

Принимает ту же удобную позу, в какой мы видели ее в начале пьесы.

Но все напрасно... Они покидают меня: Мамушка, Отец, Мать... Вот и Миклош ушел... длинная череда друзей - все они перешли в другое измерение.

Тот же направляется к боковому выходу. Затем останавливается, оборачивается к зрителю.

Теперь, задним числом, мой брак... мой военный брак видится мне фреской... крохотным обломком, единичной судьбой...

...фреской на стене мировой истории.

Чуть выждав, уходит.

Ален Польц и Миклош Месёй.

**ВЛАДИСЛАВ
ПЕНЬКОВ
ЧЁРНЫЙ ПАСЬЯНС**

1

В американском фолке
есть пара странных нот,
так, вспугнутый двустволкой,
в глаза глядит енот.
Он так глядит истошно,
так к жизни жмётся он,
что сердце дикой кошкой
сквозь горло рвётся вон.
Кромешная забота:
с двустволкою в руках
глядеть в глаза енота,
где даже и не страх...
И нет такого средства,
какому по плечу
отмыть то, что я с детства
своей судьбой влачу.
Обшарь хоть сотню мыльниц!
Да хрен, чтобы нашлось!
А просто плачут "Криденс".
Насмешливо. Всерьёз.

2

Самый медленный поезд сюда не доедет,
длинным телом вихляя, натужно ворча.
До тех пор не доедет, покуда соседи
шизанутых поэтов не сбегут врачам.
И тогда-то в уютной купешке дурдома
(пассажиров примерно в ней под пятьдесят)
в зарешёченных окнах возникнет знакомо
ню-орлинский бордельчик, что вплавлен в закат,
где огромной тяжёлой сонливою мухой
в солнце вбита, пожизненно ждущая нас,

Владислав Пеньков - член Союза российских писателей (Москва, 2006), автор книг "Ладонь ангела", "Гефтер", ряда публикаций в периодике. В журнале "Вышгород" впервые № 4, 2006. Ныне живет в Таллинне.

добродушная старая чёрная шлюха,
не дороже полтины берущая в час.
Самый медленный поезд идёт не по рельсам,
а по шрамам коллоидным резаных вен:
та ж дорога изгойства, что жирные пейсы,
тот же сладко-позорный отчаянный плен.
Пусть же крутятся чёрные солнца винила,
как колёса состава, хрипят и шипят...
Нью-орлинская шлюха меня не винила.
И плевать, что другие меня не простят.

3

Июньской ночью только с ним, слепым,
бренчащим на расстроенном пиано,
читаю табака шершавый дым,
не так, чтоб очень, но легонько пьяный.
А ниггерского голоса струя,
палящая, как выдох Алабамы,
как жаркий выхлест пряного огня
из-под подмышек чернокожей мамы,
меня отсюда увлекает вон,
туда, где не родятся незабудки,
где полый череп кольтовых времён
для ящери проворной - служит будкой,
где неподвижно замер прошлый век
на крепкоалкогольной цифре сорок,
где даже добродушный человек
невинен и опасен, как ребенок.

4

Ко мне приходит ночью эта тень:
белёсый взгляд, чугунная походка.
Присядет на диван, по струнам “брень!” -
тяжёлый и спокойный, словно водка,
точнее, виски (он из тех краёв).
В соседней комнатушке дремлет мама,
а тот, налитый блюзом до краёв,
покачиваясь, бредит: “Алабама”.
Эстонский климат - он не для него -
тяжёл здесь воздушок, как мокрый хлопок,
а там, у благодатных берегов,
ладошкой солнца городок прихлопнут.
“Проснись, сынок”, - он скажет уходя,
сливаясь сутулым силуэтом
не с лягушачьей кожей дождя,
а с чернокоже-бирюзовым летом.

Пусть вечно блюз звучит в моём мозгу,
 заблудимся, в обнимочку, босыми,
 по-русски ты, конечно, ни гу-гу,
 а впрочем, здесь любой язык бессилён,
 хромал бы голос, вязгала б струна,
 раскинутому чёрному пасьянсу
 наш звёздный вечер, бритвочка-луна
 куда черней, что нечего бояться.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Это утро пожелай врагу,
 эти тучи с приступами колик,
 по которым дряхлую Ягу
 с присвистом гоняет алкоголик.
 Эти хляби с резами лучей
 и поганки уличных скамеек,
 изумруд бутылочных нишей
 в полостях бродяжьих телогреек,
 всё, короче, что зовётся... Как?!
 Как ни назови, не скажешь слишком.
 К Богу обращается дурак
 и грозит немывтым кулачишком,
 а потом, размазавши соплю,
 подметает пол бородкой в чайной:
 “Господи, ведь я тебя люблю!
 Отчего Ты мне не отвечаешь?”
 И уснёт, не встав из-под стола,
 там где шелуха, окурки, кости,
 где его укроют два крыла,
 думают Невидимого гости.

ВЛАДЫКА

Сам воздух в городке какой-то нищий,
 не будоражит, паче - не пьянит.
 Стоит сутулый памятник, как Ницше
 с позеленевшей бронзой ланит,
 зачем еще мостим дорогу в ад,
 не мякнет скрипка, не мякнет кошка,
 всему виной, скорей всего, капустный смрад
 и гуталин музейного окошка.

**МАЙМУ
БЕРГ**

НЕЗНАКОМЦЫ

ДЕМОКРАТИЯ

Весна длилась и длилась, ни теплого дуновения, ни капли дождя. Однако странные вещи все же происходили. Однажды в Ратуше собрались важные персоны, чтобы подписать какие-то документы. Атмосфера была торжественная, пел хор, у хористок на груди были приколоты большие желтые искусственные розы, что несколько насторожило. И не зря, ибо в зал вошла министр в светлом прозрачном платье. Она остановилась на мгновение, повернулась спиной к окну, и свет пронизал ее платье, вместе с подкладкой, которая должна была свидетельствовать о добропорядочности министра. Но эта подкладка, короткая и обтягивающая зад, была слишком тонкой, так что толстые ляжки министра и мускулистые голени тоже хорошо просматривались. Устроители, которые должны были деликатно и с необходимой почтительностью проводить опоздавшего министра к предназначенному месту в первом ряду, застыли от изумления. Хотя кто их знает, может, они застыли от беспомощности. За министром семенил какой-то мужичок, держа в руках ее меховое манто, хотя эта весна не была такой уж холодной.

Мне понравилась выходка министра, и я шепотом сообщила об этом соседу, но он посчитал, что это вовсе не выходка. Впрочем, это не имело никакого значения, министр была на месте, хор умолк, можно было приступать к торжественным речам и подписанию договоров. Для подписей к столу прошли министр, мэр города и еще несколько деятелей, между ними суетились девушки в

Недавно у Майму Берг, с которой мы сотрудничаем с 1995 года, вышли сразу две книги "Я любила русского". Это сборник новелл и сокращенный вариант одноименного романа: Москва, Издательский Дом "Хроникер", 2009. И отдельно сам роман (перевод Светлана Семенов): Таллинн, Эстонский культурный центр "Русская энциклопедия", 2009. Презентации состоялись в Посольстве Эстонии в Москве (11.03), на Радио "Говорит Москва", в Центральной Нарвской библиотеке (18.03). Были подготовлены две передачи по Эстонскому Радио.

скучных костюмах, с большими папками для документов и ручками, они казались серыми монашенками на фоне министра, чье лицо, обрамленное крашеными рыжими волосами над прозрачным платьем, горело искусственным румянцем.

Уже было покончено с подписями, уже мэр города приготовился к выступлению, как неожиданно в зал вошли примелькавшиеся на телевидении лица и сообщили наигранно бодрым голосом, что сейчас начнется школьный урок. Публика оцепенела, мэр быстро сомкнул открывшийся было для речи рот, а министр попыталась ретироваться, но зацепилась подолом своего несколько фривольного платья за крючок или за гвоздь (поделом!) и покорно опустила на стул. Из жизни природы, третий класс, сообщила энергично экзаменатор. Мой сосед ничего не понял, он сказал, что не смотрит коммерческие каналы, и мне пришлось ему объяснить, что в своей передаче телевизионщики подходят к людям и задают вопросы в рамках школьной программы, за каждый правильный ответ платят сто крон. Сосед энергично закивал, но в какой-то момент я поняла, что он знает, что такое школьный урок и что на самом деле он смотрит коммерческие каналы. Почти каждый вечер устраивается он перед телевизором именно во время школьного урока, кричит на жену, чтобы та умолкла, теребит нос и пробует найти правильные ответы на простые вопросы, что, правда, редко удается. Да и как разгадать загадку, которая, например, гласит: потолок, под потолком, на потолке поют - и которую можно найти в программе первого класса. Времена изменились, у всех детей есть современная техника, это может быть, например, приемник с DVD, а может быть просто какой-нибудь бедолага или наркоман в своей конуре.

Мэр и министр все еще корпели на двоих над четырьмя из пяти вопросов, но настроение было испорчено. Как-то странно было стоять и петь вместе с хором "Гаудеамус" (любимая песнь мэра города). Иные при исполнении первого куплета только шевелили губами, из второго куплета знали лишь первые две строчки...

Времена менялись и не менялись. Министры бывали разные, и пошлость давно уже не считалась пошлостью, вообще-то времена изменились таким образом, что пошлости как таковой больше не существовало или была сплошная пошлость, но это ведь нонсенс. На самом деле не было ни плохого ни хорошего вкуса, а была демократия.

Демократия вторглась во все сферы нашей жизни, она беспокоила и удручала, порой не давала спать, иногда те-

бе наступали прямо на живот, когда ты загорал у себя во дворе, или выливали на тебя помои через забор, или орали на тебя ни за что. Я не знала, вторглась ли демократия, например, на кладбище, я давно не ходила на похороны. Не то чтобы никто не умирал, просто я по возможности избегала ходить на эти печальные мероприятия. А когда это было неизбежно, то шла в крематорий, и что ты скажешь, там тоже была демократия.

Вместо песенников на скамейках были разложены рекламные буклеты, которые рекомендовали испепеляться именно в этом крематории. Я шепотом выразила удивление, что демократия вторглась и сюда, а мне прошептали в ответ, что, дескать, ошибаетесь, это рыночная экономика.

Но перед тем, как началась похоронная церемония, в соседнем помещении поднялся стук и грохот, должно быть, там шел ремонт или, скорее, расширение площади для тех, кто всерьез воспринял эту рекламу. Однако вначале всем стало неловко, потому что похоронщик не мог сосредоточиться на слове, а стучащий напоминал некоторым из присутствующих стукача, из-за которого покойный мог вылететь из ВУЗа. Этот стукач уже несколько лет пребывал на том свете, оттуда он и стучал. По крайней мере, было приятнее думать, что раздававшееся рядом бряканье было не ремонтом крематория, а стуком покойного, которого на том свете обязали стучать на ближнего. Позднее я увидела на двери соседнего помещения вывеску, на которой извинялись за возможное беспокойство, но оставалось невыясненным, перед кем извинялись, кто извинялся и за что.

Прежде чем заговорить о смерти, люди несколько лет говорят о здоровье, а в молодости приходят в возбуждение от прозрачного платья министра, лукавого флирта этой женщины с пошлостью. Но в какой-то момент замечают, что на кладбище среди могил больше знакомых имен, чем среди живых. Все меньше становится имен вроде Тийу, Малле, Лейда, Эха, Юри, Антс, Мати и даже Рейн, потому что никто больше не называет своих детей такими именами. Нигде, ни здесь, ни в России, ни в Америке или Финляндии. Если подумать, сколько Рейнов я знаю или знала, то получается устрашающая цифра, если выстроить Рейнов после их фамилий в алфавитном порядке, то после каждой буквы получится несколько Рейнов. И среди них есть и умершие. Людей с именами Хелен, Кристьян и Танел может быть гораздо больше, но я их не знаю. Это, конечно, серьезный показатель. Сегодня в крематории настучат на Рейна, завтра на Малле, но как настучат на Герлу, Марисабель или Риджа, мои уши

уже не услышат. О таких вещах не стоит думать, хотя бы уже потому, что это ничего не меняет. Министра звали Кайри, было время, когда давали такие имена. Так что на самом деле у меня нет повода, да и права тоже, придира-ться к платью или шубе Кайри. Другое дело, если это ка-кое-нибудь тисовое дерево в возрасте двух тысяч лет, тог-да, может быть, это и даст ему право высказать свое суж-дение, но оно им вряд ли воспользуется.

Однако кое-что разрешено и мне. Так, например, я со-бираюсь поиграть на скрипке среди знакомых развалин, пока эти развалины еще в чести. Но уже заметны переме-ны, сначала в эти развалины кто-то принес старые крес-ла. Были заметны следы, что кто-то украдкой на них си-дит. На скрипке я играла для самой себя, потом пришли слушатели и сидели там в тишине. Потом пришел муж-чина с компьютером и мобильником; а когда появляются такие люди, то приходит и демократия, и тогда уже за-ранее известно, как будут обстоять дела. Эти руины слишком долго стоят. Почему бы здесь не построить что-нибудь более основательное, с анкерными стенами. А так мне приходится думать о времени, когда этот дом еще не был в руинах, в нем даже жили. Рамы прокладывали на зиму ватой, ее украшали соломенными цветами. Несмот-ря на это, все равно было холодно и сыро, стекла покры-вались ледяным узором, его можно было скрести и ли-зать, так много было льда на окнах. Это была комнатная сырость, что там заледенела, и, облизывая лед, вроде под-лизываешься немного к жизни, которую там прожива-ешь. Вставали рано и топили печь, разводили огонь под плитой. Варили злаковый кофе и кашу. Иногда ели яйца. Тийу и Тийна жили там.

На похороны Малле я не успела. Она исчезла из моей жизни таким образом, что я всегда могла думать, что она где-то продолжает жить, не было ведь никаких призна-ков, что это не так. Дело зашло настолько далеко, что я даже послала ей рождественские открытки, это было тем нелепее, что я никому другому открыток не посыла-ла. Через некоторое время пришел ответ, что Малле ушла из жизни несколько лет назад. Лучше бы они не от-вечали. Конечно, мне было совестно, я не хотела никому причинять боль, но еще неприятнее было узнавать, что Малле действительно больше нет на этом свете.

Потом умер Виллемсон и его жены долго выясняли, кто из них настоящая жена. Я знала их всех, и все они были женами Виллемсона, даже те, у кого не было с ним детей. Они жили жизнью Виллемсона, в ритме Виллем-сона, это означало, что нужно было бодрствовать до по-луночи и выслушивать его бредни, ибо они были плода-

ми его творчества. И жены понимали важность происходящего, все как одна. Секса там было мало, его заменяло творчество, именно это и заставило жен после смерти Виллемсона поднять бунт. О сексе не говорили, хотя дети у Виллемсона все-таки были. Но ни одна из жен не использовала их в качестве аргумента. Они не были такими пошлыми. Ни одна из жен не говорила о том, как они спали с Виллемсоном, но все они рассказывали о том, как Виллемсон их любил. В этом не было ничего особенного, потому что Виллемсон любил женщин. Женщин как таковых. В том числе и своих жен. Тем не менее оставалось впечатление, что Виллемсон, хотя и известный женолюб, менял женщин не по своей инициативе, это женщины меняли его. Они делили Виллемсона между собой, делая вид, что Виллемсон их покидал или завоевывал, так сказать, соблазнял. Это была игра, которая получалась сама собой, без уговора. Женщины зашли еще дальше, они делали вид, будто ненавидели друг друга из-за Виллемсона, на самом же деле они, скорее, ненавидели Виллемсона.

Однажды суровым зимним днем Виллемсон с бутылкой водки отправился в лес и не вернулся, его нашли только весной. Сначала все притихли. Жены плакали, та, которая была последней женой Виллемсона, устроила похороны. Похороны были церковные, потому что последняя жена Виллемсона была верующей. Гроб, разумеется, не открывали. В церкви рядом со мной стояла Тийна, одна из предыдущих жен Виллемсона, и все время шептала. Она шептала, что это какая-то чертовщина, что Виллемсону от церкви было ни жарко ни холодно и теперь его тут выставили дураком. И что еще неизвестно, может, он нарочно напился, чтобы в лесу замерзнуть и весной оттаять, и что самоубийц нельзя хоронить по церковному обряду. Она, Тийна то есть, шептала и шипела, и все недовольно смотрели на нас, я вроде тоже была виноватой. У Тийны в уголке рта была бородавка, смолоду она закрашивала ее ляписом в черный цвет, чтобы та выглядела как мушка. А теперь Тийна больше не занималась этой бородавкой, пусть я буду страшной, шептала она, пусть все видят, что у Виллемсона не было красивых жен, ты только посмотри на эту Соню или на ту же Еву. А хуже всего эти серые мышки вроде Марилин, шептала Тийна. Конечно, Марилин была серой мышкой, но ее пепельного цвета волосы были естественного цвета, как и подобает серьезному верующему человеку, а голова Тийны была выкрашена в кричащий цвет. Тийна могла бы быть матерью Марилин. Виллемсон мог бы быть ее отцом, шептала Тийна. А когда начали петь, Тийна взяла листок с

текстом, надела очки и запела высоким старческим голосом. Тийна и Виллемсона была на несколько лет старше. Я пою в память о Виллемсоне, прошептала она, когда песня кончилась, протерла очки и высморкала нос. Конечно, Виллемсон любил в свое время и ее.

Ссора между женами завязалась немного позднее, когда одна из них дала интервью, которое желтая газета озглавила: “Я была его единственной любовью”. Из рассказанного ничего такого не следовало, да и какое это имело значение. Но другие жены сформировали против Юты единый фронт, одновременно борясь друг с другом. Задним числом получалось, что жизнь с Виллемсоном была идеальной, а любовь горячей и жертвенной.

На поминках - а были ли это поминки по Виллемсону? - ели горячие щи и пили водку. В капустном супе плавали большие светлые куски сала. Я посмотрела на Тийну, и она едва заметно кивнула. Этот суп действительно сварила она, такой же, какой мы ели с Тийной и Тийу зимой, когда окна были покрыты льдом и над щами стоял кисловатый дух. На другом конце стола сидела министр Кайри в ужасной черной широкополой шляпе с пером и беспомощно ковыряла белое сало. Она ведь была дочерью Виллемсона от первого брака. Сейчас она сидела вместе с нами. И это тоже была демократия.

BALTIC DREAM

Ее разбудил шум отъезжающего автомобиля. За ночь приезжали и отъезжали разные машины, но их она не слышала, однако настает час и все ее чувства открываются внешнему миру. Вот побежала вода в ванной комнате у соседей, вот завели мотор автомобиля во дворе, раздался вой включившейся сигнализации, за стеной послышались голоса, сквозь занавески просочился солнечный свет, где-то заиграло радио - она никогда не знала, что ее пробуждало. Возможно, она просыпалась не под внешним воздействием, может, причина крылась в ней самой; плохой сон, который можно было прервать лишь открыв глаза, некая мистическая весть или приказ проснуться, который организм сам ей передал.

Каждое утро начиналось одинаково. Взглянуть на часы, красные цифры на циферблате горят устрашающе. Включить радио. Иногда, если было время, схватить книгу и прочитать несколько страниц, не понимая смысла. Это было как продолжение сна, медленное пробуждение. Иногда она сразу вылезала или даже выскакивала из постели и спешила голая к окну. Распахивала его, не стесняясь дворовых собак или случайных взглядов совершав-

ших утреннюю пробежку людей. Интересовалась погодой - обычно из окна веяло сырой прохладой.

Затем накидывала простыни на подоконник, чтобы они проветрились, и шла в ванную. Там она смотрелась в зеркало. Из зеркала на нее глядело всегдашнее привычное лицо, которое она считала своим, не задумываясь над этим. Годами, десятилетиями это лицо, хоть и меняющееся от времени, все же с постоянной узнаваемостью смотрело на нее из каждого зеркала, где бы оно ни находилось. Но сегодня утром из зеркала в ванной комнате на нее смотрело не ее собственное лицо, а чье-то чужое. Это было не женское, а совершенно мужское лицо, хотя и с приятными чертами, в обрамлении густых полудлинных темно-каштановых волос и по крайней мере на двадцать лет моложе нее, к тому же мужчины, которого она где-то видела, только не помнила, кто был тот человек, которому принадлежало это лицо. Она помнила, что молодой человек с таким лицом был стройным, ростом выше среднего, довольно широкоплечим и носил черную кожаную куртку. Говорил он умно, одухотворенно, иронично. И хотя тот молодой человек был ей симпатичен - все говорило о ее благосклонности - все же ее пугала голова этого человека на ее теле. Да ее ли это было тело? Точно, ее. Это была ее фигура. Ее грудь, бедра, округлый живот, неуместно мягкие и женственные в сочетании с ее новым угловатым лицом.

Она с интересом разглядывала отражение в зеркале, как рассматривают что-то новое, неведомое, что-то из разряда перверсии. Рассматривала с безучастным любопытством, как будто у нее не было ничего общего с этим существом. Вспомнились персонажи древнего Египта Хорус, Апис, или Анубис, с головой животного и телом человека. Это сравнение указывало на что-то сверхъестественное и вызывало ужас, хотя лицо на ее теле было человеческим и вполне симпатичным, и чем дольше она на него смотрела, тем привлекательнее оно казалось. Темно-зеленые, глубоко посаженные глаза с пронзительным взглядом. Густые темные полудуги бровей. Высокий покаты́й лоб. Квадратный волевой подбородок. Довольно большой, мужественный, с горбинкой нос. Приятно очерченный рот, в меру полные губы.

Вполне симпатичное мужское лицо. Очень мужественное. Немного слишком продолговатое, отросшие темно-каштановые волосы не смогли придать ему женственности. Но это лицо волевого, рассудительного, хотя и немного высокомерного человека почему-то было помещено на ее плечи. Она ощупала затылок - знакомое родимое пятно было на месте. Затылок, значит, был ее.

По затылку проходила граница между макушкой и шейей, насколько она могла определить эту грань. Почему голова того мужчины была установлена на ее тело? На ее вполне женственное тело? Кто этот человек с чужой головой и ее телом, который считает себя ею и называет себя ее именем, думает ее думы? Куда исчезло ее лицо, ее голова? На чьей шее теперь это все? И о чем она думает? И она ли это?

Когда в ее жизнь вошел первый компьютер, она проводила в его компании все свои свободные минуты. Люди больше не были ей нужны. Компьютеру можно было доверить все, что приходило в голову, и то, что ее долго мучило, хотя раньше она никогда не посмела бы об этом кому-нибудь сказать или записать на бумагу. Даже сгоревшая бумага могла предать, если не чем-нибудь иным, то хотя бы запахом дыма. Кроме того, ритуал сжигания бумаги казался непомерно драматичным. Иные рвали секретную бумагу на мелкие клочки и бросали в унитаз, смывали водой, но разве не было это унижительно для текста и тайных помыслов.

Кроме того, не было никакой уверенности, что бумага будет уничтожена. Мог случиться затор, бумагу могли вытаскивать из труб, кому-нибудь могло прийти в голову клочки соединить - маловероятно, конечно, но все-таки возможно.

А когда она в компьютере все тайные заметки выбрасывала в корзину, тот обходительно спрашивал, словно предупреждая о возможной ошибке, уверена ли она, что все нужно выбросить, и когда она согласно нажимала на кнопку ОК, текст пропадал с экрана, переставал существовать, исчезал навеки, будто его никогда и не было. Это было невероятно, и она искала по всему компьютеру, не спрятался ли там где-то текст, открывала разные программы, все еще надеясь найти, но не находила. Может, он обитал на компьютерных небесах, на том свете, как и наши души, которые витали на небесах или на том свете, может, ее слова перекочевали в другой компьютер, туда, где ее никто не понимал, появились на чьем-то столе, неожиданные и вызывающие оторопь, непонятные, будто весть из другого мира. Может, где-то там удалось разгадать язык, этот маленький загадочный язык, на который был положен текст. Могло случиться, что нашелся переводчик. Кто-то прочитал ее жалобы, упреки, злословие, стенания, самолюбование, тайные влюбленности, романтические или гневные обращения, читал и, несмотря на перевод, ничего не понимал, или читал и корчился от смеха, ибо пространство, как и время, перешло из трагического в комическое, из возвышенного в пустое или

пустое преобразилось в божественное. Тексты как и люди никогда не могут исчезнуть навсегда, навеки, так ей верилось. Они странствовали, видоизменялись, обретали другой смысл и другие названия, возрождались в других языках, жили другой независимой жизнью, веселя или утешая, вместо того, чтобы огорчать или приводить в отчаяние. Такие вещи были возможны, были предположительны, объяснимы, но текст из компьютера исчез насовсем, окончательно, во что ей трудно было поверить, должно же было что-то остаться, какой-то след в мистическом мире программ. Это было похоже на калейдоскоп - если его повернуть, то из старых возникали новые образы, они не повторялись, хотя ни одна деталь не добавлялась, все новые миры рождались из одних и тех же осколков стекол и зеркал. Вопрос был в том, что нужно сделать, чтобы повернуть компьютер.

То, что с ней случилось сейчас, не укладывалось ни в какие самые совершенные модели. Она не знала, что предпринять. Она даже не знала, как она выглядит со стороны. Не было возможности проверить, пока не пойдешь на работу и не проверишь на коллегах. А как пойти на работу? Что нужно надеть?

Мужской одежды у нее нет, да и какой она мужчина с высокой грудью, узкими плечами и округлым задом? Она пристально вгляделась в себя. Кожа лица была смуглая и грубая, с глубокими порами, с ужасом она отметила на щеках и подбородке темнеющую щетину. У нее была лишь тупая бритва "жиллет" для бритья подмышек и засохшая кисточка, оставленная последним мужем, засохшая и забытая, валялась она в шкафчике ванной. Самое ужасное, если она порежется тупой бритвой. Она обмакнула кисточку в мыльную пену и намазала ею лицо. В белой пене лицо в зеркале было даже приемлемым - чужие черты не проявлялись так явно. Бритва действительно была тупая, рука дрожала с непривычки, вот она и порезала свой квадратный или тот квадратный подбородок, который теперь должен быть ее. Она ощутила боль, чужое лицо ощутило ее боль, или нет, это она почувствовала боль чужого лица.

"Ай! - вскрикнула она громко и этот крик навел ее на мысль, что теперь у нее и голос должен быть чужой. - Теперь у меня другой голос", - повторила она громко, чтобы проверить себя, но была так возбуждена, что не смогла понять, говорила она своим тихим слегка ломким женским голосом или соответственно ее лицу мужским голосом. "Всеу свое время", - сказала она, ибо все, что с ней сейчас произошло, было испытанием, которое она должна была изучить, систематизировать и зафиксиро-

вать. Голос дрожал. “Прежде всего побреемся и лишь затем приступим к изучению голоса”, - рассудила она. Странно, она перестала думать от первого лица, а выбрала неопределенное “мы”. “Мы”, это было похоже на обращение “гражданин” в советские времена. Она ведь теперь стала гражданином. Женщина с мужской головой. Не дама и не господин. Не гомосексуал и не лесба.

Вспомнились прочитанные и услышанные истории об операциях, меняющих пол. Может, ей стоит сменить пол и стать мужчиной? И вдруг только сейчас она подумала о любовнике, который, к счастью, был в очередной заграничной командировке.

Вспомнились дети, сыновья, один учился далеко в Америке, другой жил со своей женой в Финляндии. Разве могли они представить, что их мать бреется в ванной!

Итак, борода побрита. Она знала, что после бритья мужчины освежают лицо лосьоном, но в шкафчике она его не нашла. У нее были только духи Nina Ricci L'Air du Temps, которые она купила во время последней поездки на пароме. Но подходит ли женский парфюм, который казался слишком сладким даже для нее прежней, ее изменившемуся облику? Она рассеянно побрызгалась духами и почувствовала, как остро зашипал подбородок на месте пореза. Это раздосадовало, слишком остро напомнило о случившемся. Однако делать нечего, нужно было себя успокоить и действовать разумно.

Прежде всего проверить голос. Она долго искала чистую пленку, но так ее и не обнаружила, и решила наконец отказаться от “Ивана Грозного” Прокофьева. Она начитала на пленку с мрачными мотивами Грозного стихи Лаабана. Потом прослушала пленку - в результате получилась очень интересная смесь, голос, который читал стихи, показался чужим. Это, конечно, не было большим компьютерным достижением, как, скажем “Farinelly”, но и не ее прежний голос.

Это был не женский и не мужской голос. Просто голос, про который обычно говорят: “Вам кто-то звонил”. И на вопрос: “Мужчина или женщина?” - как правило, отвечают: “Не знаю, непонятно. Кажется, женщина. Но, может быть, и мужчина”. Она и была, кажется, женщина, но, может быть, и мужчина. Гермафродит. Теперь это высказано.

У нее была мужская голова. И женское тело. Этот с головой быка, этот Апис, или Анупис, или Минотавр, он думал как бык? Глупость. Бык явно не думает.

Чувствовал как бык? Бычьи страсти. Какие страсти испытывает она? Ей, что, теперь будут нужны женщины, раз у нее мужская голова? Ее мысли начнут все больше

мужать, пока под их воздействием не возмужает ее тело и придется при помощи операции изменить пол? Как это несносно. Больно и опасно. И наверняка больших денег стоит. Нужно будет сменить гардероб. Она и галстук не умеет завязывать.

Господи! А документы! Все документы! И рискнет ли она поехать сегодня на работу, ведь на правах приклеена ее фотография. То есть снимок ее прежнего лица. “Бред какой-то, нужно просыпаться!” Она бросилась к зеркалу в надежде, что все осталось как прежде. Однако на нее смотрело бритое лицо молодого мужчины с багровеющей раной на подбородке. И женское тело. Ее тело. Она все еще была голая. И окно все еще было открыто. Она резко почувствовала холод и ужас нынешнего ее положения. Она зарыдала и тут же спохватилась. “Мужчины не плачут, - пронеслось у нее в голове. - Глупости, почему это мужчины не плачут, - удивилась она. - И какое мне до этого дело, я пока еще не мужчина”. И она закончила плачем, так утешительно начавшимся.

Она пошла в ванную и начала мыться. Прикосновение к женскому телу показалось ей неловким. “Я должна привыкнуть”, - приказала она себе.

“Надо же как-то жить дальше”. И отправилась к зеркалу одеваться. Но существо с мужским лицом, застегивающее на себе лифчик, было настолько отвратительным, что она закрыла глаза. Это, конечно, не помогло. Мало-помалу она оделась, выбрала подходящий брючный костюм и снова подошла к зеркалу. Оттуда на нее смотрел молодой человек. Правда, мужчина, чье мужественное лицо и довольно большая голова составляли странный контраст с женственной фигурой. Не помогли и плечики пиджака, а также то, что она была отнюдь не маленькая женщина. Брючный костюм нельзя было считать правильным выбором для такого типа. Какого типа?! На самом деле типом ее нельзя было считать - она была не типичной. Может, женская одежда смягчила бы мужественное лицо и в результате получилась бы молодая женщина. Она достала из шкафа мягкую вязаную юбку и в тон ей джемпер. В этом наряде ее женственная фигура проявилась особенно ярко. Но так она вошла в дикое противоречие с мужественным угловатым лицом, а порез на подбородке сделался еще более явственным.

Грудь, бедра и зад казались бутафорскими, и все вместе было похоже на гадкого трансвестита. В конце концов она надела черные брюки и подходящий джемпер. Не бросив больше ни одного взгляда в зеркало, она схватила сумочку со столика в прихожей и ключи зажигания с полки. Она решила поехать на работу на автомобиле.

Первый раз она села за руль будучи трехлетней девочкой. Хотя дядя Альберт не был ей родным дядей, но он был водителем, шофером, важным человеком, воплощением настоящего мужчины. Он носил кожаную куртку и галифе, многоугольную фуражку и сапоги со скрипом. Пахнул бензином, кабиной и сигаретами. Дядя Альберт ездил на огромном грузовике, на носу которого красовался медведь с поднятой лапой. В машине был большой черный руль, который разрешалось крутить маленькой девочке. В центре руля красивый блестящий диск. “Нажми на него”, - предложил дядя Альберт и положил руку девочки на диск. Девочка погладила гладкую черную поверхность. “Нажми сильнее!” И маленькая рука нажала, машина дико взревела. Девочка зажмурила глаза и съежилась, испугавшись, что сейчас машина рванет со двора и снесет фабричный забор, но ничего не случилось. Лишь дядя Альберт рассмеялся, да так сильно, что стали видны его страшные зубы, большие и желтые, блеснули серебристые темные пломбы и розовый язычок задергался и замотался в гортани.

Откуда появился в их жизни дядя Альберт и куда исчез? Какое у него было лицо? Разве не у него был квадратный подбородок и глубоко посаженные зеленые глаза?

Разве не у него то и дело выбивались из-под фуражки непривычные для того времени длинные волосы? Но больше всего она помнила зубы дяди Альберта, ей всегда было забавно и в то же время противно рассматривать их.

Эти зубы наводили на нее страх и вызывали неприязнь, и в то же время ей было любопытно. Она нащупала языком свои зубы. Слева глазной зуб, вырванный лет двадцать назад, оказался на месте! Она почувствовала, как у нее взмокла спина.

Она должна была осмотреть свои зубы, немедленно. Она резко нажала на тормоз, включила поворотник и остановилась у тротуара. Нескончаемый поток автомобилей помчался мимо.

Ежеутренний уютный шорох колес, тихое урчание моторов, простое и ясное течение, успокаивающее в своей привычной повседневности. Ей не было больше места в этом бесконечном спокойном потоке спешащих на работу людей. Ее больше не было. Ей вспомнилось, что людей в случае необходимости идентифицировали по зубам. У нее даже не было своих зубов. Она открыла рот и стала изучать зубы в зеркале заднего вида. Вместо старых леченных-перелеченных зубов - четыре или пять были вырваны - с новым лицом она получила крепкие и здоровые зубы. Она широко раскрыла рот - все зубы были на месте, не было видно ни одной пломбы. Это не был рот дя-

ди Альберта. Судьба дяди Альберта была ей неизвестна. Сейчас он наверняка глубокий старик или, что вероятнее всего, уже умер. В последнем случае обменные головы были бы мыслимы, но нет, это не зубы дяди Альберта, это не его лицо. Это были красивые здоровые зубы молодого человека, которые никогда не болят. На мгновение она даже порадовалась, что теперь у нее такие здоровые зубы.

Недешевое и неприятное посещение зубного врача отпадало. И тут же она почувствовала отчаяние. Какое имели значение здоровые зубы в ее нынешнем положении. К тому же чужие. Она долго и внимательно разглядывала свое лицо. Или чужое лицо, которое почему-то казалось ей знакомым, когда-то виденным. “Кто я? - спросила она голосом, не имеющим пола. - Кто это? - театрально указала она на лицо в зеркале заднего вида. - Мы спрашиваем, кто этот человек? Мы хотим знать, где мы видели это лицо?” В ответ только шушали шины колес проезжающих мимо машин.

Чтобы успокоиться, она достала из сумочки косметичку и покрасила ресницы. Потом она вывернула тюбик губной помады. Прежде чем она успела поднести ее к губам, кто-то постучал в окошко. Она поспешно бросила тюбик на соседнее сиденье. За окошком появилось мрачное лицо полицейского.

Она быстро опустила стекло и замерла в ожидании. “Ваши водительские права, - пробурчал полицейский официальным безличным голосом после того, как представился, назвав имя, заканчивающееся на “пуу”. Касепуу? Пукспуу? Лодьяпуу? Почему ей показалось это очень важным.

“Простите, я не расслышала, как ваша фамилия?” - спросила она заинтересованно. И тут же поняла, что совершила ошибку. Властям не задают вопросы, иначе что же останется властям? “Контпуу”, - ответил полицейский снисходительно, и в голосе послышались недоумение и обида.

Она попыталась улыбнуться хмурому полицейскому, думая при этом, что она даже не знает, как она выглядит и какое производит впечатление улыбка на ее лице. Она нащупала в сумке технический паспорт и протянула его Контпуу, ощутив, как ее улыбка застыла в гримасе. Ей показалось, что полицейский оторопело рассматривает ее сумочку. “Принял меня за мужчину”, - пришла она к выводу. Контпуу изучал ее документ с тупой медлительностью чиновника. “Водительские права!” Дрожащей рукой она протянула требуемый документ, при этом она обратила внимание на свои хрупкие пальцы. Ногти были по-

крыты ярко-красным лаком. Она недавно приобрела новый красный жакет, который сегодня утром собиралась обновить. Вчера вечером после принятия ванны она покрыла красным лаком ногти на руках и на ногах. И тут она заметила, что забыла надеть кольца.

Он сунул трубку в бардачок как раз в тот момент, когда полицейский заглянул в окошко. Взгляд его казался подозрительным - может, он заметил трубку. Посчитал его женщиной? Хотя у них всегда такой недоверчивый взгляд, будь они милиционеры, карабинеры или кто там еще.

Полицейский представился невнятно и потребовал документы. Он попросил полицейского повторить его имя. Зачем? Ведь на самом деле было все равно, кто проверяет документы: Гайлис, Мезгайлис или Межгайлис. Все равно было противно. Возможно, полицейский не обратил бы на него внимания, если бы он в общем потоке спешащих на работу ехал бы в город, но поскольку они увидели его просто так стоящим на обочине, им это показалось подозрительным. Может, решили предложить помощь?

Конечно, он должен был остановиться, просто ему нужно было увидеть свои зубы. Зубы вдруг оказались самым непреложным доказательством. Хотя на самом деле все и так было ясно. К сожалению. Это были не его зубы. У него все зубы были на месте, а теперь вдруг одного зуба сверху и нескольких зубов слева в нижнем ряду как не бывало. Справа резцы показались от прикосновения языком какими-то корявыми и нёбо непривычно высокоим. Один зуб был сломан - мягкие десны неприятно отдавали чем-то кислым. Передние зубы были чувствительны, болезненны, где-то язык обнаружил отколотую пломбу.

Несомненно, он имел дело с более интересной ротовой полостью, чем его. Он водил и водил языком по незнакомому рту, странное чувство, которое обычно так просто не дается человеку. Так ведь и язык был чужой. Он засунул пальцы в рот, потрогал язык, нёбо и зубы, скользнул слюнявой рукой по щеке, она была дряблой. И продолжил водить языком в полости рта, словно надеясь, что таким образом вернет свои здоровые зубы и, благодаря этому, свое прежнее лицо. Столько зубов не хватает! Как можно при этом жить и жевать!

Может, где-то в стакане с водой имеются фальшивые зубы, в тягучей воде от всякой грязи и остатков пищи.

Он резко нажал на тормоз, включил поворотник и остановился на обочине. Непрестанный поток автомобилей

понесся мимо. Эти звуки, этот шорох колес, тихое урчание моторов так раздражали, так злили своим тупым однообразием, безучастностью и обыденностью. Как жизнь могла идти своим чередом, когда с ним случилось такое несчастье. Ему не было больше места в этом уютном потоке спешащих на работу людей. Он больше не существовал. Он был никто. Ему вспомнилось, что людей в случае необходимости идентифицировали по зубам. Теперь у него возникла такая необходимость, но его нельзя было определить даже по зубам.

Как можно доказать, что она это он? Да и он ли это?

Он открыл рот и попытался осмотреть свои зубы в зеркале заднего вида.

В утренних сумерках трудно было что-либо разглядеть. Если бы он был настоящей женщиной, у него был бы с собой какой-нибудь причудливый ридикюль, сумочка или портфельчик, которые женщины всюду таскают с собой. А в них - тушь для ресниц, губная помада, контурный карандаш, пудреница, всякие платочки и салфеточки. В пудренице обычно бывает зеркальце, в которое можно посмотреться. Из сумочки достают какую-нибудь забавную косметичку с металлическим замочком или молнией, наполненную всякой всячиной, вытаскивают оттуда темно-синюю или коричневую пудреницу, шелк, и она открывается, быстро проводят ваткой по носу, сколько раз он видел такое в жизни! Ему тоже, что ли, надо заняться этим? Он никогда не задумывался, зачем это делают, чего этим добиваются.

Скорее всего, ничего. Должно быть, это просто считалось женственным, вроде старинного обряда. Они просто должны были производить эти движения, не осознавая, зачем.

Он наклонился поближе к зеркалу заднего вида. Свое новое лицо он видеть не хотел, оно было отвратительным, да что там, это была катастрофа. Но он продолжает осматривать зубы. Может быть, это болезнь, морок, обманчивое восприятие своего тела, а когда он увидит в зеркале красивые здоровые зубы, то может взглянуть и на свое лицо. Убедится, что все в порядке. "Снова все хорошо", - пробурчал он, чтобы успокоиться. Голос! Ему не пришло в голову, что голос тоже мог измениться. Дома он не решился проверить голос, хотя, бреясь в ванной комнате, он обычно пел в полный голос. Но теперь-то он не брился. Он помалкивал в ванной, боясь разбудить Байбу.

Он кашлянул и подумал, что бы ей такое сказать. Затем просто посчитал цифры, как делали радиожурналисты, проверяя микрофон: "Раз, два, три, раз, два, три, раз,

два, три”. Голос по-утреннему хрипел. Он произнес громче, но был так возбужден, что не смог понять, говорит ли он своим низким голосом, лукавым, мужским, или это мягкий, немного ломкий женский голос.

“Всему свое время, - сказал он. - Сначала осмотрим зубы, затем приступим к голосу”. Его поразило, что он думает в “мы” форме. Такое было в советские времена, когда отдельный человек не имел никакого значения, когда над личностью доминировало неопределенное “мы”. Теперь он был “мы”.

Он придвинулся к зеркалу так близко, что оно затуманилось от его дыхания. Протер его рукой и посмотрел снова. Открыл рот, стал разглядывать чужие зубы и часть чужого лица. Зубы были желтые, пломбы покоричневели, словно они были сломаны - это даже было видно в сумраке машины.

Два передних зуба выдавались вперед, один чуть ниже другого, более изношенный.

Рот, обрамлявший зубы, был мягким женским ртом, в морщинках над верхней губой, в уголках рта и на подбородке. Он разглядел несколько широкий нос, щеки, глаза, вокруг которых в общем-то не было морщин. Сколько лет было этому лицу? Глаза были довольно большие, даже красивые, сейчас они глядели неизбежно изучающе. Возможно, это лицо не было таким уж неприятным, но оно принадлежало человеку лет на двадцать старше него, и, несомненно, женщине. Теперь это лицо, эта голова принудительно посажена на его тело, заблудилась, попала не туда, когда на следующее утро выросла на его плечах. Его идентитету был нанесен смертельный удар. Он потрогал волосы, они были мягкие, прямые, темные, по всей видимости, крашенные. Ему, что, теперь и волосы придется красить?

Он выкрутил окошко и придвинулся к зеркалу - в него лучше было не смотреться. Открыл рот и провел языком по зубам. В зеркале отразилась обратная сторона языка с синими, лиловыми и желтыми прожилками. В этом сине-лиловом безобразии было что-то знакомое. Лицо, какой-то давний образ в белом халате и в шапочке продавца, слились в одно, но безобразии изнанки языка он хорошо помнил. Эрика. Тетя Эрика, которая на большом Рижском рынке продавала сметану. Это была вкусная сметана от коров, пасшихся на сочных лугах Лиелупе; потому что луга Лиелупе были хороши именно для сметаны, коровы будто бы давали вместо молока чистую сметану. Для подтверждения сказанного Эрика брала с прилавка кусок пергаментной бумаги, сворачивала его кульком и окунала в большой жестяной бидон - давала

попробовать матери и ему тоже. И пробовала сама. И всякий раз, когда пробовала, облизывала свои зубы. Перед этим чмокала немного, потом облизывалась каждый раз и все время так, что видна была изнанка языка, си-не-лиловая. Язык повешенного. Язык утопленника. Язык привидения.

Должно быть, Эрика догадывалась о том, какое впечатление производит на меня ее язык, потому что после облизывания эта противная сметанница смотрела на него лукаво (или думала, что смотрит лукаво) и принималась смеяться, да так, что в сметанном рту поблескивали серебристые тяжелые пломбы. На одной стороне вообще отсутствовали коренные зубы, там тряслась в одном ритме со смехом розовая десна, как маленькая сочная сосиска.

Он никогда не ел сметану тети Эрики, хотя она и происходила из Лиелупе. Мать ворчала - такая хорошая сметана, а ребенок не ест. И всякий раз мама клала в рот ложку сметаны, театрально чмокала от удовольствия, чтобы показать до чего хороша сметана. И все то время, пока мама пробовала и причмокивала, у него был страх, что и мама оближет зубы и покажет изнанку языка, но мама, к счастью, никогда этого не делала.

Этой Эрике должно быть сейчас за шестьдесят. Его нынешнее лицо таким старым все же не было. Неожиданно перед его глазами ясно предстало лицо Эрики, радостное, румяное в легких кудряшках пепельной блондинки под белым платком. Нет, это не Эрика. Но лицо знакомое. Кто же это? Не была ли эта женщина, владельца этого лица, более высокого роста? В темной одежде? С ярким украшением, повешенным на шею или приколотым к груди?

Когда он, придя в себя после первого испуга, стал подбирать одежду, то тоже выбрал в конце концов темный свитер. Костюм был бы скучным и неуместным, особенно вместе с рубашкой и галстуком, странно выглядела бы и кожаная куртка, в светлом плаще с широкими плечами он выглядел бы как старая опустившаяся женщина из фильмов тридцатых годов.

Утро начиналось обыкновенно. Он как обычно проснулся на какой-то внешний звук. Была это проехавшая машина, первый трамвай, который с дребезгом прополз по параллельной улице. Или стук упавшей с ночной тумбочки книги наверху у соседей - порой он не слышал этих звуков, пока один из них почему-либо не будил его. Он взглянул на часы, красный циферблат светился в сумерках радостным сиянием. В этот момент стрелка с тридцати девяти минут переходила на сорок, это проис-

ходило быстро по какой-то странной логике. Тройка переходила в четверку, словно тройка только для этого и была создана, чтобы перерасти в четверку, и точно так же из девятки получался ноль. Если попытаться повторить это с помощью карандаша, то из этого ничего не получилось бы.

Он осторожно, чтобы не разбудить Байбу, выбрался из постели. Не то чтобы он дорожил сном Байбы, просто не хотелось общаться. Байба спала, худая и страшная как смерть. Синеvато-черные глазницы от постоянно окрашенных ресниц и век в сумерках казались пустыми дырами. Когда он лежал рядом с Байбой, она всегда напоминала ему Танец Смерти, как тощая смерть, с развевающейся одеждой вокруг бедер, уводит за собой короля. На самом-то деле Байба была привлекательной женщиной, хотя бы по стандартам последней моды - с впалыми щеками, стройная, длинноногая, с узкими бедрами. Ее снимки часто появлялись в газетах - Байба любимица фотографов. Не дура и не бесталанна - весьма престижно было водить с ней дружбу, особенно на публике. Байба, дизайнер и журналистка, известная подружка литераторов и издателей.

Он отправился на кухню, голый, открыл окно и стал смотреть на улицу, не думая о том, что спешащие на работу люди могли заметить его. Погода казалась сырой и прохладной, как, впрочем, почти всегда.

Затем она пошел в ванную, глянул в зеркало, уверенный, что оттуда на него посмотрит ежеутреннее привычное лицо, которое он принимал за свое, не задумываясь об этом. Многие годы это лицо, хотя и в постоянном изменении, все же в узнаваемой неизменности смотрело на него из каждого зеркала, где бы оно ни находилось. А сегодня утром в ванной на него смотрело не его лицо, а чье-то чужое. По крайней мере на двадцать лет старше и совершенно точно женское лицо. На мгновение показалось, что владелица этого лица стоит тут же за спиной, он быстро оглянулся, но убедился, что находится в ванной комнате один. Он провел ладонью по лицу, оно было чужое, мягкое, женственное, без ежеутренней щетины. "Хоть бриться не нужно", - промелькнуло у него в голове. (В чьей голове?) Он нащупал на затылке родинку. Она была на месте. Он осмотрел свое тело - мускулистое мужское тело. Очевидно, пограничная линия между его телом и новой головой проходила где-то в районе затылка и не была видна. Новая голова, конечно, условное понятие, на самом-то деле эта голова была намного старше его головы. Он всматривался снова и снова, в надежде, что страшное видение исчезнет и он увидит в зеркале

свое собственное знакомое лицо, которое до сих пор казалось ему красивым и совершенным. Но чужое лицо так и не исчезло из зеркала. Он заметил, что на нем возле носа был гнойный прыщик, и он автоматически принялся его выдавливать. И почувствовал боль. Почувствовал боль чужого лица? А эта, с чьего тела лицо, тоже почувствовала боль? Может, мое лицо теперь на ее теле? Это только мы поменялись лицами или весь мир за одну ночь перепутал все лица, поменял одни на другие? Однако на другой стороне земли не было ведь ночи. Ему захотелось посмотреть лицо у Байбы, но он не решился вернуться в спальню. Что будет, если Байба проснется и увидит его?

Он глядел на свое лицо и оно ему совсем не нравилось. Может, раньше эта женщина была весьма привлекательной, но теперь она была просто старой. По крайней мере для него. Хотя - в этом контексте - что значит для него? Он и был сейчас этой женщиной, как эта женщина была им. Они не могли существовать отдельно, они составляли одно целое. Хотя все же не совсем одно. Кто из них женщина и кто мужчина? Кто прежний и кто настоящий? Если он вообще с кем-то поменялся. Снова и снова мучило его чувство, что это женское лицо он где-то видел.

Лицо от этого философствования не стало приятнее. Может, нужно что-то сделать, чтобы изменить его к лучшему? Женщины ведь красятся. Все полочки и шкафчики ванной комнаты Байбы были заполнены средствами для ухода за лицом, для его бритья было уделено только полполочки. Он стал перебирать баночки с кремом, тубики, коробочки с гримом, тушь для ресниц. Намазал лицо Нивеей, как он делал это по своему обыкновению, возвращаясь с лыжной прогулки или из бани. Затем он нашел баночку с коричневым кремом и покрыл им свое лицо, цвет лица заметно улучшился. “Нужно на щеки наложить румяна”, - подумал он. Это что, пришло ему в новую “женскую” голову? Наверно, чтобы подрумянить щеки, здесь были всякие коробочки, напоминающие пудреницу, с розовым, красным, лиловым, оранжевым порошком. На всякий случай он ими не воспользовался, взял лишь губную помаду, сколько же ее тут было (и зачем Байбе столько), светло-розового цвета и нанес ее на скулы. Щеки приобрели моложавый румянец. Веки он оттенять не стал, странно было бы чистые светлые веки красить в синий, лиловый, коричневый или даже зеленый цвет, хотя Байба делала это каждый день. Но ресницы можно покрасить. Он выбрал коричневый оттенок, потому что посчитал это более скромным. Затем на некоторое

время желание краситься пропало, и хотя в зеркале на него смотрело более привлекательное, выразительное лицо, он испытывал жуткое смятение. Сколько это может продолжаться? Главное, чтобы Байба не проснулась. Надо незаметно улизнуть. Но куда? В библиотеку? Но кем я там представлюсь? У меня даже нет подходящего читательского билета. И как я туда доберусь? На машине? Но на водительских правах моя прежняя фотография. Как вообще выйти с такой накрашенной физиономией? Увидит кто-нибудь из знакомых, потом разговоров не оберешься. Какой знакомый? Кто его узнает? Кто эти люди, которым знакомо мое новое лицо? По телу его никто не узнает, даже Байба.

При воспоминании о Байбе ему стало так жутко, что он невольно поспешил в прихожую. Там на столике лежала одна из его трубок и он остро почувствовал желание закурить. Это было его желание или той другой? Он нетерпеливо набил трубку табаком и жадно затянулся. Как это могло быть, чтобы женщине курить трубку доставляло такое же удовольствие, как и ему? Появятся ли у него с этим новым лицом другие привычки? Обаится ли он настолько, что его фигура станет женственной, плечи сузятся, образуются широкие бедра, груди, мышцы ослабнут. Тогда придется сделать операцию. Кастрировать. Превратиться в старую бабу. Потерять все, абсолютно все. Как эти женщины вообще живут, какие дела делают, как справляются с жизнью? Еще хорошо, что из него получится пожилая женщина, не то пришлось бы иметь дело с менструацией, и, чего доброго, рожать. Ну рожать-то вряд ли пришлось бы. Настолько-то он не изменится, чтобы лечь в постель с женщиной.

Из спальни раздался голос Байбы. Он очнулся от своих мыслей и потихоньку выскользнул за дверь. Понадеявшись, что Байба не поспешит сразу к окошку, а пойдет его искать в кухне или в ванной комнате. Он торопливо сел за руль, включил зажигание, и машина, набрав скорость, с визгом умчалась прочь. Проехав пару улиц, он остановился и опустил голову на руль. Затем снова завел машину и свернул на большую дорогу. Пока опыты с зубами его снова не остановили.

Пока полицейский Мезгайлс или Межгайлс не попросил у него документы. Он протянул технический паспорт. Мезгайлс равнодушно взглянул на документ. “Права”, - требовательно произнес полицейский, и он сунул руку за пазуху, но там не оказалось никакого внутреннего кармана, на нем ведь был черный свитер. Он сунулся искать в бардачке, где лежал технический паспорт, но прав там не оказалось. “Простите, права остались в

кармане пиджака”, - сообщил он почти с облегчением. “Где вы живете?” - спросил Мезгайлис. Он назвал адрес. “Тогда съездите за правами. Мы еще примерно час будем здесь. А ваш паспорт пока останется у нас”.

Увидев тонкие пальцы с красными ногтями, она подумала, что если сейчас она протянет свои права, фотография на которых не совпадает с ее нынешним лицом, то это еще хуже, чем отсутствие прав. Поэтому она отдернула руку с протянутыми правами и сообщила, что это не ее права. “Покажите, что там у вас”, - потребовал полицейский Контпуу.

“У меня ничего нет, абсолютно ничего”. - “Права?” - “Они случайно остались дома”. - “Тогда отправляйтесь домой, а ваш технический паспорт пока останется у нас”. - “Как, пешком?” - “Нет, на машине. Где вы живете? Паспорт есть?”

Она чуть было не протянула паспорт, но догадалась, что это гораздо опаснее. “Паспорт дома, но я живу недалеко”. И она сообщила Контпуу свой адрес.

Два автомобиля одновременно развернулись, хотя оба водителя ничего не знали о маневре друг друга, потому что один из них находился в Таллинне, а другой в Риге. И вдруг, в один и тот же момент, когда они, ошарашенные случившимся, ехали в сторону дома, в голове глупый мотивчик, они оба вспомнили, где они видели э т о лицо.

“Да это же латышский литератор Айварс Рунчис!” - воскликнула водитель в Таллинне.

“Черт, это же эстонская писательница Айме Кыутс!” - воскликнул водитель в Риге.

Год назад они встретились на каком-то семинаре в Германии. Немцы постоянно путали Эстонию с Латвией, Таллинн с Ригой и жаловались, какими одинаковыми кажутся эти маленькие страны (и Литва тоже), если посмотреть на них с Запада.

И все-таки их лица различались, и в этом различии заключался известный смысл. По крайней мере для Кыутс и Рунчиса. Может, еще для некоторых эстонцев и латышей, хотя кто знает, может быть, даже для многих эстонцев и латышей.

Но глядя издалека, из Польши, Швеции, Германии, а может, и из России, это было не столь уж важно. На самом деле вообще неважно. Неважно для одного немца или русского, или для сотни, или для миллиона. Не имело решительно никакого значения. Для всего мира они были похожи как две капли воды, капли воды мирового океана. Эстонцев, помимо Айме Кыутс, было всего

999 999, а латышей всего на 1 999 999 больше Айвара Рунчиса. Но была тут и своя положительная сторона - в таком маленьком сообществе Рунчис и Кыутс не могли исчезнуть бесследно.

Однако что-то нужно было предпринять, может быть, делу можно было дать обратный ход, или можно было как-то по-человечески их объединить. И оба принялись рыться в своих бумагах, в столах, в визитных карточках, чтобы объединиться с другими.

Таллинн - Ваннсее 1996

ESTONIAN DREAM

С некоторых пор в нашем городе стали распространяться слухи о погибших бомжах. Время от времени в парке, на одной из глухих улочек или в подворотне находили труп. Все убитые были мужчины среднего или молодого возраста с грубыми лицами опустившихся людей. Сначала считалось, что убитых было пятеро, но весной, когда в парке Облика начал таять снег, в сугробе под кустом нашли еще одно разлагающееся тело; врачи установили, что и этот мужчина, как и остальные пятеро, был убит осенью выстрелом из пистолета. Несмотря на анархию, которая долгое время царил в нашем городе, и вообще на всей территории, именуемой республикой, органы старались то ли ради интереса, то ли по старой привычке, то ли от какого-то смутного страха - ведь люди, работающие в органах, тоже были беззащитны перед возможным падением нравов и каждый мог вообразить себя потенциальной жертвой, - внести ясность без всякого учета мотивов преступления. На подозрении была даже старушка по имени Мирьям, вышедшая на пенсию школьная учительница. Ее видели в соответствующее время неподалеку от мест убийства. Но обыск в ее доме и вокруг него не дал никакого результата - у Мирьям не нашли никакого огнестрельного оружия, а все мужчины были убиты выстрелом из пистолета. Следователь установил, что это был пистолет 5,35 калибра, весом 600-700 гр., причем скорость пули достигала примерно 300 метров в секунду. Для обнаружения преступника от этих сведений большой пользы не было. Оружие и способ убийства - все были убиты выстрелом в голову, из-за чего трупы были обезображены и идентифицировать их было трудно, одного мертвеца так и не смогли опознать - указывали на одного и того же убийцу. Нужно сказать, что среди городских жителей смерть этих подонков отнюдь не посеяла панику. После третьего трупа стало более или менее понятно, что убийца выбирает жертв среди, так сказать,

люмпенов, людей, которые рано или поздно умерли бы от перепоя, зимних холодов, были бы убиты в драке или погибли бы под колесами автомобиля. Некоторые считали деяния убийцы даже благим делом, потому что застрелены были два довольно опасных рецидивиста, один из них давно уже был в розыске. Так что нашлись люди, говорившие об убийце с восторгом, словно он был Робин Гудом или по меньшей мере Румму Юри. Не всегда же люди бывают гуманны.

В нашем городе проживала, как уже было сказано, одна пожилая, старорежимная женщина по имени Мирьям, которую я знала с детских пор и которая позднее преподавала нам литературу. Мирьям во время эстонской независимости окончила Тартускую женскую гимназию и в немецкие времена несколько семестров отучилась в университете, но затем, когда началась война, вернулась в свой родной город. Поддавшись всеобщей панике, она тоже хотела покинуть страну, но привязанность к родине, выражавшаяся по крайней мере любовью к своей хворой матери, которая жаловалась, что не перенесет переезда и неизвестности перед судьбой, заставила ее остаться на месте. Из Мирьям получилась учительница, в школе она была ниже травы, тише воды, потому что все кругом были под подозрением, и Мирьям в том числе, в любой момент карающий перст мог указать и на нее. Поэтому она одевалась очень просто, в том числе и по причине нищеты. Однажды я открыла для себя, почему Мирьям носит поверх капроновых чулок короткие носки - чулки были из разных пар и по их пяткам это легко можно было определить, носки же скрывали пятки лучше, чем туфли. С застывшим видом выслушивала Мирьям, как мы один за другим сообщали ей, что "Корчагин навел нас на одну-единственную мысль..." О чем Мирьям думала в эту минуту? О своей больной матери, которая уже не вставала с постели? Об оставшемся в России жене? О погибшем брате, воевавшем в немецких частях? Об уехавшей за границу племяннице Мильви, которая была ее ровесницей и жила на другой стороне земного шара? Настал мой черед отвечать, мне не хотелось, чтобы Мирьям и во время моего ответа погружалась в свои мысли, и поэтому я заорала что есть мочи: "Комсомольцев не просят..." На лице Мирьям изобразилась гримаса, дескать: "Как мне все это надоело!" Видимо, она была немного мазохисткой, если заставляла нас по 32 раза повторять историю вступления Павла в комсомол. Или она надеялась таким образом продемонстрировать абсурд этой истории. Хотя тогда мысли и надежды учительницы Мирьям, этой серой мышки, нас не очень-то интересова-

ли. Долгие годы, когда я училась в другом городе и десять лет была там замужем, я и не вспоминала про учительницу Мирьям. Иногда я навевалась в родной город, и там случалось встретиться с ней в очереди в магазине или на перроне вокзала, и я всегда испытывала неловкость, что вот нужно с ней здороваться, иногда она даже заговаривала со мной робким жалостливым тоном, спрашивала, как я живу, как дети, но у меня всегда было такое чувство, что ее не больно-то это интересует, ее мысли все еще блуждают где-то далеко, как тогда, когда мы читали выученные наизусть стихи. Конечно, моя жизнь была для нее так же несущественна, как и Корчагина, или как судьба пастушонка, ютящегося под стогом сена.

Позднее, когда я переселилась в свой бывший родной город, чтобы принять на себя заботу о доме, доставшемся от родителей, - было бы жалко продавать его чужим людям, в то время, как свои дети прозябают в каменном городе, - я сталкивалась с Мирьям гораздо чаще. Это началось тогда, когда в нашу жизнь вошли продуктовые талоны, первыми появились талоны на сахар. Когда их принесли, Мирьям как раз пребывала в Пярнуском санатории. Это был ее первый в жизни санаторий, школа выхлопотала ей путевку, чтобы она отдохнула и полечила радикулит. Вскоре после возвращения из санатория Мирьям зашла к нам с талонами на сахар и попросила ей объяснить, что же теперь будет. Что же будет? Мы пережили такие разные времена, я-то не знала всего, а Мирьям помнила денежную реформу, чеки, знала разные денежные знаки, очереди за сахаром и за маслом, так что объяснять по сути должна бы она, а не я. Она рассказала также о своих санаторских впечатлениях. По правде говоря, санаторий Мирьям совсем не понравился. Сразу же как только она вошла в свою комнату, она заплакала, помещение было затхлым и убогим, как больничная палата, и, кроме Мирьям, туда были поселены три русские женщины, все толстые, как кадушки. Они беспрерывно болтали, смеялись, сверкая железными зубами, и советовали Мирьям обязательно поправиться, потому что она выглядит как Баба-Яга. Днем они без усталости ходили на процедуры, бегали по магазинам, неумеренно ели, а позднее, когда необходимый товар был приобретен, часами стояли в очереди на почтамте, чтобы отправить домой обои, белье и всякие прочие покупки. К ночи они дико уставали и храпели как лев, тигр и пантера. Но они умели и веселиться, иногда по вечерам они приводили себя в порядок, если на улице шел дождь, надевали купальные шапочки, чтобы не испортить прическу, и шли в курзал на танцы. Там они не пользовались особым успехом, ве-

сьма разочарованные они возвращались назад, доставали бутылку водки и начинали пить. Под воздействием алкоголя они начинали петь и рассказывать свои истории, Мирьям слушала их с отвращением и сочувствием одновременно, потому что все их истории были мрачными, словно они были мечены черной меткой. Мирьям вдруг поняла, что вся эта страна, в которой они жили, была мечена судьбой, и почти каждый мог рассказать свою безрадостную историю.

Мирьям проходила курс лечения, делала лечебную гимнастику, сидела в радоновой ванне и принимала душ Шарко. Последняя процедура ей понравилась больше всего, только в душевую кабину нужно было идти через бассейн, где лечили больных шейным радикулитом. Они стояли по шею в воде и их головы были подвешены на ремне, проходящем под подбородком. Они не могли повернуть голову и всякий раз, когда Мирьям проходила мимо них, она вынуждена была видеть, как их взгляды провожают ее, ну чем не фильм ужасов. Радоновые ванны Мирьям терпеть не могла, там нужно было раздеваться перед чужими. Однажды в соседней ванне сидела одна узкоглазая, у которой была ужасно большая голова. Мирьям казалось, что это существо вообще не умеет говорить и не понимает других, она заговорила с узкоглазой, но та и в самом деле ничего не понимала, в ответ только слышалось “ага” или “ну”. Мирьям стала отлынивать от радоновых ванн. Потом она и на гимнастику перестала ходить, валялась между завтраками и обедами на кровати, читала или спала. Ведь она уставала от своих храпящих соседок, днем, по крайней мере, их не было. Так что Мирьям не особенно вылечилась в санатории, правда, она много гуляла по берегу моря, но с таким же успехом она могла это делать в своем родном парке Облика.

Мы еще поговорили с Мирьям о том о сем, потом она ушла домой. Через несколько дней на улице Марди в подворотне нашли первый труп. Вскоре установили, что это был деклассированный элемент из военного городка. Конечно, это была жуткая история, но многие решили, что, видимо, он не поладил со своими друзьями, вот это и случилось. Кроме того, Андрей был застрелен, так что скорее всего это были армейские разборки.

После третьего убийства городок заволновался. Известного убийцу сразу прозвали Джеком Потрошителем бомжей, испокон веков многих убийц почему-то называли Джеками. Некоторые называли убийцу Неуловимым Мстителем, но это прозвище не прошло. Кое-кто говорил, что видел Джека. Одни говорили, что он высокий

блондин, “красивый чистокровный эстонец”, как утверждала одна женщина, шикарно одетый и совершенно рафинированный. Он гипнотизирует босяков взглядом, а остальное - плевое дело. Шептались также, что убийца Калью И., чей сын погиб на войне. По другой версии, это была очень красивая русская женщина из военного городка, которая таким образом мстила мужчинам. Версий было несколько. Следователи допрашивали распространителей слухов, но при ближайшем рассмотрении все варианты уходили в песок. Никто уже не удивлялся этой беспомощности, а убийства продолжались. “Ну уж Джек Потрошитель не успокоится, пока не очистит город от всех подонков”, - так комментировали они.

Шептали даже о заговоре местной организации типа IRA. Иные даже готовы были объединиться и взяться за оружие. Некоторые парни бросили пить и бродить вечерами по улицам. Джек воистину делал благое дело. Пять вопиющих подонков и преступников, среди них, как уже было сказано, два рецидивиста, отправились к праотцам, с пулей в голове, у кого дыра поменьше, у кого побольше, а кому и вовсе полголовы снесло. Над городом стала витать тень ужасов и легенд, о нашем городе стали писать и говорить, иногда показывали по телевизору, как следователь стоит на главной площади города у отеля, построенного в эстонское время, и комментирует совершенные убийства. Подворотню на улице Марди, парк Облика, улицу Раудроху, угол Ведури и Ламба показывали с таким же ужасом и гордостью, как место убийства Пальме в Стокгольме. На углу Ведури и Ламба были убиты два человека в течение одной недели, потом выяснилось, что и в парке Облика были убиты двое. Странно, что в парке Облика второго убитого нашли лишь весной, казалось, что органы словно отлынивали от поисков, чтобы лишний раз не наткнуться на очередного убитого люмпена. Такому отношению к делу способствовало то обстоятельство, что убитых, как правило, никто не искал, ведь они были одинокими безработными.

Итак, весной нашли последний труп, убийства же прекратились поздней осенью, могло, конечно, случиться, что где-нибудь в растаявшем снегу обнаружится еще какой-нибудь убитый, но практически уже зимой в городе все успокоилось. Конечно, город жил не без происшествий, были взломы, угоны, избиения, два изнасилования и одна женщина убила своего мужа топором. Потом еще люди говорили, что она и была этим Джеком Потрошителем, только у нее патроны кончились. Иной даже сожалел, что Джек закончил свою работу, ведь тех, кого стоило бы убрать, еще много осталось. Несколько

сумасшедших направили в горуправу письмо с просьбой, чтобы Джек пристукнул такого-то и такого-то, потому что Джек вроде бы дал обязательство помогать горуправе избавляться от нежелательных элементов.

К счастью или к сожалению, но весной стало ясно, что Джек Потрошитель свою работу в наших краях закончил. Найденная весной в парке Облика осенняя жертва была последним приветом Джека, и кто знает, где пресловутый убийца теперь обретается и чем занимается, в пределах нашей республики он пока бездействует - никто больше не слышал о подобных преступлениях.

Летом в наш дом пришло сообщение, что нужно идти в домоуправление за очередными талонами. В означенном учреждении мне выдали пачку бумаг, но об этом не стоит много распространяться, каждый и так знает, что это такое. Через несколько дней к нам пришла старушка Мирьям, расстроенная и вся в слезах. Понемногу выяснилось, что и она получила пачку талонов, потом забыла, что это за бумажки лежат у нее на письменном столе, что же еще, как не оберточная бумага для цветов, подумала Мирьям, и что она ей не нужна. "Терпеть не могу, когда старые люди хранят всякий хлам, чтобы потом наследникам хватало хлопот и забот!" И Мирьям выбросила бумагу в печь, и пропали мука, масло и макароны. Мирьям долго в тот вечер сидела у нас. Моя семья смотрела в комнате телевизор, а мы с Мирьям пили на кухне кофе, травяной чай и говорили о событиях в мире, республике и в нашем городе. Помаленьку Мирьям успокоилась, особенно после того, как я пообещала выделить ей немного талонов из толстой пачки нашей многочисленной семьи, чтобы старая учительница совсем уж на мели не оказалась. После чего я принесла кокосовый ликер, который моя старшая дочь купила летом в Венгрии, и мы стали его потягивать. Времени было уже довольно много, когда Мирьям стала собираться домой. У нее было весьма приподнятое настроение да и у меня тоже, я еще пошутила, чтобы она не выходила так поздно на улицу, вдруг Джек Потрошитель опять здесь объявился, пере-квалифицировался на пожилых женщин. Внезапно Мирьям стала очень серьезной и грозно заявила: "Ну это вряд ли, этого никак не может быть!" - так что у меня мурашки пошли по коже. Неожиданно Мирьям начала хототать, снова села за стол и выжала в рюмку последние капли ликера. "Ну это вряд ли, - повторила она и лукаво на меня посмотрела. - Этого никак не может быть, потому что никакого Джека Потрошителя не существует, а есть только я, Мирьям".

"Кажется, на этот раз Джек Потрошитель оставил нас

в покое. Слава Богу, хотя, конечно, его жертвы были не очень симпатичными, все же его дела были ужасными. Сознание, что в один прекрасный день он по каким-либо причинам начнет выбирать жертв из другой категории людей, не давало мне покоя”.

“А что вы думаете о тех подонках, которые то и дело обирали людей то в парке Облика, то на углу Ведури и Ламба? Все время что-то случалось, то кошелек отнимут, то пальто снимут или часы отберут”.

“Ну, наличие криминального элемента в наши времена вполне естественно. И если уж приходится выбирать между убийцей и жуликом, то я из двух зол выбрала бы меньшее”.

“А рецидивист с улицы Раудроху? Он уже отсидел один срок за изнасилование”.

“Уж лучше быть изнасилованной, чем убитой”.

Мирьям вдруг как-то съежилась за столом. “Знаете, - сказала она грустно, - я и сама иногда сомневалась, зачем мне это было нужно. Я даже не могу себя считать сильно виноватой, все как-то получилось случайно. Помните, первую жертву нашли в подворотне на улице Марди”.

“Конечно, помню, некто Андрей из военного городка, пьяница и драчун”.

“И грабитель. Как-то вечером я вышла из автобуса и отправилась по улице Марди домой, еще не было поздно, но уже стемнело, времени было между половиной восьмого и восьмью. И вдруг из подворотни на Марди навстречу мне выскочил этот Андрей и стал выдергивать мою сумку. Я попыталась закричать, но он каким-то приемом захватил меня и зажал рот рукой, а другой рукой выхватил сумку - там были все мои сбережения, пенсия и немного денег от продажи веток. На улице было пусто, никто не мог прийти мне на помощь, к тому же он толкнул меня в подворотню, так что я чуть было не растянулась. “Если закричишь, убью!” - процедил он сквозь зубы, и ведь убил бы. Я все же стала сопротивляться, денег было жаль, и в этой возне из моей сумки выпал складной зонтик и покатился по улице, я с трудом его подхватила и попыталась ударить Андрея, но мне это не удалось. Тогда я нацелила зонтик на бандита и закричала, убью на месте. Он захохотал, я нажала на кнопку, открывающую зонтик, и вдруг совершенно неожиданно раздался выстрел, и я увидела, как злодей скорчился и упал. Я ничего не поняла, подумала, что это блюстители порядка пришли мне на помощь, а когда оглянулась, то никого не увидела, никого не было кругом, и окон в подворотне на Марди, как известно, нет. Я и правда не поняла, что случилось, не мог же мой зонтик выстрелить. Я дрожала

всем телом, зубы стучали. Подавив в себе страх, я выхватила сумку из рук убитого, подобрала упавшую перчатку, сунула свой подозрительный зонтик под мышку и выскользнула на улицу, будто я и в самом деле убийца. Сердце стучало как ненормальное, я не решалась даже посмотреть кругом, домой старалась идти спокойным шагом, бег мог бы выдать меня - чего это старуха бегаёт в такое позднее время. Дома выпила воды с сахаром, времени было двадцать минут девятого. Взяла свой зонтик и долго не решалась нажать на кнопку, но когда нажала, зонтик с шумом раскрылся, и никакого выстрела и следа от пули. Однако не скрою, когда я вышла погулять в парк Облика вечером в половине двенадцатого с зонтиком под мышкой, то я не испытала никакого страха”.

“Но Андрей, что вы думаете, как он был убит?”

“А чего тут думать, я точно знаю, это я его застрелила. Застрелила из зонтика”.

“В таком случае вы должны были испытать угрызения совести и пойти признаться во всем, но вы этого не сделали”, - сказала я с иронией.

“Я не могла этого сделать, потому что тогда я не поверила, что мой зонтик при случае может выстрелить. Уж не знаю, зачем, но я решила проверить зонтик, и незадолго до полуночи отправилась в парк Облика, в котором ни один нормальный человек после десяти не появляется, мне не пришлось долго ждать, два пьяных человека напали на меня”. - “Хотели изнасиловать?” - “Почему вы все время насмехаетесь, вы, что, считаете, что я вру?” - вспыхнула Мирьям. - “Может, вы мне и не врете, но вы врете самой себе”, - сказала я. - “Как бы там ни было, два человека напали на меня, я нацелила зонтик на одного из них и крикнула, что я стреляю, они оба захохотали, я нажала на кнопку и один упал, сраженный наповал, тогда другой в ярости набросился на меня, и я выстрелила еще раз, не могу понять, зачем я его уволокла в кусты и зарыла в снег, он был ужасно тяжелым. Но я рассчитала, что если они один труп найдут, то другой уже искать не станут, так что они нашли его только весной. И все же кто-то видел меня поздним вечером или ночью возле парка, когда я туда заходила или выходила, и выстрелы слышал и доложил, куда надо, да так убедительно, что мой дом обыскали, и всем этим обыскивателям было неловко и они несколько раз извинялись передо мной и делали свое дело весьма формально, потом я им кофе предложила, что по нашим временам самоотверженный поступок. Две следующие жертвы достались мне без труда - я ведь тоже слышала эти разговоры о Джеке Потрошителе, и считала делом чести очистить город от всякой шва-

ли, воров и грабителей, странно, я вроде и не понимала, что убиваю людей, наоборот, я чувствовала удивительный прилив сил, опьянение, ощущение власти, которое раньше я никогда не испытывала. Я убила еще троих, и это мне далось еще более легко и просто, ведь я была уже опытной”.

“Опытной убийцей”, - добавила я, в надежде, что весь ужас этого замечания заставит ее опомниться и она вернется на землю из своих заоблачных фантазий. Но она и сама вроде бы закончила свой рассказ, так что мне пришлось даже выпрашивать, что же было дальше и почему она так неожиданно забросила свою кровавую работу.

“Видите ли, когда однажды я стояла в засаде в подворотне на Марди, я вдруг поняла, что мы поменялись ролями. Теперь здесь не было никого, кто хотел бы меня ограбить, наоборот, это я поджидала свою жертву, чтобы продолжить смертоубийство. И мое сердце заныло, впервые мной овладело раскаяние, мне стало жаль всех тех, кого я отправила на тот свет. У меня не было никаких полномочий, чтобы их наказывать, никаких прав, разве что в моих руках оказался стреляющий зонтик. И тогда мне пришло в голову, что это не я выбираю своих жертв, а мой зонтик, а если так, то он не выбирает невинных людей. Так что когда я немного погодя встретила в подворотне пьяного парня, который, увидев меня, стал материться, то я выставила зонтик и крикнула, стой, стреляю! и нажала на кнопку, но в душе я сомневалась, так оно и вышло - выстрела не получилось. Я попыталась проделать то же самое с еще несколькими выпивохами, но зонтик не произвел больше ни одного выстрела ни в эту, ни в последующие ночи, когда я снова и снова пыталась повторить свои попытки. Должно быть, моя работа и моего зонтика была закончена, воистину закончена, потому что после этого никто в этом городе никого больше не беспокоил”.

Мирьям сунула пальцы в рюмку с ликером, протерла ее изнутри и облизала сладкие от ликера пальцы. Затем она поднялась, чтобы уйти.

“У вас с собой этот зонтик?” - спросила я в прихожей. Она лукаво усмехнулась, открыла свою большую сумку и достала из нее самый обыкновенный серый зонтик в красную полоску, нацелилась на меня и крикнула:

“Стой, стреляю!” - и спустила курок.

*Перевела с эстонского
Эльвира МИХАЙЛОВА*

15 ЛЕТ ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Хоть и заочно. Да увиделись.

И “юбилей” русского литературного журнала “Вышгород”, основанного в независимой Эстонии 15 лет назад, совпал со многими “солженицынскими” событиями. Надеемся, не случайно.

22 марта 1994 года в Таллинне, в Национальной библиотеке Эстонии, Никита Алексеевич Струве - директор самого крупного в “русском рассеянии” парижского православного издательства ИМКА-Пресс - открыл выставку ранее недоступной в Союзе религиозно-философской, богословской, исторической и художественной литературы, оставив Эстонии в дар 268 томов. Среди них, конечно же, был и “Архипелаг ГУЛАГ”, сорвавший в декабре 73-го пелену с глаз почитателей “коммунистического будущего”, и другие книги “подрывника” советского режима. Никита Струве откликнулся на приглашение творческой интеллигенции и бывших членов Русского Студенческого Христианского Движения, от имени которых к нему обратился Эстонский культурный центр “Русская энциклопедия” - при поддержке Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы и министерств культуры трех стран - Эстонии, России, Франции.

В заполненном до отказа большом зале Нацбиблиотеки Никита Алексеевич прочел лекцию “Александр Солженицын - писатель, стратег, пророк”. И хотя сам А.С., как недавно сказала в одном интервью Н.Д. Солженицына, в применении к себе “пророка” не принимал, многое из его предсказаний сбылось и еще, думается, сбудется.

В марте же 94-го, когда семья во главе с “вермонтским создателем” уже собиралась вернуться в родное отечество, Н.А. Струве припомнил удивительный эпизод первых часов изгнанника за рубежом в феврале 74-го. Теперь об этом и в книге Л.И. Сараскиной *Александр Солженицын*. “Через двадцать лет Струве вспомнит, как в их первую встречу в Цюрихе А.И., устав от суеты, прилег отдохнуть и вдруг говорит: “Вы знаете, я вижу день моего возвращения в Россию...” Потом добавил: “Я вижу, как и вы приедете в Россию...” (с. 706). Возврат “живым”, а не только книгами, стал смыслом его жизни и творчества вдали от родины.

В апреле 94-го из печати вышел наш первенец - "Вышгород" № 1, где мы начали публиковать (впоследствии регулярно) главы из мемуаров Тамары Павловны Милютиной "Сыновьям. Люди моей жизни" с эпиграфом из "Архипелага". Этот первоначальный текст, "Одна из Пятьдесят Восьмых", Т.П. - в ответ на Обращение Солженицына к русской эмиграции прислать свои рукописи-воспоминания как "сгусток народной памяти и опыта" - сразу же переправила в Москву, в создававшийся там (целиком перевезенный) архивный фонд писателя. Нынче эта машинопись (второй или третий экземпляр хранится и у нас в редакции) демонстрировалась - уже вместе с книгой "Люди моей жизни", вышедшей на русском и эстонском языках, - как на московской выставке "Архипелаг ГУЛАГ: эстонский остров" (12.12.2008 - 28.02.2009) в "Русском Зарубежье", переименованном уже в Дом "Р.З." имени Александра Солженицына, так и на таллиннской, открывшейся в Национальной библиотеке 25 марта 2009, в День 2-й депортации эстонского "неблагонадежного элемента" (включавшего детей и стариков) 25 марта 1949 года, 60 лет назад, а также в Центральной нарвской (май).

В 1998 году экспозиция "Русский зарубежный архив. XX век" в Национальной библиотеке Эстонии (сотрудничество продлевается) явилась продолжением знакомства с "русской литературой в изгнании", безусловно, с трудами А.И. Солженицына (изданиями и переизданиями за рубежом и в России). К сожалению, сегодня даже в нашей главной библиотеке пока нет новейшего, дополненного, изданного в 2008 (Москва, Вагриус) "Архипелага ГУЛАГ", в котором впервые названо на шести страницах более двухсот "свидетелей"-помощников А.С., в том числе Арнольд Сузи, его дочь и сын.

В том же году, 98-м, мы получили от Александра Исаевича свежайший экземпляр "России в обвале" (Москва, "Русский путь" 1998) - с собственноручной надписью:

Редакции журнала "Вышгород" с добрым чувством

Окт. 1998 (подпись)

На титуле был подклеен и листок:

8.10.98

Редакции таллинского "Вышгорода".

Друзья!

Спасибо за память.

Псылаю Вам "Россию в обвале".

Если хотите - можете перепечатывать из нее любые главы, но только каждую взятую - целиком - до слова.

Светлого духа

Вам и Вашему окружению!

Устойчивости Вашему журналу!

(подпись)

Мы захотели. Подготавливался 6-й "финский" спецномер.

А. Солженицын

РОССИЯ
В ОБВАЛЕ

Редакция
журнала „Вымпел“
с доктором Губовым

окт. 1938

8.10.98

Редакция
таллинского „Вымпела“:

Друзья!

Спасибо за память.

Посылаю Вам „Россия в обвале“:

Если хотите — можете переиздавать
из нее любые главы, но только
каждую страницу — целиком, до слова.

Светлого духа

Вам и Вашему окружению!

Устойчивости Вашему журналу!

Но ждать следующий не стали. Тем более что предстояло 80-летие писателя. Потом критик-рецензент попрекнул: ну так они любят Солженицына, что и тут без него не обошлось. А был и повод: на финском “Архипелаг ГУЛАГ” появился еще в 1976, почти сразу же, как и на многих других языках.

В “финском” выпуске были напечатаны - полностью, “до слова” - две главы: “Право на корни” и “Эволюция нашего характера”. Две из 36. В нашем послесловии к публикации мы подытожили: “Россия в обвале” - из редких произведений - защищающих душу Правдой”.

Лембиту Аасало передаст эту Правду по-эстонски (Olion, 2001), как это делали до и после него, начиная с 63-го, и Леннарт Мери, и Хенно Аррак, и Майга Варик, и Хелми Тиллеманн, и Матти Пийримаа...

“Солженицынское” и “гулаговское”, вообще о репрессиях и преследованиях инакомыслящих, о судьбах русской (и не только) эмиграции мы в своем журнале пишем постоянно. А эстонский прозаик Юло Туулик однажды рассказал и о том, как в августе 74-го он, матрос советского судна, переправил домой из Лас-Пальмаса, договорившись с капитаном маленького сейнера, страшно опасный груз. Две маленькие книжечки в коричневой обложке - “Архипелаг”, засунутый ему в карман в каком-то магазине, - положили в непромокаемом пластике на дно бочки со ставридой особого послала... (“Вышгород” 3-4,2005).

Нет, недаром Исаич, как называют его близкие люди, верил в Эстонию и душевно с нею сжился. Недаром, работая здесь в 60-е годы, собирался и хутор купить. Недаром завел маленький словарь, записывая в него эстонские слова и их произношение. “Московский профессор”, добивавший на хуторе Копли-Мярди свою “диссертацию” и посещавший изредка местную лавку, пытался объясняться по-эстонски...

Выступая в “Русском Зарубежье” на вечере памяти А.И. Солженицына 12 декабря 2008 года, его верная спутница жизни и помощница во всех делах, мать его троих сыновей (скажет, прощаясь: “Сегодня я работаю бабушкой”), - Наталия Дмитриевна покажет единственный в мире такой русско-эстонский разговорник. И заверит: “Я с ним расстанусь только в том случае, если в Эстонии будет создан музей Александра Исаевича”.

Но пока речь идет о том, чтобы постараться установить в Копли-Мярди, где создавалась Книга Века, мемориальную доску.

Л.Г.

**Н.Д. с русско-эстонским словарем А.И.
Фото Веры Владимировой.**

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ПРОТОТИП

Первоначальный образец; прообраз; лицо, послужившее автору оригиналом, а также литературный тип. Сл. р. я.

Стремление моделировать и рекламировать образ "Булгарина-литератора: исторического деятеля, друга великих", было одним из главных ходов его литературной тактики.

Татьяна Кузовкина.
"Феномен Булгарина"

Безотрывно прочел эту книгу. "Посвящаю Тарту". Разумеется - университетскому.

С Дерптом (*Карлова*) - Юрьевым - Тарту Ф.Б. связал себя - и свое потомство - навсегда.

Голубопетличное НКВД, всеконечно, погребовало (бы) - в 1940-м - *продажным агентом Бенкендорфа*. Да Булгарины принимали нобелевца И.А. Бунина. Враги - врага. Вячеслав Болеславович Булгарин, внук, к тому ж оказался видным общественным деятелем, офицером Первой Мировой. Был арестован и - неукоснительно - расстрелян.

Книжной продукции с поруганиями Фаддея Венедиктовича - горы. Русских, разумеется, и панегирических - польских, американских, вообще отрицающих "связь" его с Третьим Отделением. Или подчеркивающих: такова была сверхразумная поведенческая линия незауряднейшего человека. С волками жить - по-волчьи выть. Еще неизвестно, мол, и тогда и посейчас - кем и чем вертит *собачий хвост*. Фаддей Венедиктович был нарасхват. "Иван Выжигин". Или "Димитрий Самозванец". "Борис Годунов" почти то ж самое - только *занудным белым* стихом. Да и тиснута пушкинская вещица позже. *Бездоходно*. Как потом загнулся журнал "Современник". Сожрали тираж его крысы.

Тогда как болгаринская сногшибательная популярность - знаменитого автора второй четверти XIX в., издателя первой массовой ежедневной общественно-политической газеты "Северная пчела", первого исторического журнала "Северный архив", первого театрального альманаха "Русская Талия" - вызвала знойную зависть.

А Ф.Б. "как раз и являлся характернейшим деятелем эпохи профессионализации русской литературы. Однако, несмотря на

свою широкую писательскую, издательскую и журналистскую деятельность, Булгарин, по выражению Ю.М. Лотмана, “/.../ вошел в литературу именно своей темной биографией”.

Это процитировано в начале книги, почти приключенческого жанра, научно сжатой, с отсылкой к массе источников, но без “обязательного” до скукоты языка. Прочтите ее. Принимая не принимая. Предмет специфически щепетильный.

Вот как комментируется весь текст в заключении: “...трудно не посочувствовать мнению Л.М. Лотман, считающей, что борьба Пушкина как олицетворения всех высоких гуманистических принципов русской литературы и Булгарина “/.../ еще не завершена, что в нашей культуре живы семена, посеянные этими антиподами, и что бесстрастная объективность в отношении к их конфликту невозможна”. Гуманитарные знания, продолжает Кузовкина, как неоднократно подчеркивалось, неизбежно включают в себя субъективный фактор, что осложняет работу исследователя, однако это не избавляет от необходимости стремиться к научной объективности./.../ ...всестороннее и корректное изучение этого феномена позволит прояснить и те процессы, которые происходят в современном обществе и культуре”.

Такова цель будущего, надеюсь, тома.

Здесь же - после 132 страниц - следуют: Источники (133-137); Исследования (137-144); Работы автора по теме диссертации (145); эстонский и английский тексты - kokkuvõte, summary (147-151); Указатель имен и названий (152-160).

Из Curriculum vitae. В 1990-м окончила отделение русской и славянской филологии Тартуского университета. Была личным секретарем проф. Ю.М. Лотмана. С 1993 по 1997 младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ. В 1997 защитила магистерскую диссертацию “Гоголь и Булгарин: диалог в историко-литературном контексте”. В 1997-2001 гг. участвовала в проекте “Научно-техническая обработка личного архива проф. Ю.М. Лотмана и создание компьютерной базы данных в библиотеке Тартуского университета”. С 2001 - докторант кафедры русской литературы.

Но позвольте рецензионно-придиренческой моей субъективности, понимаю, очень поверхностной, высказаться по “грибоедовско-булгаринскому”, может быть, самому потрясающему сюжету. Здесь - у Татьяны Кузовкиной - немало обобщенных суждений. По денежным делам в особенности. Просто детективнейшая прелесть. Бог с нею.

Ведь вот что, наиглавнейшее, тут. “Как известно, в 1828 г., уезжая в Персию, Грибоедов написал на хранившемся у Булгарина списке своей комедии: “Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов”, рассчитывая, видимо, на то, что Булгарин проведет в печать полный текст комедии. /.../ Но никто из исследователей не задается вопросом о смысле грибо-

едовского поручения и о том, насколько точно следовал ему Булгарин”.

Подробности - занимательнейшие - на несколько страниц. В том числе, о вмешательстве “непосредственных” родственников гениального поэта, когда Фаддей Венедиктович, нажимая на все наитайные пружины властей предержавших, действительно **провел** полный текст комедии на сцену 26 января 1831 г. Историческое событие.

Любопытно, пишет Татьяна Кузовкина, что за два дня до постановки в СП (“Северной пчеле”) появилась восторженная реклама:

“Наконец пламенное желание просвещенной публики и всех друзей Русской Литературы исполнилось! Комедия *Горе от ума* будет играна вполне. Когда играли только отдельные сцены, Театр всегда был полон, и невзирая на то, что представления непрерывно повторялись, публика не уставала хлопать и смеяться. Вот наконец увидим мы это бессмертное творение в целом! (СП, 1831, № 19, 24 января. С. /2/)”.

Далее в главе чудесные сопоставления: как “другим” не разрешали даже цитировать неопубликованное **Горе**, а Булгарин в СП в тот же день напечатал развернутую рецензию на спектакль с *выписками из текста*. А далее-далее, 13 февраля 1831 г. в цензурном комитете слушали представление цензора Сенковского, который, ссылаясь на СП, говорил, что “в России распространены более 40 тысяч списков комедии, что рукописные книги гораздо опаснее печатных /.../, что следует примирить цензуру с общественным мнением, и на основании всего этого призвал разрешить комедию к печатанию”.

А далее-далее, о булгаринских планах стало известно (от кого? от либералистов, наверное, типа Вяземского: *батушки-светы! Булгарин будет первопубликатором!*) стало известно вдове и сестре Грибоедова. 11 марта 1831 г. они поместили в “Московских ведомостях” объявление, что после смерти мужа и брата “состоят единственными наследницами”... И подали жалобу в Черньский уездный суд по месту жительства сестры. Дело рассматривалось... более года!

Почитайте-почитайте. Лишь в 1833 (!) “с личного разрешения Николая I” полный текст вышел из печати. И лишь... в 1854-м появился булгаринский с *факсимильным воспроизведением грибоедовской надписи*... Татьяна Кузовкина констатирует: “Булгарин здесь не преуспел” (?) в конкуренции с “другими” еще более дешевыми изданиями. Ну да, ну да: всюду деньги, всюду деньги. Презренный Булгарин.

А разве ж гениальный поэт - “Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов” - просчитался. С его провидчеством-то. С его точным предчувствием близкой гибели (см. пушкинский “Арзрум”). Просчитался - положившись на Фаддея Венедиктовича? В чем?

Художники создают *прозрачную среду* (вспомните в **Го-ре** помимо слов; неразбуженному воображению помогает в этом театр); **сочинители** обожают *вязкий стиль* какого-нибудь “направления” (серебряновековского - революционного - религиозномагического и т.п.); **вечному сейчас** преданы прагматики (да создай Булгарин классический шедевр - вроде Золотого Ключика завязатого сталиниста-мозгососа Ал. Н. Толстого - и разнородно меркантильные шалости, как этому фантастическому счастливцу, были бы тоже полупрощены-полузабыты).

И тут уж со-наследницы ли, Фаддей (Тадеуш) ли Венедиктович пред всем светом квиты.

Книгопродавец:

Позвольте просто вам сказать:

Не продается вдохновенье,

Но можно рукопись продать.

/.../

Поэт: Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

Пушкин “приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью” (его слова из тома седьмого Собр. Соч.).

Совесть Грибоедова была неподкупной. А сохранить - протолкнуть - продать гениальную **вещь** мог только *верный друг*-прагматик. Не так ли?

Поинтересуйтесь у нынешних массолитовских покупателей.

Н.Н.

ЭСТОНСКИЕ РУССКИЕ

Обозначенную в подзаголовке тему - “Русские в Эстонии” - профессор Сергей Исаков “осваивал” не один десяток лет. *

В книге “Путь длиною в тысячу лет” весь этот материал систематизирован и компактно изложен в историко-хронологическом порядке. Выбраны два стержневых аспекта - 1) русские писатели Эстонии и 2) отображение Эстонии в творчестве посещавших эти места авторов. Сергей Исаков выступает не только как историк литературы, но и как социолог и культуролог, воссоздавая картину расселения русских в Эстонии, проникновения сюда православной религии, рассматривая вклад

С.Г. Исаков. Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии: История культуры. Часть 1. Таллинн: INGRID. 2008. - 312 с. (Русский исследовательский центр в Эстонии) - Тираж 500 экз.

* “Postitõllaga läbi Eestimaa” (1971), “Эстония в произведениях русских писателей XVIII - начала XX века” (2001), “Русские в Эстонии 1918-1940. Историко-культурные очерки” (1996), “Очерки истории русской культуры в Эстонии” (2005), антология “Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.” (2002), ряд разделов в коллективной монографии “Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940)” (2001), учебное пособие для школ “Русские писатели и Эстония” (2-е издание 1985) и др.

здешних русских и в другие, кроме литературы, области искусства и науки.

Первая часть труда охватывает период с древних времен до 1940 года; задуманная вторая будет посвящена советскому периоду и современности.

“Путь” включает в себя: древнейший период (с конца X до начала XIII века, то есть до пришествия немецких рыцарей-крестоносцев); XIII-XVII века (власть немцев, шведов и других завоевателей); пребывание в составе Российской империи до середины 80-х годов XIX века; конец 19 - начало 20 века (русификация и в то же время национальный подъем); первая независимость Эстонской Республики (1918-1940).

Здесь и свидетельства из русских летописей (история основания “града Юрьева”), и первый литературный памятник русской литературы - “Плач о реке Нарове” (1665) нарвитянина Леонтия Белоуса. Особое внимание С.И. привлекает поселение на побережье Чудского озера русских староверов в 17 веке, положивших начало старообрядческой общине, существующей до наших дней и бережно хранящей свои древние традиции в быту и народном творчестве. Однако, ввиду крайней малочисленности здешнего русского населения до XVIII столетия, контакты между двумя культурами носили весьма эпизодический характер.

Положение несколько меняется после включения Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи по Ништадтскому мирному договору с Швецией (1721). Но почти до конца 19 столетия в Прибалтике устанавливается “особый остзейский режим”. Стоило бы подробнее остановиться на специфике культурной ситуации в прибалтийских губерниях в условиях этого “режима”, из-за чего этот край долгое время воспринимался как “немецкий”, а здешняя культура как часть немецкоязычной. Привилегированное положение выходцев из числа остзейцев в высших кругах Российской империи не могло не способствовать усилению их роли и вклада в российскую науку и культуру. XVII век уже вносит русский элемент в архитектуру и изобразительное искусство. Эстонию посещают Г. Державин, Д. Фонвизин, Н. Карамзин, художники и музыканты. Однако лишь с наступлением XIX столетия и восстановлением в 1802 году Дерптского (Тартуского) университета можно говорить о более тесных связях с Эстонией известных русских писателей - В. Жуковского, Н. Языкова, В. Даля, Ф. Булгарина, П. Вяземского, Ф. Достоевского, А. Фета.

В книге прекрасно представлены Дерпт, его поэтическая школа, а также русское общество “на Ревельских водах”.

Несколько удивляет отсутствие даже упоминания о В. Кюхельбекере, а ведь он детские годы провел в Авинурме, изпод его пера вышла первая в русской литературе “эстонская” повесть - “Адо” (1822-23) - о борьбе древних эстов с немецкими крестоносцами. Правда, эта повесть нашла достойное отражение в учебном пособии того же С. Исакова “Русские писатели и Эстония”.

В истории эстонско-русских отношений начавшаяся в 1880-е

годы русификация до сих пор воспринимается эстонцами особенно болезненно. Но невозможно отрицать и то положительное, что несло с собою изучение и распространение русского языка и русской культуры (см. высказывания эстонских классиков А.Х. Таммсааре и Э. Сяргава-Петерсона). Правильно указывает автор, что и среди русских в Эстонии были как сторонники, так и противники русификации, тем более - насильственной. Вполне естественно, что в изменившихся условиях не только увеличилась русская прослойка в студенчестве и интеллигенции Эстонии, но стала интенсивнее русская общественная и культурная жизнь в Ревеле, Дерпте-Юрьеве и Нарве. Особое внимание привлекает тема “Русские на Нарвском взморье”.

В последней главе “Период независимой Эстонской Республики (1918-1940)” автор подробнее останавливается на причинах увеличения численности русских в Эстонии, изменении их статуса после провозглашения независимости ЭР, их вкладе в становление эстонской государственности и экономики, и особенно - на их общественной и культурной жизни, системе русского образования, книгоиздания и периодической печати. Уместны сравнения положения русской литературы в Эстонии и в других странах русского рассеяния. Удалось “микроретреты” наиболее значимых русских литераторов тогдашней Эстонии - Игоря Северянина и других. Творчество местных русских соотносится с эстетическими течениями первой половины XX века. Отдельные подразделы посвящаются русскому театру, музыке, балету, изобразительному искусству и архитектуре в Эстонской Республике 1918-1940 гг.

Остается лишь пожалеть, что автор оставил почти без внимания второй стержневой аспект исследования - посещения Эстонии зарубежными русскими литераторами этого периода. Ведь Эстонию “навещали” в то время как советские писатели (Н. Тихонов, Л. Соболев), так и представители эмиграции (И. Бунин). Можно было бы назвать и повесть “Пейпус-озеро” (1925) Вячеслава Шишкова, хоть и не повидавшего Эстонии, но отобразившего трагедию армии Юденича и события конца Освободительной войны.

Своей новой книгой Сергей Исаков явно преследовал сверхзадачу - показать на убедительном материале, что русские в Эстонии не случайные пришельцы, а этнос, корни которого на этой земле насчитывают тысячу лет, а культура - многие столетия. Уроки этого пути, без сомнения, полезны нынешним русским жителям Эстонии, особенно опыт русской культуры периода первой Эстонской Республики (1918-1940); другое дело - насколько они сумеют воспользоваться им. И - last not least - эта книга (базирующаяся на прочитанном Исаковым одноименном университетском курсе) дает широкому кругу читателей компактный (и популярный по стилю изложения) свод истории русских и их культуры в Эстонии за тысячу лет.

Нафтолий БАССЕЛЬ
доктор филологических наук

ФРАНЦИШЕК
АПАНОВИЧ

ПРИБРАНИИ
РАИ

Лирика Николая Гумилева изобилует множеством библейских реминисценций. Очень значим тут сам выбор заимствованных из Библии образов, мотивов, а также символики и топики, глубоко продуманной, выражающей чувства и мысли автора.

В ранних сборниках на первом месте образы Адама и Каина, которым поэт посвятил, помимо многих упоминаний, отдельные стихотворения: *Адам* (1910), *Сон Адама* (1910), *Потомки Каина* (1909) и поэтическую прозу *Дочери Каина* (при жизни не печаталась). Мотив рая несколько раз вынесен в заглавие: *Ворота рая* (1910), *Рай* (1915). Рядом с Адамом, естественно, пребывает Ева, а рядом с Каином - Авель, но чаще всего на втором плане, лишенные самостоятельной семантической функции. Спорадически встречаются здесь, между прочим, имена Моисея, Юдифи, Нимврода, а из Нового Завета - Иисуса Христа, Марии, Петра, Саломеи, Иоанна Крестителя. В обозримом пространстве - Древо Познания и гора Фавор, Красное море и Иерусалим, Огненный столп и само Слово, "которым останавливали солн-

---

Францишек Апанович - доктор филологических наук, профессор Гданьского университета, славист, прекрасно знающий русский язык и русскую литературу, автор многочисленных исследований, имеющих приоритетное значение, как, например, полноценнейший труд о жизни и творчестве Варлама Шаламова. Подчеркнем, что это - вообще первая фундаментальная литературоведческая работа о Варламе Шаламове, как ни парадоксально, не на русском, а на польском языке. "Nowa proza" Warłama Szalamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej, Wydawnictwo UG, Gdańsk 1996; там же - 1998. Как раз из этой книги целые главы переводились для российских сборников. А сам ученый в качестве крупного специалиста приглашается на конференции, посвященные создателю Колымских рассказов. Круг интересов и познания русской словесности Францишека Апановича весьма широк, в чем вы можете убедиться, познакомившись с его размышлениями о лирике Н.С. Гумилева. "Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина" (Wydawnictwo Naukowe "Śląsk", Katowice 2002) - эта проблема занимает Ф.А. уже десятилетия. Так же, как и другая, - "Окно в Европу. Культурный облик Петербурга и его роль в мировой истории". Такой двуязычный сборник вышел в 2006 году в издательстве Гданьского университета под редакцией Францишека Апановича и Збигнева Опацки.

це". Библейские сюжеты интерпретируются Гумилевым, главным образом, в христианском духе, поэтому рядом с Иерусалимом в его стихотворениях присутствует и Новый Иерусалим, из Апокалипсиса, а рай - это не только сад, где жили наши прародители, но и будущий "рай, завещанный Богом".

Какой облик Адама рисует поэт? В одноименном стихотворении, как, впрочем, и в других его текстах, герой показан уже после изгнания из рая. Стихотворение построено в форме обращения поэта к Адаму и распадается на три основных части. Первая и вторая строфы имеют форму вопроса - скорбит ли Адам по утерянному раю. Рай показан здесь согласно всеобщим представлениям и очерчивается всего лишь несколькими штрихами: это сад, это век невинности (Адам еще "безгрешен", а Ева названа "ребенком-девой"); это место забав и развлечений (пляска Евы "в душистый полдень на горе").¹ В третьей и четвертой строфах - жизнь Адама после изгнания из рая, на земле, где он познал "тяжкий труд", быстротечность и бренность жизни, неотступный страх смерти ("бешенство минут" и "дуновенье смерти грозной") и боль, и стыд (100 - 101). Жизнь райская противопоставлена земной, как блаженство - страданию.

Однако в трех последних строфах, содержащих, по всей видимости, авторское кредо, картина переосмысливается коренным образом. Разрушение стереотипного мнения об Адаме в раю начинается уже в первой строке пятой строфы: "Ты был в раю, но ты был царь", где ожидаемый в данной ситуации союз "и" (причинно-следственная зависимость: ты был в раю - и поэтому ты был царь) заменяется союзом "но", выражающим противопоставлением (ты был в раю, но, несмотря на это, ты был царь). Слово "царь" означает монарха, властелина или правителя, того, кто превосходит всех, подчиняет себе других, но сам не подчиняется никому. В мифологических построениях царь часто понимается как воплощение божества, солнца, или как центр космоса и посредник между небом и землей.² Это подтверждают слова из следующей строчки ("И честь была тебе порукой") и характеризующий героя эпитет "надменный", указывающие на сохранение собственного достоинства и царственную уверенность Адама в своем превосходстве, за что он и был унижен Богом. Мотивы гордости и унижения, но не смирения, связывают воедино все стихотворение, которое начинается словами: "Адам, униженный Адам, // Твой бледен лик и взор твой бешен" (100). Весьма значим именно этот мотив, а не лишение благополучия, блаженства, счастья.

Адам - партнер и соперник Бога. И сам он, и его судьба напоминают взбунтовавшихся и поверженных ангелов, он

сродни излюбленным романтическим героям-бунтарям. Бунт - залог свободы, и герой здесь - свободная личность, восставшая против насилия. Бог Гумилева тоже построен по романтической парадигме: тиран, требующий полного подчинения. Он поместил человека в раю, но потребовал от него рабский покорности. Такое требование равносильно смерти, а рай - подобию тюрьмы, поэтому Адам выбрал свободу, поиск, горение духа. Поэт пророчит вечную хвалу, которую воздадут ему ангелы на небесах:

За то, что не был ты, как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут. (101)

Полную солидарность поэта с его героем выражает также последняя строфа:

В суровой доле будь упрямым,
Будь хмурым, бедным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным. (101)

На аксиологических весах Гумилева свобода воли и независимость духа, даже в кратковременной, быстротечной жизни на земле, в тяжелом труде, стыде и боли, при постоянном сознании и страхе смерти, перевешивает вечную жизнь и все ее красоты в великолепной тюрьме. Эта мысль выражается всем строем стихотворения, но особо сильно звучит в призыве "будь согбенным" из последней строфы: пусть сгибает тебя горе на земле, но не раболепство в раю. Очень уместно в связи с этим использование для определения райских плодов уничижительных эпитетов "неискупленные и презренные". В данном контексте слово "неискупленный" означает отказ от безвозмездного дара, зависимо от чужой воли, и необходимость заслужить счастье своим собственным усилием. Гумилеву принадлежат дерзкие слова: "Правду мы возьмем у Бога // Силой огненных мечей" (41), где "огненные мечи" не случайно "рифмуются" с мечом херувима, поставленного у ворот рая после изгнания Адама и Евы (Быт 3, 24).³ Также в одном из более поздних его стихотворений, *Я и вы* (1918), слышны похожие ноты:

Я люблю - как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет. (235)

Не ждать, а брать - вот каков повторяющийся девиз поэта, многократно подтвержденный самой его жизнью. Иллюстрирует это и процитированное стихотворение, герой которого отбрасывает дарованный Богом, готовый, "прибранный" рай, предпочитая ему "дикую щель" и притон. Парадоксально, что рай рисуется здесь не первозданным миром,

не тронутым рукой человека, но устроенным по вкусу мещанской цивилизации, а дикая природа имеет демонические черты, но они близки герою:

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай! (235)

Естественно, слово "неискупленный" прежде всего вызывает ассоциации с жертвой Христовой, принесенной для искупления человеческих грехов и с обещанием "искупленному" уже человеку нового рая. Однако при таком толковании становится непонятным эпитет "презренные", поскольку, согласно еврейскому и христианскому учению, рай был уготован Богом, и созданные им плоды могли быть только благословенны, а человек лишился всего по своей вине, в результате грехопадения. С этой точки зрения не плоды рая, а человек должен быть достоин презрения.

В одном из поздних стихотворений, *Рай* (1915), Гумилев напишет, что значит для него быть достойным рая. Герой, альтер эго автора, отличается прямой верой ("я в догматах был прям" - 218), воинской доблестью ("Георгий пусть поведает о том, // Как в дни войны сражался я с врагом" - 219), чистой душой, хотя и буйной, несмирненной плотью ("плоти я никак не мог смирить"). Однако главную заслугу он видит в своей мечте о райских садах и чудесах "внемировой природы", а в особенностях - в необыкновенной силе любви, способной "растопить адский лед" и "адский огонь слезой запить" (219). При этом герой отличается ясным сознанием собственного достоинства, требует открыть ему ворота рая, ибо "достойный рая в дверь его стучит" - эти слова обрамляют стихотворение, что придает им особый смысл и силу звучания.

Мотив любви, страсти почти всегда соединен у Гумилева с мотивом рая и земли. В стихотворении *Две розы* (1911), например, поэт рассуждает о страсти как о такой силе, которая способна проникнуть в небесные тайны. Пытаясь доказать свою мысль, он использует особую риторическую конструкцию. Исходя из общепринятой символики розы ("роза - страстности эмблема") и убеждения, что страсть - это земное явление ("страстность - детище земли", 141), он связывает оба положения с фактом, что розы "пышно расцвели" перед воротами Эдема, "на Пороге Знания", и задает риторический вопрос:

Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?! (142)

С другой стороны, на земле страсть, любовь - знак рая, его отзвук и зов. В *Канцоне первой* (1917), из сборника *Костер*, любовь пронзает душу "синими светами рая" и вызывает "струной ангельской арфы". Арфа - популярный музыкальный инструмент древнееврейских пророков и царя Давида - символизирует небеса, небесную лестницу, гармонию и любовь.⁴ Лирический герой признается, что лишь для одной любви он живет на земле и "делает дело земное", но говорить о ней хочет только "на языке серафимов", ибо она для него - "Иерусалим пилигримов" (243), то есть самая важная, последняя цель в жизни.

А в *Канцоне второй* (1918) из этого же сборника, построенной в форме молитвы, поэт спрашивает Бога, правильно ли он делает, воспевая земную любовь. Небо и землю он считает почти в равной степени домом Божиим ("Храм Твой, Господи, в небесах, // Но земля тоже Твой приют" - (243). Однако земную любовь поэт ценит выше небесной хвалы, воздаваемой Богу:

Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ. (244)

Исполненная страстью жизнь на земле прославляется также в стихотворении под красноречивым названием *Завещание* (1910), герой которого, очарованный соблазнами жизни, не хочет раствориться в небытии ("Не хочу я растаять во мгле") и просит не зарывать его тело после смерти в землю ("Не хочу я вернуться к отчизне, // К усыпляющей мертвой земле". - 112),⁵ а предать огню, сжечь на костре. Земля здесь символизирует косную материю, гроб, смерть, под-земный мир, а огонь - жизнь, свет, дух, мужество и очищение.⁶ Огонь уничтожает все старое, больное, негодное, плохое, способствуя рождению новой, чистой жизни.⁷ Кроме того, человек на земле тоже напоминает вспышку пламени. Позволяя сжечь свое тело, герой хочет последний раз вспыхнуть хотя б на миг перед тем, когда придется навсегда уйти в небытие или рай. Весьма красноречиво: даже если его ждет рай, он хочет еще раз, на одно мгновение, прикоснуться к земной жизни:

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня. (113)

Несколько другое признание - в другом стихотворении, "Я не прожил, я протомился" (1916), по всей видимости, очень важное с точки зрения поэтической автобиографии,

доказательством чему служит, по-моему, скрытая цитата из *Божественной комедии* Данте,⁸ как и реминисценция евангельского предания о преображении Христа - "вижу свет на горе Фаворе".⁹ Здесь герой, тоже альтер эго поэта, подводя итоги своей жизни перед ликом явившегося ему в мечте Бога ("И, Господь, вот Ты мне явился // Невозможной такой мечтой"), сожалеет о том, что полюбил землю ("возлюбил и сушу и море"), бунтовал против Бога ("Что моя молодая сила // Не смирилась перед Твоей") и поддавался зову плоти ("так больно сердце томила // Красота твоих дочерей"). И сама жизнь здесь названа томлением, а земля - "дремучим сном бытия" (эти слова являются несомненным отзвуком популярных в ту эпоху идей платоновской философии). Значит, подлинное бытие и настоящая жизнь находятся не на земле, а в каком-то другом измерении, там, где Бог. Но и тут поэт защищает земную любовь, говорит о ее великой силе, используя, для большего впечатления, риторический вопрос, анафору и антитезу:

Но любовь разве цветик алый,
Что ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить? (214)

Слышен скрытый упрек Богу в том, что неугасимому пламени любви он отвел лишь мгновение жизни, и уверенность, что любовь неистребима, вечна. Поэтому она служит оправданием героя - все в его жизни внушено любовью.

Земная жизнь изображена Гумилевым в форме вещего сна и в одном из ранних его стихотворений - *Сон Адама*, из сборника *Жемчуга*. В нем такая же, как и в стихотворении *Адам*, схема райской и земной жизни, противопоставление их, с одной стороны, место "плясок и песен", а с другой - "обитель труда и болезней". В нем тоже появляется противительный союз "но", который устанавливает между ними новые взаимоотношения: земля - "Обитель труда и болезней... Но здесь // Впервые постиг он с подругой единство" (106). Все внимание поэта сосредоточивается на истории человечества вплоть до конца света. Перед взором спящего Адама проносятся картины изгнания из рая, братоубийства, спасения от потопа в Ноевом ковчеге, мирного труда и войн, достижений науки, технической мысли и искусства, причем Адам метонимически отождествляется со всем человечеством, является его знаком:

Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрямя,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник... (106 - 107)

Адам лишен бунтарских черт, но изображен как настоящий герой - брошенный, вместе с Евой, в страшные условия

дикой природы ("в суровую вьюгу, где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч" - 106), он ведет упорную и длительную борьбу за существование и со временем вырастает в почти равноправного партнера природы, открывает многие ее тайны и превращается в полновластного хозяина земли:

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб, врзается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду,
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий. (107)

Он пытается проникнуть тайны мироздания, также нематериального мира, и в час волхвований "к нему для объятий нисходят сильфиды" и "к услугам его отомщать за обиды" спускаются "звездные духи, и духи стихий". И сам он, тоже беспокойный дух, живет в вечном поиске, вечном стремлении к новым, еще не открытым мирам ("Он любит забавы опасной игры - // Искать в океанах безвестные страны" - это явно автобиографическая черта, означающая отождествление поэта с героем и его судьбой). Он и скульптор, который любит "скрежет стального резца, дробящего глыбистый мрамор для статуй", и живописец, под ударами кисти которого ложатся на холст "девственный холод зари розоватой, и нежный овал молодого лица", и поэт, к нему приходят, "как новые звезды, печали еще неизведанных дум и страстей", и "ужас в искусстве, чтоб сердце болело от тяжелых предчувствий". В какой-то мере он соперник Бога - он "к небу возводит свой взор, слепой и кощунственный взор человека" (это, несомненно, бунт), но, узрев над собою "многозвездный шатер", раскинутый Богом "от века до века", подавляет в себе искру бунта и, "спокойный и строгий, он клонит колена и грезит о Боге" (107).

Рядом с Адамом и Ева, как самостоятельный образ, глубоко противоречивый. Это "кроткая Ева", "игрушка богов", но в то же время "зарница"; "когда-то ребенок", а теперь для Адама - "молодая тигрица"; соратница Адама, но и его противница. Она здесь "предвестница бури, и крови, и страсти, и радостей злобных, и хмурых несчастий" ("радости злобные" - оксюморон, характерный для романтического воображения Гумилева, углубляющий противоречивость образа), одновременно "блудница" и "святая", "лунная дева" и "дева земная", однако - "вечно и всюду чужая, чужая" (108). Это земная женщина, а не потонувшая в неге бесстрастная жительница рая, хотя она все же, подобно Адаму, равна небожителем, ибо, как отмечается в стихотворении *Осенняя песня*, - это носительница и символ жизни: "плодоносная жена" и "прародительница" (45).

В некотором отношении образы Адама и Евы близки друг

другу, общее в них именно то, что является отличительной чертой романтических героев: одиночество, отчужденность, внутренняя противоречивость. Но образ Евы более статичен, он лишь объект, который описывается извне, со стороны, в то время как субъект действия, настоящий протагонист, соратник мира и Бога (а Ева, как помним, "игрушка богов"). Он активен, он устраивает, окультурирует землю, делает своей, хотя и устремляет свой взор в звездный мир, к небесам. Но весьма характерно, что это наступает лишь тогда, когда он устает ("Устанет и к небу возводит свой взор" - 107). Он обращает свой взор к иному миру тогда, когда, по прошествии многих веков ("стаи веков пролетели"), "беспредельно" устав, спокойно и строго "молится Смерти, богине усталых" (108). Но - и это тоже немаловажная деталь - он молится не только о собственной кончине, а о конце всего брэнного мира, причем его молитва звучит не как просьба, а как магическое заклинание, изъявление воли имущего власть:

Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом! (108)

Его молитва выслушана, в ответ на нее, "рея багровым хвостом", к земле направляется "голубая комета"... Стоит обратить внимание на то, что слова, завершающие эту молитву, - проклятье при изгнании Адама и Евы из рая: "Ибо прах ты и в прах возвратишься" (Быт 3, 19), - возвещают не о возвращении в рай, где вечная жизнь, а в землю, то есть в состоянии небытия, как было до сотворения человека. В результате возникает глубоко противоречивый образ: Адам - повелитель, чьему слову подчиняются кометы, он равен Богу, соперник Бога, но в то же время - смертен, равен небытию, ничто.

Эта же формула используется и при христианском обряде погребения, где не означает смерти человека, а лишь его тела, так как душа, согласно вере, обретает вечную жизнь. Нельзя исключить, что и для Гумилева смерть не абсолютный конец, ведь стихотворение завершается возвращением в рай: Адам просыпается... Однако рай ничуть не изменился, остался неподвижным, хотелось бы сказать - безжизненным, что особенно сильно ощущает читатель по контрасту с описаниями драматической, бурной, исполненной борьбы и великих свершений жизни на земле.

Несмотря на то, что земная жизнь кратковременна, быстротечна, означена страхом смерти, симпатии Гумилева на ее стороне. Широкое поле для поиска, великих свершений и проявления качеств человеческого духа открывается именно

в суровых условиях земной жизни, о чем поэт прямо заявляет во втором катрене сонета *Потомки Каина*, развивая выказанный в экспозиции тезис о том, что змей не обманул Адама и Еву, когда сказал им, что будут как боги, вкусив запрещенного плода:¹⁰

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев - все запретные труды,
Для девушек - янтарные плоды

И белые, как снег, единороги. (104 - 105)

Существенную роль играет символика перечисленных здесь возможностей, которые принадлежат к разным сферам действительности, но представляют собой нечто вроде замкнутого, завершеного круга.

Дороги могут означать в стихотворении движение во внешнем, физическом, но и внутреннем, духовном пространстве - открытие новых материков и пути духовного совершенствования. Запретные труды являются скорее всего знаком тайного знания, мистического, эзотерического или гностического. Янтарные плоды - это многослойный традиционный символ зрелости, полноты, совершенства, а также плодородия.¹¹ Янтарь же несомненно соотносится с русскими легендами об Алатыре, огненном камне ("бел-горюч камень"), считавшемся апотропеичным, магическим: в русских заговорах и стихах о Голубиной книге есть алтарь, расположенный в центре мира посреди океана, на котором стоит мировое древо, или трон, и сидит девица, исцеляющая раны.¹² Таким образом, в самом стихотворении янтарные плоды, ассоциируясь с плодами с древа познания добра и зла, послужившими поводом для изгнания из рая, символизируют в то же время достижение полноты. Кроме того, согласно греческим мифам, в янтарь превратились слезы Гелиад, дочерей бога солнца Гелиоса, оплакивавших своего погибшего брата Фазтона, или слезы самого бога Аполлона после потери своего сына Асклепия, бога врачевания.¹³ Янтарные плоды, по ассоциации со слезами, означают также земную судьбу женщины, согласно проклятию: "Умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей" (Быт 3, 16). Образ "белых, как снег, единорогов" отсылает к символике единорога и белого цвета. Единорог - мифическое животное, рог которого толковался как фаллический символ, но по другой традиции единорог рассматривается как символ чистоты и девственности.¹⁴ Последнее значение усиливает евангельский эпитет "белый, как снег".¹⁵

Поэт рассматривает человечество с одной стороны согрешившим, а с другой - невинным. Амбивалентность толкования судеб человечества еще более усиливается в терцетах, завершающих сонет, где открывается "ужас древнего соблазна", и мы "клонимся без сил" перед даже случайно сло-

жившимся крестом, символизирующим жертву и искупление. Этот конечный образ симметричен по отношению к начальному образу искусствителя и противостоит ему. Но, назвав искусствителя "дух печально-строгий",¹⁶ автор привнес в его характеристику черты лермонтовского героя, с его семантикой бывшего небожителя, гордого бунтаря и изгнанника, жаждущего свободы и любви, чем он напоминает Адама из других стихотворений Гумилева.

Любопытно - стихотворение названо *Потомки Каина*, хотя, в то же время, лирическое "мы" относится ко всему человечеству, воспринимаемому обычно как потомки Адама и Евы. К Адаму и Еве, а не к Каину, которого в раю еще не было, мог обратиться и "дух печально-строгий". В этом, должно быть, скрыта определенная авторская мысль, Каин, который непосредственно не выступает в сонете, сравнивается с Адамом, даже как будто заменяет его и считается прапредком человеческого рода. В таком сближении образов характерно еще и то, что Каин, в свою очередь, изображается Гумилевым в русле романтических, в частности, байронических традиций, как гордый бунтарь: он близок Каину из одноименной драматической поэмы Байрона.

1. Н. Гумилев, *Стихи. Письма о русской поэзии*, Москва 1989, с. 100. Следующие ссылки на это издание будут отмечаться в тексте указанием страницы в скобках.

2. *Herder Lexikon Symbole*, Verlag Herder Freiburg im Breisgau 1990. См. польский перевод этого словаря: *Słownik symboli, opracowała Marianne Oesterreicher-Moliwo, przełożył Jerzy Prokopiuk*, Warszawa 1992, с. 74, статья *Król*.

3. Все цитаты из Библии приводятся по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Издание Московской Патриархии, Москва 1990.

4. См.: *W. Kopaliński, Słownik Symboli*, Warszawa 1990, с. 108, статья *Harfa*.

5. Слова эти, по-моему, не означают родины поэта, России, а скорее всего являются реминисценцией упоминаемых уже библейских слов "в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься" (Быт 3, 19).

6. *W. Kopaliński, Słownik Symboli*, с. 494, статья *Ziemia* и с. 266, статья *Ogień*.

7. *P. Kowalski, Leksykon znaki świata. Omen, przesąd, znaczenie*, Warszawa - Wrocław 1998, с. 371.

8. Стихотворение начинается со слов "Я не прожил, я протомился // Половину жизни земной", созвучных первой строке первой песни Ада, которые в более позднем переводе М.Л. Лозинского (1939 - 1945) звучат следующим образом: "Земную жизнь пройдя до половины". В начале XX века существовало несколько переводов Божественной комедии на русский язык: Н. Голованова (Москва, 1899 - 1902), О. Чюминой (СПб., 1900) и Д. Мина (Изд. 2, СПб., 1909). См.: Н.Г. Елина, Данте Алигьери, в: *Краткая литературная энциклопедия*, гл. ред. А.А. Сурков, т. 2, Москва 1964, с. 521.

9. Согласно легенде, преображение Христа имело место на горе Фавор, но это было бы невозможно, так как в те времена на этой горе была крепость и постоянно находился римский гарнизон. См.: *Библейский сло-*

варь, Энциклопедический словарь, сост. Э. Нюстрем, перевод И.С. Свенсона, Торонто 1982, с. 458, статья Фавор.

10. В другом стихотворении тех лет, Адам, сказано, в свою очередь, что Адам был обманут, но за это, между прочим, "в высоком небе хоры труб" ему "гремять не перестанут" (101).

11. См.: *Lexikon Symboli*, Warszawa 1992, с. 115, статья *Owoc*.

12. См.: Мифологический словарь, главный редактор Е.М. Мелетинский, Москва 1991, с. 28 - 29, статья М.А. Членова "Алатырь".

13. См.: Там же, с. 144, статья М.Н. Ботвинника "Гелиады", и с. 638, статья А.А. Тахо-Годи "Эридан".

14. См.: Там же, с. 205, статья В.В. Иванова "Единорог"; *Lexikon Symboli*, с. 57, статья *Jednorożec*.

15. В евангельской истории подчеркивается, что одежда ангела, сидящего у гроба Господня, была "бела, как снег" (Мф 28, 3). Также одежды Христа во время преображения "сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить" (Мк 9, 3).

16. Поэму Лермонтова "Демон" открывают слова: "Печальный демон, дух изгнанья". См. М.Ю. Лермонтов, Полное собрание стихотворений в двух томах, "Библиотека поэта. Большая серия", Ленинград 1989, т. 2, с. 436.

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ПОЭТА ЮРИЯ ВЛОДОВА

От автора

“Занимательные истории...” уже публиковались в “Вышгороде” в 6-м номере 2007 года. Но с той поры по ряду причин мне пришлось дописать еще одиннадцать новелл, которые я с преогромнейшим удовольствием и предлагаю читателю...

При этом напоминаю, что повествование ведется от имени поэта Юрия Александровича Влодова...

ТИШЕ, ЗДЕСЬ ДЕДУШКА ЛЕНИН...

Однажды летом в бытность нашу в Москве мы с мамой оказались на Красной площади. Ничего необычного в этом нет, если не считать того, что в то время через нее ходил городской транспорт и такой охраны, как позднее - не было.

Мы шли параллельно Кремлевской стене. И вдруг мне, трех-четырёхлетнему мальцу, приспичило в туалет.

- Хочу какать, - сообщил я маме.

- Потерпи, сыночка, - стала она уговаривать меня, ускоряя шаг.

Но я упорствовал, продолжая стоять на своем:

- Хочу какать.

Мама огляделась по сторонам...

Спасская башня возвышалась недалеко подобно скалочному великану, а мама держала меня на весу и приговаривала:

- Тише... Тише, здесь дедушка Ленин...

Внезапно появился военный и, угрожая, приказал не-

---

* Сергей Телюк (Москва) - прозаик, публицист, переводчик. Наш постоянный автор.

медленно убрать “это безобразие”. Безропотно разрывая на себе нижнее белье и доставая его лоскуты из-под кофточки - мама подчинилась. Потом взяла меня на руки, и мы стали быстро-быстро удаляться...

НЕЛЬЗЯ! ВОЖДЬ!

Однажды Вилли, офицер Гестапо, живший с нами в одной квартире в оккупированном Харькове, придя в нашу комнату за солью, заметил под кроватью журнальный лист с портретом Сталина (видимо, он висел на стене и, упав, оказался забытым в наступившей неразберихе).

- Нельзя! Вождь! - подняв иллюстрацию, сказал он. И отдал ее маме.

ГЕРР ОФИЦЕР...

Однажды вечером во время войны в центре Харькова двое румынских солдат стали приставать к двум нашим девушкам. Одна из них вырвалась из навязываемых объятий и подбежала к немецкому офицеру, оказавшемуся поблизости.

- Герр офицер... - начала девушка свою просьбу о помощи.

Выслушав ее внимательно, немец подозвал, вытянувшись при виде его по стойке смирно, румын. И начал громко ругаться, хлеща их поочередно перчатками по щекам.

А девушки пошли дальше, на звуки духового оркестра. Там - танцевали.

ВСЕГО НЕ УПОМНИШЬ

Однажды, когда война уже закончилась, к нам с мамой в Кемерово (куда мы переехали из Новосибирска, прожив там три месяца) приехал отец.

В общем-то он был узнаваем, правда, похудел и поседел (особенно виски), но выглядел молодецкато. На его груди красовались три ряда наградных колодок.

И, глядя на них, я спросил:

- Ты кто?

- Майор...

- А за что? - не унимался я.

- Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмораживались... Мало ли... Всего не упомнишь...

Я ВАМ БУДУ ОТЧИМОМ

Однажды в разгар зимы приехала в Березники большая фигура - авторитетный вор Егор Татарников. В пятидесятиградусный мороз он стоял на верхней площадке перед входом в кинотеатр (в добротном пальто, меховой шапке, перчатках - как инженер) и смотрел тоскливым взглядом на проходящие мимо беззаботные парочки. А возле него толпились местные урки. Один из них, Зая,

всхлипывая, жаловался на кого-то... Другой - Терех - выговаривал ему:

- Чего ты, дурашка, сукоед?! Чего ты разбазарился - успокойся...

- Прекратить это все, - негромко сказал Егор. - Не могу видеть... Если родители не воспитали - я вам буду отчимом...

Но тут подъехал самосвал. Татарников неспешно спустился к нему по ступенькам. Сел на сидение, захлопнув за собой предупредительно открытую шофером дверь. И - уехал.

В Березниках, в ту пору единственном "каменном" городе, построенном среди левобережных болот Камы, был еще и Дворец культуры, где работали актерами мои родители. Но местная жизнь протекала отчасти на лагерный лад, так как на другой стороне реки в отдалении раскинулись бескрайние просторы Усольяга.

Позднее отец, отвечая на мой вопрос:

- А на что похож наш город? - сказал, не долго думая: - Пожалуй, на Комсомольск-на-Амуре. - И добавил: - Правда, Комсомольск несколько больше, но все равно такой же...

ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

Однажды, намаявшись от неустроенности после возвращения в Москву, я решил обратиться с просьбой к самому Сталину.

Мне стало известно, что по распоряжению Ворошилова дали квартиру в Москве одному из воровских авторитетов. И я, не имеющий, как говорится, ни кола ни двора, подумал - ну чем я хуже!

Решиться на такое было непросто. Прикуривая папироску одну от другой, я какое-то время кружил вокруг Кремля и наконец, отважившись, вошел в ворота Спасской башни.

В застекленной будке с надписью "Бюро пропусков", стоявшей перед часовым, находившимся в отдалении, сидел майор в форме войск государственной безопасности. Он, поднявшись, откозырял и, обращая ко мне, поинтересовался целью посещения...

- К товарищу Сталину. По личному вопросу, - отеканил я заранее заготовленный ответ.

- Я, конечно, могу записать вас на прием к Иосифу Виссарионовичу, но придется долго ждать, - участливо отреагировал офицер. И продолжил после паузы: - Обратитесь лучше в Верховный Совет - как к депутату вы скорее к нему попадете...

Обласканный внимательным обращением, я вышел на Красную площадь со слезами на глазах и ощущением, что уже побывал у Вождя и мне ничего не надо!..

ТЫ РАЗВЕ НЕ ЗНАЕШЬ?

Однажды кто-то из посетителей спросил меня в редакции “Смены”, указывая на Кирилла Замошкина:

- Кто этот молодой человек?

- Зав. отделом литературы и искусства, - автоматически ответил я.

Потом задумался: в самом деле, кто этот панибратский, верткий крепыш?

Стал интересоваться. И услышал от сослуживцев:

- Как?! Ты разве не знаешь? Это сын писателя Замошкина...

Но такой писатель, увы, мало кому был известен.

Я КАК ПИСАТЕЛЬ...

Однажды меня познакомили с оказавшимся в Москве председателем белорусского колхоза, который обратился ко мне с просьбой: помочь ему срочно написать поэму о партизанах.

Мы договорились о цене и - поехали на Ломоносовский проспект, к его родственникам, где, расположившись в просторной кухне, начали работу.

В принципе дело обстояло так: между нашими разговорами и едой я сочинял стихотворное произведение на героическую тему из жизни партизан. А мой собеседник, оказывается, мечтавший о литературной славе (ему этого не хватало для полного счастья!), постепенно набирал маститость и к концу ночи уже заявлял:

- Я как писатель...

Через пару месяцев знакомые передали мне бандероль, в которой находился минский журнал “Неман” с опубликованной под именем Председателя поэмой.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПОЭТЫ!

Однажды мы с Ароновым выпивали в “Московском комсомольце”. Естественно, в какой-то момент зашел разговор о поэзии.

- Ты считаешь меня поэтом? - неожиданно спросил Саша.

- Конечно! - ничуть не сомневаясь, ответил я.

Саша нагнулся и откуда-то из-под стола, за которым мы сидели, достал банку домашнего варенья. Вертя ее в руках - поинтересовался как бы на всякий случай:

- Закусывать будешь?

Наступила пауза.

И тут Саша размахнулся и, швырнув банку в противоположную стену, выкрикнул:

- Да здравствуют поэты!

Банка от удара - разбилась. А возникшее легендарное пятно еще долго было украшением кабинета.

НЕ ФУНТ ИЗЮМА...

Однажды зимой, переночевав у Юры Смирнова, утром я вышел покурить на лестничную площадку. Из окна была видна башня Бутырской тюрьмы. Я, приметив часового и злорадствуя, что нахожусь по эту сторону - сделал эмоциональный жест и выругался вслух. А Смирнов, оказавшийся рядом - став невольным свидетелем, изрек:

- Жизнь, впрочем, как и поэзия - это, брат, не фунт изюма...

Юра замерз в одну из последовавших зим на ступеньках заднего крыльца ЦДЛ. Его вывели из ресторана проветриться и - забыли...

АТУ ЕГО!

Однажды в один из летних дней, часов в одиннадцать утра, оказавшись близ Колхозной площади, я решил зайти в "Литературную газету", чтобы умыться, побриться и т.д.

Надо сказать, что в то время я не имел постоянного места жительства. Ночевал в парках и на вокзалах, спал в электричках и кинотеатрах, однако, продолжая заходить в редакции и общаться с писателями.

Так вот, открыв одну за другой две массивные двери и уверенно войдя в здание, занимаемое газетой, я показал привставшей навстречу мне вахтерше большой конверт.

И отчеканив: - Водитель, - как бы не обращая внимания на охрану, проскочил в помещение.

После чего быстро поднялся на второй этаж, заперся изнутри в туалете и стал приводить себя в порядок. Окончив намеченные дела, я вдруг расслабился, и прилег вздремнуть на стоявшую внутри кушетку...

Разбудили меня стук и лязг закрытой щеколды. Открыв ходящую ходуном дверь, я увидел перед собой Чаковского с тревожно поблескивавшими на носу очками.

- Водитель, - неуверенно сказал я оторопевшему хозяину туалета.

И, скорее интуитивно используя возникшую паузу, сунув пустой конверт главному редактору в руки, побежал вниз.

А за спиной слышались гневные выкрики Александра Борисовича, обращенные к кому-то из сотрудников. Но все они для меня звучали одинаково, на манер:

- Ату его!

**ДО
И
ПОСЛЕ**

ЖАВОРОНОК

такое тоненькое
горло

сердечником
карандаша
казалось
к солнцу
рвешься
гордо

сокрытой горечи
душа

ВОЙНА

там
остров
там
сернокислотная
влага

там пули врага

там пуста моя фляга

в храм
ходит старик
чтобы мертвых бедою
наполнить стаканы
холодной водою

Нил Нерлин - член Союза российских писателей (Москва). Автор десяти книг стихов и прозы. Живет в Таллинне с 1980.

APOLLO 13

кто мой
кто мой
в железной
робе
окутан
тьмой
как бог
во гробе

*

нес
ночам
очнуться
луч

пыткой
памяти

но как мне
замурованному
в камне
взять
взаймы

сквозь время
ключ

ДИСКУССИЯ НАЧАЛА 50-Х

опущен семафор
сортирных дыр клоака
над нею **Коба - вор!***
соскабливает клака
мазнута кровь тишком
Кормильцу в эполетах
под смачный мат стишков
ЕГО врагов отпетых
допишутся **жиды**
Ватагин багровеет
он бережет ж.д.
а здесь крамолой веет
на мальчика с котом
которым нет закона
и так и так **скотом**
союзного загона
приобский контингент

газетная бумага
дерьмом** дрожать агент
великодержца-мага

21 декабря 1979

* Хитник власти. Даль

** Правда с "Потоком
приветствий"

ПРЕДЛОГ

под морем
город основался
Медный Всадник

из мглы могил постылых
достойный деспот есть

взнуздавшим Смерть
"по стилю"
почти стихийна
лесть

дóлг
вмёрзнуть
в голод
массами

пустóты
статуй
сам
насытишь

смятый в мясо
копытами усам

10.02.07

ПЕРВЫЙ ШАГ

ее нашли в лавчонке пыльной
старьевщика хотя разор
земли обломками обильной
вокруг стоптал творцов как сор

взгляд *мимо* нас резцом ровняя
той вечной точности глубин
лишь скульптор подлинной Раннаи
знал прах подошв куда клубим

1969 июль 21

лунный модуль *Нила*

МУЗЫКА ЗАБЫТЫХ

скрип коростеля
сердце выпил
камыш корзинку
ягод выбил
подков погоням
вскрик вернется
комарик
понапрасну вьется
болотцем
высохших ракит
глядится
в лужицу рахит
сон солнца
рыжая осока
а солнышко
живых высоко
и нету крылышек
взлететь
и садит
по ключицам
плеть

черновик 80-го

ПЛАТЬИЦЕ

самая длинная ночь
качающейся Земли
моря отхлынули прочь
точно мир на мели
тёмен торговый порт
нефть уже нипочём
бесшумен воздушный борт
крыла касаясь плечом

тусклый кустик
пустынь
взлётных ферм
этажи
солнц там тьма
не тужи
ветер тут
не простынь

21.12.2008

16 ЯНВАРЯ

Т.Я.

да вслушиваться ль в судный звук трубы
заложнику взрывающему Небо
когда завис косым крестом турбин
погасших вдруг
и ровный гул как не был
расчетно точен
вечною бедой
погибни боинг
боже
здесь же зона
высотных башен
проскользни водой
меж них верни
мазутный гул Гудзона
пока лежу на креслице крутом
беспомощен как вы сиротской муки
такой же смертник но кровавым ртом
целительнице здесь целюя руки

2009

ПРОЗА

ПАЛ БЕКЕШ. Порошковое молоко. Фрагмент романа "Чикаго". Перевела с венгерского ЕЛЕНА РОЖКОВА. III-IV, 30.

МАЙМУ БЕРГ. Триптих. Реквием президенту. Слезы президента. Мечта об Альгамбре. Новеллы. Перевела с эстонского МАРИНА ТЕРВОНЕН. I-II, 88.

АЙДИ ВАЛЛИК. Что делать, Анн? Главы из романа. Перевели с эстонского: АЛЬБИНА КАЛАБУХОВА, АНАСТАСИЯ РУМЯНЦЕВА, КРИСТИНА РУДЕНКО, ЕКАТЕРИНА ОХРИМЕНКО, АНАСТАСИЯ БЫСТРОВА, АННА СЕЛЕНИНОВА, ИРИНА ЗОЛОТЫХ, ВАЛЕРИЯ ДОЛГОРУКОВА. V, 108.

АРВО ВАЛТОН. Толока. Эссе. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА НИКИТИНА. Пастырь. Новелла. Перевела с эстонского ЕКАТЕРИНА ЖАВОРОНKOVA. III-IV, 187.

МАГДА ВАРГА. Человек верен себе. Тюремная переписка. 1957-58. Перевел с венгерского АНАТОЛИЙ ГУСЕВ. III-IV, 94.

БОРИС ЕВСЕЕВ. Почва Ийеша. Однорукий скрипач. Эссе. III-IV, 156.

Берлинская история. Рассказ. VI, 56.

ТЭЭТ КАЛЛАС. Август 91-го. Эссе. Перевела с эстонского АЛЛА КАЛЛАС. I-II, 69.

ШАНДОР КАНЯДИ. Приключения Косолапого. Сказки. Перевела с венгерского ЕЛЕНА РОЖКОВА. III-IV, 205.

КРИСТИЙНА КАСС. Колдунья кот. Сказка (отрывок). Волшебная подушка Самуэля. Рассказы. Перевели с эстонского: МИХАИЛ КОТОВ, АНАСТАСИЯ КУДЕНКО, ПОЛИНА АНИСИМОВА, ЕКАТЕРИНА КУДЕНКО, КРИСТИНА НЕДЗИНСКАЯ, АНАСТАСИЯ ЧУМАК. V, 168.

АНДРУС КИВИРЯХК. Штормовой берег. Новелла (отрывок). Орел. Новелла (отрывок). Обнаженные. Конец света. 20-летняя девушка с небольшим рюкзачком за плечами. 30-летний мужчина с горящей сигаретой между пальцев. Пекарь. Секрет папиных тапочек. Новеллы. Перевели с эстонского: ИРИНА ВИХОРЕВА, ОЛЬГА МОЛЕВА, МАРИАННА ЗВЕРЕВА, ДАРЬЯ ЯКУТИНА, ОЛЬГА ТИХОНОВА, АНАСТАСИЯ ВОРОБЬЕВА, ДОНАТАС БРАЗЮЛИС, ЛИДИЯ БУШИНА, ВИКТОРИЯ ЕРИНА. V, 8, 143.

ЯАН КРУУСВАЛ. Зима. Душе зябко. Миниатюра. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ВЕРХОУСТИНСКАЯ. I-II, 67.

АЙНО ПЕРВИК. Пернатая, Баюн и черных монах. Главы из фантастической повести-сказки. Перевели с эстонского: АННЕЛИ ЛААР, РОМАН ВЕНГЕР, АНАСТАСИЯ ЛАЙДНА, ЮЛИЯ ШЕВЧУК, ЮЛИЯ ГАПЧУКОВА, МАРИАННЭ ПЯРН, ДИАНА СУРКОВА, ВЕРОНИКА АЛЕКСАНДРОВА, ЭЛЛИНА НИККАР, ВЛАДИСЛАВ РЕМЕЗОВ, ЕЛИЗАВЕТА КУРЛЕТОВА. V, 67.

КЕТЛИН ПРИЙЛИНН. Девочка по имени Марикруз. Главы из повести. Перевели с эстонского: КСЕНИЯ РОЖИНСКАЯ, КАРОЛИНА ЯРВЕЛА, АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ, ЕКАТЕРИНА ГУТОВА, АНАСТАСИЯ ЛЕНСКАЯ, НАТАЛЬЯ ДЕМИДОВА, МАРТА МЕОС. V, 40.

РЕЙН ПЫДЕР. Свет липовых аллей. Рассказ. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ТЕППЕ. I-II, 111.

ЯАН РАНАП. Яна и фантазии. Короткие рассказы. Перевели с эстонского: САНДРА ТРЕЙЕР, АНДРЕС КРЫММ, АЛЕКС ТЕРЕНТЬЕВ. Зайчонок Юсь. Сказочки. Перевели с эстонского: ВАРВАРА ДОЙЛОВА, МАКСИМ ГРОМОВ. V, 18, 184.

ЛЮДМИЛА САРАСКИНА. Восемнадцатый год. Пролог к биографии "Александр Солженицын". VI, 5.

ИЛЬМАР СЯРГ (АЙН СЯРГ). Омяэ. Отрывок из романа. Перевела с эстонского МАРИЯ МАРТИНСОН. I-II, 21.

МАТС ТРААТ. Вечера в Хелленурме. Рассказ. Перевела с эстонского ЕКАТЕРИНА ЖАВОРОНКОВА. I-II, 38.

ЛЕЭЛО ТУНГАЛ. Табель Юкку. Пьеска. Перевел с эстонского АЛЕКСАНДР КЕСА. V, 38.

ПОЭЗИЯ

ВИТАЛИЙ АМУРСКИЙ. Rétrovisseur. I-II, 52.

ЛЕЙЛИ АНДРЕ. Встань утром рано. Перевела с эстонского АРИНА МАРОВА. V, 106.

ЯАН КАПЛИНСКИ. Звездочка. "ВЕТЕР С КРЫШИ СОРВАЛСЯ..." Перевел с эстонского ЭДВАРД ЮХКАМ, ЛАРИСА ПРИБЫЛЬСКАЯ. V, 103.

ДОРИС КАРЭВА. Лунная лошадка. Поэма. Перевели с эстонского ВЕРОНИКА ПЕТРОВА, ИРИНА ФЕДОРОВА. V, 5. Скерцо - САНДРА НЕЧАЕВА. V, 7. "Душа давно влюбилась..." - АНГЕЛИНА АДАЙКИНА. V, 36. Через пропасть - ДАРЬЯ ГЛУСКО, РИЧАРД КЕРШИС, КАМИЛЛА НЯРВЯНЕН, ДАРЬЯ ЗУБАРЕВА, ЕКАТЕРИНА НИКИТИНА, ЛИЛИЯ БОЕВА. V, 194.

НИЛ НЕРЛИН. Равенство родства. I-II, 174. Огнепоклонники. III-IV, 225. Ты чей. VI, 167.

ГРИГОРИЙ ПЕВЦОВ. Осенняя птица. VI, 48.

ВИШНУ БАХАДУР СИНГХА. Пора заняться политикой. Перевел с непали ВИКТОР ЗУЕВ. VI, 119.

ЛЕЭЛО ТУНГАЛ. Июнь. Группа "Переводилка". V, 35. Если... Перевела ДАРЬЯ ШЕБАРОВА. V, 99.

БХИМ УДАС. ХРАМ. Перевел с непали ВИКТОР ЗУЕВ. VI, 18.

РАНДЖАНА УДАС. Межа. Перевел с непали ВИКТОР ЗУЕВ. VI, 92.

НАСЛЕДИЕ

АРТУР АЛЛИКСААР. Lahkühtimine. Стихи. Перевели с английского АННА ЛОСКУТОВА, ВИКТОРИЯ МАЛИНОВА, ВАСИЛИСА МАТВЕЕВА, АЛЕКСАНДР РАВИН. I-II, 106.

ИВАН БАЗИЛЕВСКИЙ. Частички мировой души. Стихи. VI, 147.

ДОМОКОШ ВАРГА. Немое послание жене. Дикие гуси. Стихи. Перевел с венгерского СЕРГЕЙ ТЕЛЮК. Сорвиголовы. Рассказ. Перевела с венгерского ТАТЬЯНА ВОРОНКИНА. III-IV, 116.

ЮХАН ВИЙДИНГ. Тот мальчик... Стихи. Перевели с эстонского САНДРА НЕЧАЕВА, ЛАРИСА ПРИБЫЛЬСКАЯ, КИРИЛЛ РУДКО, ДАРЬЯ ШЕБАРОВА. V, 138.

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ. Первый день оставшейся жизни. Главы из романа. VI, 93.

АТТИЛА ЙОЖЕФ. Дел по горло... Стихи. Перевел с венгерского ЛЕОНИД МАРТЫНОВ. III-IV, 146.

КАЛЬЮ КАНГУР. Семь мостов тумана. Стихи. Перевели с эстонского ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ, НИКИТА АНИСИМОВ, ОКСАНА ГОЛУБЫХ. V, 165.

Капай, капай, дождик! - перевели с эстонского: НАТАЛЬЯ И ВИТАЛИЙ КРАСИЛЬНИКОВЫ, АНАСТАСИЯ ГАБРУКЕВИЧ, АННА ШУБИНА.

ФЕРЕНЦ КЁЛЬЧЕИ. Гимн. Перевел с венгерского ЛЕОНИД МАРТЫНОВ. III-IV, 9.

ФРИДРИХ РЕЙНХОЛЬД КРЕЙЦВАЛЬД. Рейнеке-Лис (отрывок). Перевела с эстонского НАДЕЖДА ЧАЛЫХ. V, 96.

ЯАН КРОСС. Исходный текст. Из книги воспоминаний "Дорогие спутники". Перевела с эстонского ТАТЬЯНА НИКИТИНА. III-IV, 122.

БОРИС КРЯЧКО. Тетушка. Рассказ. VI, 125.

ЮХАН ЛИЙВ. "Нет, денег не хочу я..." Стихи. Перевел с эстонского АРСЕНИЙ ТИМОФЕЕВ. V, 182.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ. Ровесник. Стихи. III-IV, 186.

ЛЕННАРТ МЕРИ. Точка возврата. Три публичные речи 1997 г. Перевел с эстонского АЛЕКСАНДР ТОМБЕРГ. I-II, 13.

ШАНДОР ПЕТЁФИ. В бою. Стихи. Перевел с венгерского ЛЕОНИД МАРТЫНОВ. III-IV, 93.

Песенки прабабушек. КАРЛ ЭДУАРД СЁЭТ. ПЕЭТЕР ГРЮНФЕЛЬДТ. КАРЛ ЭДУАРД МАЛЪМ. Перевела с эстонского АННА ГАМС. V, 25.

ЭНО РАУД. И до сей поры смешно Стихи. Перевели с эстонского: КАРИН РЕБМАНН, ДМИТРИЙ ЛУНИН, АННА ЛОСКУТОВА. V, 64.

КАРЛ РИСТИКИВИ. Раскрытые глаза. Новелла. Перевела с эстонского ЛЮДМИЛА СИМАГИНА. VI, 73.

ГУСТАВ СУЙТС. Свой остров. Стихи. Перевел с эстонского АЛЕКСАНДР РАВИН. V, 183.

АЙН СЯРГ (ИЛЬМАР СЯРГ). Омяэ. Отрывок из романа. Перевела с эстонского МАРИЯ МАРТИНСОН. I-II, 21.

ИНГЕ ТРИККЕЛЬ, ИВАР ТРИККЕЛЬ. Прыткий лось и другие. Перевела с эстонского АННА МИХАЙЛОВА. V, 100.

ФРИДЕБЕРТ ТУГЛАС. Пятьсот лет назад. Стихи. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ТРЕТЬЯКОВА. I-II, 74.

МАРИЕ УНДЕР. Твой день, свобода! Стихи. Перевела с эстонского ЛИНДА ЛАУР. I-II, 5.

ИШТВАН ЭРКЕНЬ. Блокнот пятьдесят шестого. Способ употребления. Рассказы-минутки. Перевела с венгерского ТАТЬЯНА ВОРОНКИНА. III-IV, 12, 164.

ИССЛЕДОВАНИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА. СООБЩЕНИЯ

ЭВЕЛИН АМУРСКИ. На "соучастном" языке. О переводах на французский М.И. Цветаевой. VI, 68.

НАФТОЛИЙ БАССЕЛЬ. Дома и миражи. I-II, 137.

ВИКТОР БОЙКОВ. Мартиролог. Северо-западная армия и Эстония. I-II, 146.

ЕВА МАРИЯ ВАРГА. Нанесенные историей раны. Интервью ЕЛЕНЬ РОЖКОВОЙ, III-IV, 121.

РЕЙН ВЕЙДЕМАНН. Потаенное имя. Четверть века нашей новейшей истории (1982-2007). Перевела с эстонского ТАТЬЯНА НИКИТИНА. I-II, 77.

ЙОЖЕФ ВИГ. Европейский диалог. Вступительное слово посла Венгерской Республики в Эстонии. Перевела с венгерского ТАТЬЯНА НИКИТИНА. III-IV, 5.

ДОБРИНКА САВОВА-ГАБРОВСКА. Болгарский "Сын Человеческий". VI, 71.

ЛЮДМИЛА ГЛУШКОВСКАЯ. Поправка с Non/fiction, или Вещий сон крымчака. Лотман - Тарту - Пушкин. I-II, 132. Этот эстонский тыл. О выставке "Архипелаг ГУЛАГ: эстонский остров" в библиотеке-фонде "Русское Зарубежье" (Москва). VI, 14.

ЛЕОНИД ГОРДЕЕВ. Мирские встречи. I-II, 139.

БОРИС ЕГОРОВ. "Переход через нуль". I-II, 160. "Перевертыши" и "разломы". Снова о Ю.М. Лотмане. VI, 20.

АЛЕКСАНДР ЗОРИН. Отсюда, из настоящего времени. О Борисе Крячко. VI, 121.

СЕРГЕЙ ИСАКОВ. Прикосновенность к тайне. Очерк о династии Базилевских VI, 131.

АСКО КЮННАП. Класс. Рецензия. Перевела с эстонского КРИСТИНА СМЫСЛОВА. V, 28.

МАЙ ЛЕВИН. Вокруг "Siuru". I-II, 173.

НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА. Плацдарм добра. О "Красном Колесе". VI, 85.

ДМИТРИЙ ПЭН. Архимедовы тропинки российского Аполлона. Литературные этюды. VI, 37.

ЮХАН СИЛЛАСТЕ. Еще та эпопея. Как мы набирались опыта. Авторский перевод с эстонского. III-IV, 147.

ЭНН СООСААР. Отец и время. Очерк. Перевела с эстонского ТАТЬЯНА НИКИТИНА. I-II, 57.

НАТАЛЬЯ ТЕЛЕТОВА. Сибирская тяжба. А. Петров-Ганнибал и С. Владиславич-Рагузинский. VI, 153.

ТАМАШ ТОТ. Ответить более весомыми символами. С кинорежиссером беседует НИКОЛАЙ КАРАЕВ. III-IV, 221.

МАЛЛ ХЕЛЛАМ. Тарту - Будапешт - Таллинн. Устный монолог по-русски. III-IV, 202.

ЭЛЬВИРА ЧИРПАК. Дети матери-земли. Лирика Дюлы Юхаса и Сергея Есенина. III-IV, 194.

ИСКУССТВО

ЭДУАРД ВИЙРАЛЬТ. Автопортрет. I-II, 172. Композиция. I-II, обложка.

НИНА ГОЛИКОВА. Берег. V, обложка.

ЕКАТЕРИНА ДУДИНА. Мы. V, обложка.

КАРОЙ КОШ. Рис. к балладе "Песнь о короле Атиле". III-IV, 3.

НАТАЛЬЯ МИНИЛГАЛИНА. Наши "высотки". V, обложка.

НАТАЛИЯ ПАУЛЬСЕН. Вышгород (акварель). VI, обложка.

ВЕРА СТОЛОВИЧ. Портрет Ю.М. Лотмана (галька). VI, обложка.

БАЛЬДЕР ТОМАСБЕРГ. Siuru - III. I-II, обложка.

НИКОЛАЙ ТРИЙК. Рождение свободы. I-II, 3. Возвращение победителей. I-II, 76.

АДОЛФ ФЭНЭШ. Деревенская улица (холст, масло). III-IV, обложка.

ТИВАДАР ЧОНТВАРИ КОСТКА. Одинокий кедр (холст, масло). III-IV, обложка.

RESÜMEE

Ajakiri „Võšgorod“ sai 15-aastaseks. Esiknumbrist alates on selle veerudel pidevalt figureerinud Aleksandr Solženitsõni (1918-2008) nimi. On memuaarid ja arhiivimaterjalid represseeritute, küüditatute, mõrvatute ning laagrites ja sundasumisel hukkunute kohta.

Pealegi lõi Solženitsõn suurema osa oma „Arhipelaag GULAGist“, olles 60-ndatel aastatel „eesti tagalas“, Kopli-Märdi talus. Suure ajaloolase 90. sünnipäeval oli sellele tohutu Arhipelaagi Eesti saarele pühendatud mitu näitust: raamatukogus „Russkoje Zarubežje“ (Moskva), Rahvusraamatukogus (Tallinn) ja Keskraamatukogus (Narva). See määraski juubelinumbri temaatika.

Siin on Jaan Krossi artikkel stalinismi-kommunismi kuritegudest ja ohtudest, katkend Arvo Valtoni romaanist „Masendus ja lootus“, Ksenija Šahovskaja-Zarkevitši ja Vera Solovskaja päevikud, Heli Susi ja Artur Erik Laasti mälestused, A. Solženitsõni kirjavahetus oma eesti soost mõttekaaslastastega, Sergei Jurenevi laagris sündinud luuletused, Hilda Sabbo ja Anne-Ly Reimaa esinemised A. Solženitsõni mälestusõhtul Moskvast ning katkendid Jefrosinia Kersnovskaja jutustusest „Oaas põrgus“.

Ajakirjanumbri peateemaga ühtuvad Alen Poltsi monodraama „Naine ja rinne“, professor Franciszek Apanowiczi (Poola) olukirjeldus „Korrastatud paradisi“, mis käsitleb Nikolai Gumiljovi luulet, Maimu Bergi novellid, Ülo Tuuliku essee, Sergei Teljuki miniatuurid.

Luule: Marina Kutšinskaja (Soome), Vitali Amourski (Prantsusmaa), Vladislav Penkov ja Nil Nerlin (Eesti).

Eesti keelest tõlkinud Jelena Pozdnjakova, Tatjana Nikitina ja Oleg Kostandi, ungari keelest - Tatjana Voronkina.

SUMMARY

This issue celebrates the 15-th anniversary of Vyshgorod.

From its outset the name of Alexander Solzhenitsyn (1918-2008) has enhanced the pages of the magazine: memoirs, archive materials about repressed, exiled and perished in the camps. The option was intensified by the fact that a bigger part of the internationally acclaimed *Archipelago GULAG* was written in Estonia, at Kopli-Mardi in the late 60-s. Appropriately, the theme of the Estonian "island" of archipelago has been the focus of the exhibition held in Moscow (Russkoye Zarubezhje) to mark the 90-th birthday of a great historian, in Tallinn (Estonian National Library), in Narva (Narva Central Library). Thus the theme of the jubilee issue has been defined.

It comprises: an article by Yan Kross about threats and crimes of stalinism-communism, an excerpt from Arvo Valton's novel *Oppression and Hope*, diaries of Kseniya Shahovskaya-Zarkevitch and Vera Solovskaya, reminiscents by Heli Susi and Arthur Erik Laast, A. Solzhenitsyn's correspondence with his Estonian friends, poems written in the camp by S.N. Yurenev, Hilda Sabbo's and Anne-Ly Reimaa's speeches at the event to the memory of Solzhenitsyn, fragments of Yefrosiniya Kersnovskaya's story *Oasis in the Hell*.

Spiritually close to the main theme Alen Polts's drama *Woman and the Front*, an essay by Polish professor Franciszek Apanowicz about Nicholay Gumiliev's poetry, novellas by Maimu Berg and Sergey Teliuk's miniatures.

Poetry: Marina Kuchinskaya (Finland), Vitaly Amoursky (France), Vladislav Penkov and Nil Nerlin (Estonia).

Translated: From Estonian - Elena Pozdniakova, Tatiana Nikitina and Oleg Kostandi; from Hungarian - Tatiana Voronkina.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯАН КРОСС.

Тень Ивана Грозного.

Выступление на международной конференции
“Преступления коммунизма” 14.VI.2000.
Перевела с эстонского Татьяна НИКИТИНА.

5

КСЕНИЯ ШАХОВСКАЯ-ЗАРКЕВИЧ.

Зачем? За что? Куда? Дневники с июня 41-го.
Черновик ВЕРЫ СОЛОВСКОЙ.

12

ХЕЛИ СУЗИ.

Вне оценок третьих лиц.

А.И. Солженицын и Эстония (1963-1968).
Перевел с эстонского ОЛЕГ КОСТАНДИ.

28

“НАДО РАБОТАТЬ”.

Переписка А.И. Солженицына с эстонскими друзьями-помощниками.

40

ГИЛЬДА САББО.

Невозможно молчать!

Выступление на вечере памяти А.И. Солженицына 12.XII.2008.

52

АННЕ-ЛИ РЕЙМАА.

Он изменил ход истории.

Выступление на вечере памяти А.И. Солженицына 12.XII.2008.

57

МАРИНА КУЧИНСКАЯ.

Ратуша-матушка. Стихи.

61

ЕВФРОСИНИЯ КЕРСНОВСКАЯ.

Оазис в аду.

Фрагменты из книги “Сколько стоит человек” с ее рисунками.
Наследник-публикатор ИГОРЬ ЧАПКОВСКИЙ.

63

ЛЮДМИЛА ГЛУШКОВСКАЯ.

За хилой калиточкой... Очерк.

84

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЮРЕНЕВ.

Два стихотворения.

Записал в Бухаре со слов автора 24 августа 1969 г.
П.В. ФЛОРЕНСКИЙ.

91

АРТУР ЭРИК ЛААСТ.

Инта. Эссе.

94

АРВО ВАЛТОН.

Надежда под гнётом. Из неопубликованного романа.
Перевела с эстонского ЕЛЕНА ПОЗДНЯКОВА.

96

ВИТАЛИЙ АМУРСКИЙ.

Неторопливо мыслящий тростник... Стихи.

100

ЮЛО ТУУЛИК.

Уход матери. Эссе.

Перевела с эстонского ЭЛЬВИРА МИХАЙЛОВА.

105

АЛЕН ПОЛЬЦ.

Женщина и фронт. Монодрама для двух персонажей.

Сценический вариант ЛАСЛО БАРАНЬИ.

Перевела с венгерского ТАТЬЯНА ВОРОНКИНА.

107

ВЛАДИСЛАВ ПЕНЬКОВ.

Черный пасьянс. Стихи.

152

МАЙМУ БЕРГ.

Незнакомцы. Три новеллы.

Перевела с эстонского ЭЛЬВИРА МИХАЙЛОВА.

155

СОБЫТИЯ.

Л.Г.

15 лет лицом к лицу.

185

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР.

Н.Н.

Прототип.

О книге Татьяны Кузовкиной "Феномен Булгарина".

190

НАФТОЛИЙ БАССЕЛЬ.

Эстонские русские.

Об исследовании С.Г. Исакова "Путь длиною в тысячу лет".

193

ФРАНЦИШЕК АПАНОВИЧ.

Прибранный рай. Поэзия Н.С. Гумилева.

196

СЕРГЕЙ ТЕЛЮК.

Однажды в XX веке. Миниатюры.

207

НИЛ НЕРЛИН.

До и после. Стихи.

212

Содержание журнала "Вышгород" за 2008 год.

217

см. также: www.veneportaal.ee/vyshgorod

На обложке:

1. Заросшая бурьяном, безлюдная дорога, которая ведет в порушенную деревню Ново-Эстоновка Краснодарского края.
Фото из архива Гильды Саббо.
2. Журналу "Вышгород" - 15. Обложка первого номера, выполненная художником Владиславом Станишевским.
- С. 4. Иван Шаховской, 6 лет, 1962. Рисунок "Обед царя". Альбом "Рисунки наших детей", М., "Советский художник", 1962.

НАД
НОМЕРОМ
РАБОТАЛИ

Людмила Глушковская

главный редактор

Юрий Зотов

зам. гл. редактора

Владислав Станишевский

художник

Олег Костанди

технический редактор

Алла МалOVERьян

ЭСТОНСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
•РУССКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ•

корректор

АДРЕС

а/я 1016, "Вышгород", 10302, Таллинн

ТЕЛЕФОН

6 403 945

Е-МАИЛ

Nil.Vysgorod@mail.ee